

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Арзамасский филиал

на правах рукописи

МЕДВЕДКОВА Елена Станиславовна

ОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ
В.И. КОСТЫЛЕВА

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Климкова Л. А.

Нижний Новгород – 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Теоретические и методологические основы исследования....	12
1.1. Имя собственное как лексико-грамматический разряд субстантивов и как оппози́т имени нарицательного.....	12
1.2. Типология имен собственных.....	24
1.3. Ономастика как наука об именах собственных. Разделы ономастики.....	28
1.4. Литературная (поэтическая) ономастика.....	32
1.5. Картина мира, языковая личность, идиолект, идиостиль как категории художественного текста.....	42
<i>Выводы.....</i>	<i>51</i>
Глава II. Художественная картина мира В.И. Костылева.....	53
2.1. В.И. Костылев: биобиблиографический очерк.....	53
2.2. Идиолект и идиостиль В.И. Костылева: общая характеристика.	57
2.3. Онимическая составляющая художественной картины мира В.И. Костылева: общий взгляд.....	71
2.4. Библионимы исторических романов В.И. Костылева.....	76
<i>Выводы.....</i>	<i>90</i>
Глава III. Онимическое пространство исторических романов В.И. Костылева.....	93
3.1. Антропонимическое пространство исторических романов В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы».....	93
3.1.1. Антропонимы в романе В.И. Костылева «Кузьма Минин».....	95
3.1.2. Антропонимы в романах В.И. Костылева «Питирим», «Жрецы».....	102
3.2. Топонимическое пространство исторических романов В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы».....	114
3.2.1. Топонимы в романе В.И. Костылева «Кузьма Минин»...	127

3.2.2. Топонимы в романах В.И. Костылева «Питирим», «Жрецы».....	136
3. 3. Периферия онимического пространства романов В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы».....	149
3. 4. Этническая составляющая онимического пространства романов «Питирим», «Жрецы», «Кузьма Минин».....	158
<i>Выводы</i>	176
Заключение.....	180
Библиография.....	184
Приложения	
1. Список сокращений.....	215
2. Фрагменты карт.....	216
3. Таблица сопоставления антропонимов, употребленных в романах В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы», и в «Писцовой и переписной книгах XVII века по Нижнему Новгороду».....	219
4. Словники антропонимов и топонимов, функционирующих в романах В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы».....	222

ВВЕДЕНИЕ

Сфера изучения русской литературной ономастики постоянно требует расширения, углубления. В последние годы работа в данной области заметно активизировалась. Однако эта активизация не касается произведений в жанре исторического романа, причем исследования в этом направлении посвящены чаще отдельным разрядам имен собственных (далее ИС): либо антропонимам, либо топонимам, либо находящимся на периферии онимического пространства онимам, таким, как прагматонимы, эргонимы, хрононимы и др. Сегодня имеется определенное количество работ в области анализа ономастикона произведений русских и зарубежных писателей, в том числе и авторов исторических романов. Ономастикон исторического романа имеет свои существенные особенности, и их надо выявлять на конкретном материале и систематизировать, поскольку собственные названия предстают функционально значимым компонентом прозаического произведения, как и произведений других родов литературы. Одной из таких особенностей является опора исторического романа на широкий круг реальных исторических имен собственных. Поэтому изучение онимики исторического романа требует особых методов. Текст, основанный на исторических событиях XVII – XVIII веков в России, привязан к реальным личным именам и географическим названиям, семантика которых насыщена конкретной исторической и этнической ассоциативностью, поэтому единицы онимического пространства имеют высокую степень узнаваемости и вне контекста произведения. В контексте же самого произведения имена собственные выполняют важную роль поэтонимов и служат основой для введения автором вымышленных ИС, построенных по реальным моделям именования.

Выбор исторических романов В.И. Костылева в качестве объекта исследования вызван тем, что в них можно проследить влияние закономерностей общенародного ономастикона на личные имена и географические названия, функционирующие в художественных произведениях, увидеть становление трехчленной русской антропонимической системы именования, взаимодействие ономастиконов разных этнических групп на территории Центральной России,

Нижегородского края, «в частности Окско-Волжско-Сурского междуречья, представляющего собой особую историко-культурную зону» [Климкова 2008 б: 3], проследить сословный характер употребления антропонимов.

Все сказанное служит обоснованием выбора темы данного исследования.

Актуальность исследования. Внимание современных исследователей обращено в том числе на роль имен собственных (ИС) в художественном тексте, на изучение имени собственного в языковой картине мира писателя.

В работах исследователей особое внимание уделяется специфической языковой природе онима и экстралингвистическому компоненту его значения. При изучении исторического романа обращение к онимии необходимо, поскольку имя собственное функционирует в качестве своеобразного языкового и культурно-исторического индекса. Ценность онимического материала, заключенного в историческом романе, выражается в воссоздании культурно-исторических и этнографических реалий. Это относится и к произведениям В.И. Костылева: «Питирим» (1936), «Жрецы» (1936), «Кузьма Минин» (1939), «Минин и Пожарский» (1940).

Творчество В.И. Костылева принадлежит к высоким образцам речевого мастерства, в том числе онимического. Существует небольшое количество литературоведческих и лингвистических исследований, посвященных этому писателю, в том числе языку его произведений. Анализ произведений писателя содержится в рецензиях, написанных Н.И. Кочиным (1941), С.П. Бородиным (1943), Н.С. Державиным (1944), С.П. Злобиным (1948), Н.А. Барсуковым и А.А. Ереминым (1950), в статьях М.М. Кораллова (1965) и Н.Ф. Филатова (1986). Наиболее подробно творчество писателя рассмотрено в критико-биографическом очерке В.В. Даркова (1959). Среди современных исследователей русского исторического романа можно назвать, например, Е.Н. Гордину. Обращает на себя внимание, в частности, ее суждение об идее сотрудничества государства и церкви в романах В.И. Костылева «Питирим» и «Иван Грозный». О значимости исторических отечественных романов 30-х годов XX столетия писал О.А. Платонов, который отмечал, что они «в значительной степени

реабилитировали историческую память русского народа, способствовали возрождению русских патриотических чувств. Некоторые искажения и предвзятость оценок, особенно в отношении последних царствований, не могли умалить их положительного вклада в развитие русского самосознания» [Платонов 2005: 230]. Эта оценка относится и к историческим романам В.И. Костылева.

Объектом исследования послужили тексты исторических романов В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы».

Мы не взяли для анализа трилогию В.И. Костылева «Иван Грозный»: «Москва в походе» (1942), «Море» (1945), «Невская твердыня» (1947), поскольку она охватывает более ранний период истории, а события романа происходят на территории Московского государства. Основная идея романа – централизация Русского государства, возвышение Москвы как политического центра России. Употребление автором исторических имен и названий данного периода истории требует отдельного изучения.

Предметом исследования является онимическое пространство названных романов, а именно функциональные, семантические и структурные особенности имен собственных, которые воссоздают образ эпохи, выявляют идейную позицию писателя, его отношение к истории России.

Методологической базой исследования послужили работы по ономастике и поэтике имен собственных отечественных и зарубежных ученых: Л.В. Алешинной, Т.В. Бакастовой, Н.А. Баскакова, А.Л. Бема, Е.Л. Березович, Н.В. Бирилло, В. Бланара, В.И. Болотова, И.В. Бугаевой, Н.В. Васильевой, Л.А. Введенской, С.Б. Веселовского, Г.Р. Галиуллиной, И.М. Ганжиной, А. Гардинера, Р.С. Гиляревского, М.В. Голомидовой, М.В. Горбаневского, Д.И. Ермоловича, В.А. Жучкевича, С.И. Зинина, В.М. Калинкина, Е.Ю. Карпенко, М.В. Карпенко, Ю.А. Карпенко, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Н.А. Кожиной, Е. Куриловича, О.А. Леоновича, Э.Б. Магазаника, А.К. Матвеева, Дж.Ст. Милля, В.Н. Михайлова, Н.Ф. Мокшина, Н.В. Морохина, Э.М. Мурзаева, В.П. Нерознака, В.А. Никонова, Е.С. Отина, А.Б. Пеньковского, Н.В. Подольской, Е.М. Поспелова, С. Роспонда, М.Э. Рут, Г.П. Смолицкой, В.Э. Сталтмане, Б.А. Старостина,

А.В. Суперанской, В.И. Супруна, А.В. Сусловой, В. Ташицкого, В.Н. Топорова, Л.Л. Трубе, Б.О. Унбегауна, В.А. Успенского, Ф.Б. Успенского, Е.Г. Фоменко, А.А. Фомина, О.И. Фоняковой, А.М. Чепасовой, В.К. Чичагова, М.А. Членова, В.Н. Шапошникова, А.Д. Шмелева, Л.М. Щетинина и др.; по филологическому анализу художественного произведения, в том числе исторического романа: Л.С. Бархударова, М.М. Бахтина, В.Г. Белинского, Д.Д. Благого, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, И.Р. Гальперина, Е.Н. Гординой, В.П. Григорьева, В.В. Даркова, Н.А. Добролюбова, Ю.Н. Караулова, В.И. Кодухова, М.П. Котюровой, В.А. Кухаренко, Б.А. Ларина, Д.С. Лихачева, Г. Лукача, М.В. Нечкиной, А.А. Реформатского, Ю.Н. Тынянова, Л.В. Щербы и др., а также историко-исследовательские работы: Г.Ф. Гайды, А.С. Гациского, Г.П. Георгиевского, И.Н. Данилевского, Г.В. Есипова, И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова, А.В. Лаврова, А.М. Панченко, С.Ф. Платонова, Н.Д. Русинова, А.Я. Садовского, С.М. Соловьева, Н.Ф. Филатова и др.

Целью диссертации является анализ онимического пространства романов В.И. Костылева: его объем, наполнение, сопоставление с реальным онимическим пространством; функционирование онимов, их роль в создании художественного образа; видоизменение реального онимического пространства в зависимости от описываемого исторического периода; определение специфики ономастикона исторических романов, пространственно-временных отношений в них, а также роли в структурной организации текста.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **конкретных задач**:

- 1) сделать выборку всех имен собственных, употребленных в романах В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы»;
- 2) на базе рассмотрения теоретических вопросов о специфике имен собственных, ономастике как науке, о литературной (поэтической) ономастике, о художественной картине мира В.И. Костылева и ее категориях классифицировать ИС, установить соотношение различных онимических разрядов в произведениях и динамику этого соотношения;

3) выявить энциклопедическое значение имен собственных, вскрыть их семантическое наполнение, обусловленное контекстом произведения; выявить функциональную нагрузку имен собственных в романах В.И. Костылева, рассмотрев их участие в построении художественного целого;

4) исследовать место и роль имен собственных в поэтике исторического повествования, в формировании этносоциохронотопа, а также рассмотреть онимы романов В.И. Костылева в историко-культурном аспекте.

Материалом для работы послужили исторические романы В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы», которые были созданы писателем в период становления советской власти в 30-е годы XX столетия. Кроме того, были использованы дополнительные источники – воспоминания писателя, исторические материалы: писцовые и переписные книги, дореволюционные издания исторических исследований. Все три романа отражают реальное темпорально-пространственное единство, охватывают период активного участия народностей России в освободительных движениях в Окско-Волжско-Сурском междуречье в XVII – XVIII веках. Материал представлен в количестве свыше 1 000 единиц, включая этнонимы, и более 11 000 словоупотреблений.

При изучении онимического пространства романов В.И. Костылева, последовательном описании имен собственных в составе произведений был использован **ряд методов**. Особое место занял сравнительно-исторический метод (см. работы В.И. Кодухова, А.А. Реформатского, А.А. Уфимцевой и др.), поскольку «возникновение и вся последующая история имен собственных неразсторжимо связаны с историей общества, его экономической, политической и культурной жизнью» [Бондалетов 1983: 42]. Были использованы и другие методы: традиционный для лингвистических работ такого рода описательный (дескриптивный) метод, а также структурно-словообразовательный, стилистический, количественный, метод классификации имен. Нашли свое применение методы внутреннего сопоставления, дешифровки онимического материала художественного текста: контекстуальный, этимологический, словообразовательный, формантный [ср.: Кодухов 1987: 224].

Научная новизна исследования заключается в том, что описание онимического пространства романов В.И. Костылева, самобытного, талантливого русского, советского писателя, осуществлено впервые. Онимия исторического романа заметно отличается от онимии других жанров прозы тем, что в нем используется большое количество реальных, исторических имен собственных, необходимых для достоверности описания исторических событий. В центре совокупного онимического пространства романов В.И. Костылева находятся антропонимы и топонимы, на периферии – мифонимы, теонимы, экклезионимы, хрематонимы и др. Писатель тонко чувствует и адекватно воспроизводит национально-культурную семантику онимов. При глубокой продуманности подбора имен собственных в исторических романах он насыщает их значительной исторической информацией и определенными художественными функциями, документальную точность умело сочетает с художественной обработкой исторических фактов и событий, что является своеобразием его стиля.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что использованная методика анализа онимического пространства исторического романа приемлема при изучении любых произведений. Раскрытие характера, сферы использования, объема, функциональной нагрузки ИС в историческом романе может способствовать уточнению и углублению теоретических основ литературной ономастики, стилистики, поэтики в аспектах, связанных с онимическим компонентом художественного произведения.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования творчества В.И. Костылева, более глубокого анализа его стиля.

В высшей школе работа может быть использована в курсах современного русского языка, стилистики, в ономастических спецкурсах и при написании курсовых и выпускных квалификационных работ, в смежных дисциплинах, таких, как: история, культурология, регионоведение.

В основу работы положена **гипотеза** о том, что антропонимическая и топонимическая составляющие онимической картины мира исторических романов В.И. Костылева, являясь исторически реалистическими, свидетельствуют

о характере формирования онимического пространства России в условиях взаимодействия этнических групп в период XVII – XVIII веков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Все онимические единицы в произведениях В.И. Костылева являются компонентом языковой картины мира. Их система составляет онимическое пространство исторического романа. Смысловая нагрузка онимических единиц в нем, отражая историческую основу событий и их участников, в значительной степени определяется контекстом произведения, а в целом – авторской позицией, интенциями, идейно-тематической направленностью творчества писателя.

2. Онимическое пространство в романах В.И. Костылева включает два основных разряда: антропонимы и топонимы, которые играют главную роль в романах автора, что обусловлено жанром исторического романа, кроме того, в него входят разряды периферийных онимов и пограничные единицы. Жанр исторического романа требует от писателя использования поэтонимов, которые способствуют отражению в нем времени и пространства.

3. Имя собственное, являясь элементом художественного текста романов В.И. Костылева, представляет важный компонент идиолекта и идиостиля писателя. Языковой стиль автора исторического романа, его индивидуальная манера, в том числе использование ИС, отражают мировоззрение писателя.

4. Культурно-онимический фон в исторических романах В.И. Костылева представляет собой достоверный онимический срез изображаемых эпох и отображает состояние ономастикона русского народа и других этносов, в частности на территории Окско-Волжско-Сурского междуречья.

5. С помощью именовании персонажей, географических объектов создаются границы хронотопа, достигается реализм.

Апробация работы. На основе материалов диссертации были сделаны доклады на международных научно-практических конференциях “Татищевские чтения” (г. Тольятти, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг.), всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения Н.П. Огарева (г. Саранск, 2014), международной научной конференции

«Русский язык и литература в контексте национальной культуры, посвященной 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова» (г. Саранск, 2014), на методических семинарах кафедр «Русский, иностранные языки и литература», «Романо-германская филология» ОАНО ВО «Волжский университет имени В.Н. Татищева» (г. Тольятти, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг.), на XV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (г. Арзамас, 2016). Основные результаты исследования отражены в 16 статьях, опубликованных в Арзамасе, Калининграде, Саранске, Тольятти, пять из них – в научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, который включает 297 наименований научных и 46 лексикографических источников, четырех приложений (1. Список сокращений. 2. Фрагменты карт. 3. Таблица сопоставления антропонимов, употребленных в романах В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы» и в «Писцовой и переписной книгах XVII века по Нижнему Новгороду». 4. Словники антропонимов и топонимов, функционирующих в романах В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы»). Общий объем работы – 242 страницы (исследование – 214 страниц, приложения – 28 страниц).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Имя собственное как лексико-грамматический разряд субстантивов и как оппози́т имени нарицательного

Все имена существительные (субстантивы) в языке делятся на два лексико-грамматических разряда: имена собственные (онимы, имена проприальные) и имена нарицательные (апеллятивы).

Первые теоретические обобщения в европейском мышлении, касающиеся имен собственных, были сформулированы древнегреческими философами. Аристотель, Платон и другие не отделяли имена нарицательные от собственных, «оперируя нерасчлененной категорией *и м я*» [Суперанская 1973: 49]. Стоик Хрисипп, примерно в 280-208 до н.э., разделил имена на ИС, имеющее единичное качество, и имя целого класса – нарицание, смысл которого в общем качестве [см.: Степанова 1995: 166]. Римский грамматист IV века Э. Донат различал четыре вида ИС у римлян – личное имя (*praenomen*), родовое (*nomen*), прозвище (*cognomen*), добавочное прозвище (*agnomen*) [см.: Античные теории... 1936: 121].

Учение об ИС как лексико-грамматическом разряде в русских грамматиках было основано на античной, западноевропейской и славянской грамматических традициях, но на русском материале.

Во второй половине XVIII и в начале XIX вв. в теоретических основах русской грамматики были отражены идеи М.В. Ломоносова об именах собственных и именах нарицательных (например, объединение их в верхние и нижние виды, представляющие «общества ради взаимного подобия» [Ломоносов 1952: 407-409]) с более подробным их осмыслением и описанием (Н.И. Греч, А.Х. Востоков, В.Г. Белинский и др.).

В первой половине XX столетия внимание к ИС в русском языке ограничивалось в значительной части специальных работ выделением его из общего класса существительных. В них рассматривалось наличие у ИС лексического значения и подвергались разбору, как правило, частные вопросы ИС

(В.А. Богородицкий, В.В. Виноградов, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба и др.).

Сложность и нерешенность в мировой и русской философии и лингвистике вопроса о соотношении ИС с понятием привело к тому, что ИС, кроме явно перешедших в нарицательные, в лингвистические словари обычно не помещались и не помещаются. Свое место ИС заняли в энциклопедиях, этимологических, словарях и в аспектных, специальных словарях имен собственных.

Отношение к ИС в русском и славянских языках во второй половине XX века значительно изменилось благодаря таким ученым, как В.И. Болотов, В.Д. Бондалетов, М.В. Горбаневский, Ю.А. Карпенко, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская и др. Большое количество исследовательских работ по топонимике, антропонимике, функционированию ИС в художественном произведении и других областях ономастики позволили говорить об *ономастике* (*ономатологии*) [см.: Матвеев 2005: 9] как серьезном теоретическом разделе языкознания. Во второй половине XX и в начале XXI веков появляется большое количество ономастических словарей, которые, в свою очередь, подразделяются на словари ономастической терминологии, словари личных имен, фамилий и топонимические словари.

Ономастика – интенсивно развивающаяся отрасль языкознания, поэтому уточнение определения ИС, его значения учеными-ономастами разных исследовательских центров и научных школ происходит постоянно. Так, О.И. Фонякова определяет имя собственное как универсальную функционально-семантическую категорию имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа [см.: Фонякова 1994: 21]. Л.А. Климкова, например, дает определение ИС как: «слово (эквивалент слова), которое называет объект (реалию), выделяя его из ряда ему подобных, индивидуализируя и идентифицируя его и тем самым отграничивая его от других объектов того же ряда, иначе говоря, – это индивидуальное наименование

элемента действительности»» [Климкова 2007: 59]. Это, по мнению В.И. Супруна, наиболее точное на сегодняшний день определение имени собственного [Супрун 2011: 437]. Л.А. Климкова определяет ИС как единицу категории проприальности, «представляющее семантическое основание проприальности: выделение (актуализация), идентификация, дифференциация при номинации объекта» [Климкова 2008 а: 15-16]. Категория проприальности находится в оппозиции к категории апеллативности, поскольку нарицательные имена не выделяют (не актуализируют), не идентифицируют, не дифференцируют объект. «Дихотомия оним-апеллатив относится к ономастическим универсалиям и существует на всех уровнях – семантическом, лексическом (парадигматическом, эпидигматическом), ассоциативно-деривационном, синтагматическом» [там же: 16]. По мнению ученого, онимия (совокупность онимов какого либо языка) имеет целый ряд своих собственных особенностей: «бóльшая этническая, социальная и историческая обусловленность; повышенная социальность, экстралингвистичность; синкретичная вторичность – генетическая, ономасиологическая, деривационная, мотивационная, функциональная, коммуникативно-речевая; а также безэквивалентность» [там же: 16-17].

А.М. Чепасова отличает ИС от ИН (апеллативов) по их функции называть особым словом отдельный предмет среди всех тождественных ему по значению, называя ИС именами-выделителями. Ученый проводит ряд сравнений с другими языками. Так, например, в немецком языке все существительные (и онимы, и апеллативы) пишутся с заглавной буквы [см.: Чепасова 2012: 22-35]. В большинстве славянских языков в названии разряда ИС используется согласуемый компонент *властный*, в меньшинстве языков, в том числе и русском, используется первое значение латинского слова *proprium* – собственный, отсюда и термин *проприальное имя*.

В «Русской грамматике» под редакцией Н.Ю. Шведовой акцентируется внимание на том факте, что лексико-грамматический разряд ИС лексически ограничен и медленно пополняем. Значение ИН сохраняется в наименованиях исторических событий, художественных произведений и в тех случаях, когда ИН

в качестве наименования не противоречит сущности именуемого предмета: «граница между именами собственными и нарицательными непостоянна и подвижна: имена нарицательные легко становятся собственными наименованиями» [Русская грамматика... 1980: 458].

А.В. Суперанская отмечала, что разграничение имен собственных и нарицательных осуществляется не только внутри класса имен существительных, а именно существительные собственные и существительные нарицательные, но и за его пределами, превращаясь в дихотомию имя собственное (оним) – апеллятив. При этом термин *апеллятив* обозначает любое «несобственное слово», которое может быть не только именем существительным, но и именем прилагательным, и глаголом, и междометием. Несобственные слова в этом случае «будут апеллятивами по отношению к соответствующим им собственным именам» [Суперанская 2007: 38]. Невозможность рассматривать в одном ряду с именами собственными имена нарицательные ученый обосновывала тем, что семантика ИС вторична по отношению к именам нарицательным, от которых они произошли, и более сложна. Ученый выделяет два признака, на основе которых может быть проведено различие собственных и нарицательных имен: определенность/неопределенность объекта и наличие/отсутствие коннотаций, т. е. связи с понятием как логической категорией.

Н.В. Подольская проводит существенное различие между ИН и ИС, которые строятся из тех же «кирпичиков», что и ИН, но «структурно могут представлять совсем иные «здания», невозможные в нарицательной лексике» [Подольская 1990: 41]. При этом тесная связь ИН и ИС, по мнению ученого, основывается, в частности, на процессе семантической онимизации, которая может быть простой, когда семантика апеллятива сохраняется лишь до известной степени, например, в исторических антропонимах *Глухой*, *Бритой*; метафорической, когда присутствует сходство именуемого объекта или субъекта с другим объектом, и метонимической, когда осуществляется перенос имени с одного объекта на другой на основании смысловой ассоциации по смежности. По ее мнению, возникновение ИС происходит в результате трех основных процессов: 1)

онимизации апеллятива, 2) трансонимизации ИС (т. е. его перехода из одного онимического поля в другое) и 3) заимствования иноязычных имен [см.: Подольская 1990: 43].

Словацкий ученый В. Бланар акцентирует внимание на бинарности характера ИС, которая сложилась на основе апеллятивной лексики. Две противоположные, но в то же время взаимосвязанные тенденции оказываются типичными для позиции ИС в языке: «длительное взаимодействие имен собственных с остальным лексическим материалом и всей языковой системой и в то же время длительная поляризация категории имен собственных апеллятивам» [Blanar 2009: 90]. В процессе формирования и использования в языке и речи ИС не только взяло основу ИН, но и развило характерные черты, свойственные ИС: оно может состоять из нескольких слов; имеет гибкий, подвижный характер, в результате чего, подчиняясь правилам родного языка, ИС с течением времени может изменить свою форму, исчезнуть или появиться как результат процессов онимизации и апеллятивации.

Вопрос наличия/отсутствия значения или понятия у имен собственных, и при наличии – вопросы сущности, объема, характера, структуры их лексического значения отражает принципиальную разницу в трактовке смысловой структуры ИС. Сложность семантики имен собственных породила разнообразные мнения в подходах к проблеме. Мнения ученых-языковедов разделились.

А) Часть ученых полагает, что ИС лишено понятийного смысла и в этом плане оно асемантично (каузальная, или номинативная теория) (О.С. Ахманова, Дж. Милль, Е.М. Галкина-Федорук, А.А. Уфимцева, А.А. Реформатский и др.).

Сторонник асемантичности ИС, известный английский философ-логик Дж. Стюарт Милль в своих исследованиях опирался на теоретические воззрения Томаса Гоббса, писал, что имя – это «слово, которое отвечает задаче обозначения предмета, о котором идет речь, не сообщая ничего об этом предмете». По его мнению, «имя собственное – это не имеющее значения обозначение, маркировка, которую мы связываем с представлением об объекте для того, чтобы зрительно или мысленно распознать этот объект» [Mill 1882: 36, 28] (перевод – Е.М.). Для

того, чтобы ИС приобрело значение, как считал Милль, в языке существуют дополнительные маркировки, которые придают ему значение. Например, *Джо Томпсон – это человек, который сейчас переходит улицу*. Вслед за Дж. Миллем Б. Рассел рассматривал ИС как слова, имеющие лишь описательное значение, и связывал использование ИС с мыслительной деятельностью человека, например, умением анализировать.

Н.В. Подольская отрицала у ИС наличие сигнификата или непосредственной связи с ним: «В отличие от других слов собственное имя не связано непосредственно с понятием; оно вторично по отношению к апеллятиву; основное значение собственного имени заключено в его связи с денотатом; собственные имена являются значительным межъязыковым слоем лексики, как правило не требующим перевода, что ведет к появлению иноязычных собственных имен в любом языке» [ЛЭС 1990: 473].

В отечественной лингвистике О.С. Ахманова и А.А. Реформатский считали, что специфическим назначением ИС является обозначение предмета без установления соответствия между свойствами этого предмета и тем значением, которое оно имеет, а «общее свойство собственных имен состоит в том, что, соотносясь с классом вещей, они имеют свое значение в назывании, и только, никаких понятий не выражают» [Реформатский 2004: 66].

Б) Другие ученые считают, что ИС имеет смысл, в том числе выражают понятие (концептуальная, или семантическая теория референции), и приписывают ему наличие более объемного значения и большую семантическую наполненность (В.Д. Бондалетов, В.И. Болотов, А. Гардинер, О. Есперсен, И.М. Железняк, Ю.О. Карпенко, Е. Курилович, Е.С. Отин, Б. Рассел, А.В. Суперанская, Л.М. Щетинин и др.). При этом значение ИС представляет либо только денотат (референт и номинативная функция), либо денотат (референт) и сигнификат (понятийное значение, в которое может включаться и коннотативное значение).

Английский лингвист А. Гардинер неоднократно обращался к ИС как особой категории, которая дает исследователю много интересного и противоречивого материала. Еще в 1932 он отмечал, что может быть два подхода

к ИС: 1) как к словам определенной лексики языка и 2) как к словам, обозначающим определенный денотат (людей) и уже через них связанным с языком, которым эти люди пользуются. Ученый предложил разграничить имена «телесные» и «бестелесные» (*embodied* и *disembodied*), т.е. имеющие и не имеющие конкретных носителей. По мнению А. Гардинера, «телесные» имена возникли ранее. Впоследствии они сделались источником для имен «бестелесных», существование которых стало возможным в отрыве от носителей. В качестве примера он приводит имя *Mary* (*Мария*), которое являясь «полностью бестелесным», в свою очередь сосредоточивает в себе огромное количество «телесных» *Marys* (*Марий*) [см.: Gardiner 1940: 8-9]. Возражая Дж. Миллю, А. Гардинер настаивал на наличии у ИС значения. Он проводил аналогию с пониманием значения слова в иностранном языке: если мы не знаем значения слова, то мы обращаемся к словарю. Примерно тоже происходит с ИС в родном языке: если существует собственное имя, следовательно, существует «кто-то, кто в нем заинтересован, или имеет, по крайней мере, некоторое знание о нем, и это знание должно быть принято в качестве значения» [Gardiner 1940: 31] (перевод – Е.М.).

А.Д. Шмелев, говоря об основном прагматическом принципе употребления ИС, уточнял, что при отсутствии специальных показателей интродуктивности возможно употребление ИС с референцией к конкретному объекту, если, по мнению говорящего, адресат речи располагает информацией о носителе ИС. Эта информация представляется хранящейся в «мысленном досье» носителя имени, в памяти адресата речи. «Мысленное досье» формируется и пополняется при помощи референтных употреблений ИС, входящих в «казуальную цепочку». Таким образом, «речевой смысл ИС вычисляется с помощью двух факторов: контекста вместе с ситуацией и «мысленного досье» носителя ИС, которым, по мнению говорящего, располагает адресат речи» [Шмелев 2002: 45]. При нарушении этого принципа акт коммуникации невозможен. Ученый также отмечал наличие «ассоциаций, которые связываются с референтом у участников коммуникации» [см.: там же: 195].

В) Некоторые считают значение ИС неполноценным или лежащим в ином, чем в апеллятиве, плане, а именно: одни ИС в определенных контекстах имеют

смысл, другие – нет, или ИС не имеют смысла в языке, но имеют его в речи, или имеют один смысл в языке, иной – в речи («неоклассическая теория референции», прагматический подход). [Ср.: ЛЭС 1990: 411-412].

Г) Наряду с денотативным (или денотативным и сингификативным) значением ряд ученых признает также и энциклопедическое значение ИС. Так, в работах Л.В. Щербы вопрос об определении того, что в языке является «значением» ИС, решается при осмыслении составления энциклопедических словарей, в которые необходимо включать общеобязательный минимум ИС, «без которого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи» [Щерба 1958: 66] родного языка. Он констатировал это, основываясь на мысли, что «собственные имена, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакого смысла» [там же: 66]. О наличии у ИС энциклопедического значения отмечается в работах В.И. Болотова, А.Ф. Рогалева, А.В. Суперанской, Л.В. Щербы, Л.М. Щетинина и др.

По мнению В.И. Болотова, чтобы понять имя, нужно определить его ономастическое поле, поскольку употребленное вне контекста ИС теряет соотнесенность с текстом. Энциклопедическое значение ИС, обладая эмоциональной окрашенностью, состоит из общего и индивидуального и имеет ограничивающие факторы времени и места. При этом энциклопедическое значение ИС подразделяется на общее и индивидуальное. Общее указывает на отнесенность к определенному ономастическому полю и при этом объективно, индивидуальное – субъективно и выделяет денотат внутри ономастического поля [см.: Болотов 1979: 334].

Л.М. Щетинин развил идею энциклопедического значения ИС в отношении текста. В рамках текста оно в одиночном употреблении или в сочетании с другими именами того же вида обладает некоторой суммой общих и единичных значений, специфичных для каждого вида имен и всегда содержит ономастическую информацию: «Информация, заключенная в отдельно взятом имени собственном, носит словарный, энциклопедический характер (словарная ономастическая информация)» [Щетинин 1986: 160].

Белорусский ученый А.Ф. Рогалев отмечает своеобразную семантику ИС, связь которого с понятием осуществляется через реалию, в то время как ИН связано с понятием непосредственно. ИС не имеет лексического значения и передает в большей степени экстралингвистическую информацию, которая называется энциклопедическим значением. Энциклопедическое значение ИС, в отличие от лексического значения ИН, индивидуально для каждого носителя языка, зависит от его эрудиции, состоит из ядра и периферии. В ядре энциклопедического значения заключены два рода информации: языковая информация, позволяющая носителю языка воспринять и осознать данный комплекс звуков как ИС, и сигнификативная (отношение онима к именуемому факту действительности). Периферия энциклопедического значения ИС концентрирует в себе индивидуально-авторский смысл, реализуемый в определенных контекстах, субъективные представления об имени, образное его восприятие и различные его коннотации [см.: Рогалев 2012: 91-100].

В.Д. Бондалетов, анализируя работы многих исследователей, определял ИС как единицу языка-речи, которая вследствие своей специализации подчеркнуто конкретно называть отдельные предметы действительности выработала в себе «некоторые особенности в значении», что «обеспечивает собственным именам языково-речевую специфику и объединяет их в особую подсистему в пределах общей лексико-семантической системы языка» [Бондалетов 1983: 25]. Ученый также отмечал вторичность ИС по отношению к ИН и указывал на своеобразие ИС, которое проявляется в семантике, в грамматике и в фонетике, его иную, по сравнению с апеллятивами, статистическую (количественную и частотную) закономерность употребления, а также «иное распределение по функциональным стилям (довольно многочисленны типы текстов, совсем не использующих собственных имен, т. е. построенных из одних апеллятивных единиц и малочисленны виды текстов составленных из одних имен собственных)» [Бондалетов 1983: 21-22].

В.Н. Топоров считал ИС наиболее существенным интерлингвистическим слоем языка, который, в известной мере, может быть сопоставлен с музыкой или

изобразительным искусством. ИС не нуждаются в переводе на другой язык, хотя они часто могут быть переведены или скалькированы [ср.: Ермолович 2001: 8,9]. Внутри категории ИС он выделял чистоту и полноту проявления «назывательной» функции ИС, которая градуируется в зависимости от полноты проявления свойства «быть ИС». Например, *Иван* в большей степени ИС, чем *Иванушка* или *Иван Иванович*, так как «два последних имени более мотивированы и богаче значением в силу содержащейся в них дополнительной информации» [Топоров 1962: 8]. С другой стороны, имя *Иван* в меньшей степени СИ, чем, *Вайю*, по поводу значения которого мы знать можем очень мало: личное это имя или топонимическое, мужское или женское и т. п. [см.: там же: 8].

Современная украинская ономастическая школа особый акцент делала и делает на когнитивном значении ИС в языке и речи. Так, Е.Ю. Карпенко определяет имена как веский фактор обработки информации при ее восприятии. При общении ИС служат одним из механизмов переработки информации, становясь своеобразным крючком или удочкой, которые извлекают из ментального лексикона нужные фрагменты знаний. При этом сохранение информации в памяти не обходится без имен, которые благодаря своей конститутивной особенности (только один денотат) «хорошо сочетают вербальную, энциклопедическую и невербальную информацию (имя *Наполеон* содержит не только вербальную и энциклопедическую информацию об этом деятеле, но и характерный визуальный образ с не менее характерной шляпой)» [Карпенко 2006: 115] (перевод – Е.М.).

М.В. Голомидова различает общую категориальную семантику имени собственного, которая «вырастает из его противопоставленности апеллятиву» [Голомидова 1998: 18], и частную категориальную семантику, которая «различна у единиц разных онимических разрядов. Наиболее емкие семантические множители – «одушевленность» и «неодушевленность» – способствуют противопоставлению классов имен, которые называют существа (антропонимы, теонимы, зоонимы) и «вещи» (топонимы, эргонимы, анемонимы и пр.)» [там же: 19]. Развивая идею о естественной и искусственной номинации имени собственного ученый проводит сравнение «с фольклором и литературой, диалектами и литературным языком, где одно первично и постоянно, другое –

вторично и рождается в опоре на опыт исходного, но переплавляет его в закономерности собственного развития» [там же: 45].

Е.Л. Березович выдвинула идею о существовании вертикальной и горизонтальной семантики ИС. Семантическую вертикаль она составляет из концептуального ядра, прагматической зоны и синтаксической зоны. Семантическая вертикаль она — это многоуровневая модель, которая строится на основе лингвистических и нелингвистических знаний, ономастической омонимии, трансономизации, деонимизации, общей и частной категориальной семантики, которая позволяет противопоставить разные разряды онимов; частной и индивидуализирующей семантики, которая основана на денотативной отнесенности и мотивировочном значении, включает фреймы, (не собственно языковые знания), отражающие значимые для языкового коллектива фоновые знания о специфике применения имени. Семантическая горизонталь «предполагает выяснение связей, особенностей взаимодействия ономастического кода с другими кодами трансляции духовной культуры» [Березович 2001б: 44; ср.: Бакастова: электр. рес.]

Причина разных и противоречивых взглядов на наличие у ИС сигнификативного значения заключается в сложности определения значения онама с учетом лингвистических и экстралингвистических знаний.

А.В. Суперанская, подводя итог многочисленных дискуссий, пришла к следующим выводам: значение ИС «не равно понятию апеллатива и никогда не ограничивается им <...>, значение имени — фактор его известности, фактор общественно-исторический»; каждое ИС связано с родовым определяемым (человек, город, река и т. д.); связь ИС с понятием опосредована через вещь; в значение ИС, вместе с чисто лексическим компонентом, входят «компоненты экстралингвистические, в том числе эстетический, аффективный, морально- и социально-оценочный» [Суперанская 1973: 266; ср.: Климкова 2007: 59-64].

Исходя из рассматриваемых дифференциальных черт ИС — ИН, некоторые лингвисты считают целесообразным считать ИС лексическим, а не лексико-грамматическим разрядом имен существительных: «грамматических критериев выделения его [ИС — Е.М.] из категории имени вообще слишком мало, чтобы основываться на них. Имя собственное отличается от нарицательного объемом и

характером заключенной в нем информации, а также спецификой лексических парадигм» [Суперанская 1973: 105]. ИС не имеет сопряженных с ним глагола и наречия; «а прилагательное от той же основы (если оно имеется) отличается от обычных прилагательных спецификой своего образования и значения» [там же: 105]. Семантические связи, характерные для ИН, типа *лев – львиный, по-львиному, город – городской, по-городскому*, для ИС «практически отрезаны, потому что нормально и объективно оно находится вне этимологии» [там же: 106].

Помимо значительных отличий онимов от апеллятивов в сущности, характере семантики, назначении, функций, они проявляются и в характере отношений единиц в онимической системе: ИС лишены многозначности (эпидигматических отношений), своеобразно проявляются парадигматические отношения, так, синонимические отношения опираются не на понятие, а на тождество предмета-референта, поэтому не синонимия, а полионимия (полиименность); соответственно не омонимия, а тезоименность; не антонимия, а сравнительность. Своеобразие лексического аспекта ИС приводит к своеобразию синтагматических, внесловных ассоциативно-деривационных отношений [см. работы В.А. Никонова, А.В. Суперанской; ср.: Климкова 2007: 65-69]. Кстати, показательна и количественная дифференциация оппозитивов (ИС – ИН) [см.: Климкова 2007: 69]. Грамматические отличия ИС от ИН проявляются только в отношении категории числа: имя собственное, как правило, не имеет формы множественного числа. Это отмечал Е. Курилович: «при образовании множественного числа от имени собственного приходится иметь дело либо с метонимическим употреблением, либо с метафорическим употреблением (основанным на характерных качествах данного индивидуума), в результате чего имя собственное теряет свой специфический характер» [Курилович 1962: 265].

Таким образом, оппозиция оним-апеллятив проявляется на разных уровнях: орфографическом (прописная буква – строчная), грамматическом, структурно-словообразовательном, лексико-семантическом, при этом на последнем уровне признаки имеют наибольшую различительную силу.

1.2. Типология имен собственных

Проблема классификации имен – это один из тех вопросов в ономастике, который до сих пор остается до конца невыясненным, поскольку сами подходы к классификации онимической лексики и методологические принципы исследований онимических единиц различными авторами не всегда совпадают. Классификация имен, деление их на отдельные группы, подгруппы и т.д. тесно связаны с общетеоретической и с общемировоззренческой проблемой разграничения онимических и апеллятивных лексических единиц. Однако следует заметить, что в современной ономастической науке существуют достаточно весомые достижения в этом направлении – от первых классификаций А. Баха до их переосмысления в трудах Г. Вальтера, Т. Витковского, А.В. Суперанской, Н.В. Подольской и многих других.

Глубокий анализ зарубежных и отечественных классификаций ИС сделала А.В. Суперанская. Она показала, что классификации подвергались, прежде всего топонимы, причем за основу брался социально-исторический аспект (история заселения территории, возникновения названий), выявляемый при морфологическом и этимологическом анализе. Она же предложила исходить из лингвистических и экстралингвистических характеристик имен, положив их в основу следующих типов классификаций:

- классификация имен в связи с именуемыми объектами;
- деление на естественно возникшие и искусственно созданные имена; эта классификация тесно связана с классификацией имен по значению и с дихотомией "имена в официальном и неофициальном употреблении";
- классификация по линии "микро" – "макро";
- структурная классификация имен;
- хронологическая классификация имен;
- классификация имен в связи с их мотивировкой и примыкающая к ней этимологическая классификация, а также деление имен на апеллятивные и эпонимические, на первичные и "перенесенные";
- классификация имен в связи с объемом закрепленных в них понятий;
- классификация в связи с дихотомией язык – речь;
- стилистическая и эстетическая классификация [см.: Суперанская 1973: 159].

Совершенно необходимой, можно сказать, первичной, естественной в смысле лежащей на поверхности и наиболее объемной является классификация онимов в связи с именуемыми объектами. По этому признаку все онимы делятся на: 1) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые, – антропонимы (индивидуальные и групповые), зоонимы, мифонимы; 2) имена неодушевленных предметов – топонимы, космонимы и астронимы, фитонимы, хрематонимы, названия средств передвижения, сортовые и фирменные названия; 3) собственные имена комплексных объектов – названия предприятий, учреждений, обществ, объединений, названия органов периодической печати, хрононимы, названия праздников, юбилеев, торжеств, названия мероприятий, компаний, войн, названия произведений литературы и искусства, фалеронимы [см.: Суперанская 1973: 173-204]. Кроме того, выделяются лексические категории, не включаемые в онимическое пространство – этнонимы, обозначения лиц по местожительству и групповые прозвания людей, номены, товарные знаки и другие [см.: там же: 205-213]. Н.В. Подольская, сверх того, предложила разделить онимы по их соподчиненности на имена космического пространства: космонимы, астронимы и др.; на имена зоны земного пространства: топонимы, хоронимы, агроонимы, гидронимы (потамонимы, лимнонимы, гелонимы, океанонимы, пелагонимы), экклезионимы, ойконимы (астионимы, урбанонимы, ойкодонимы, комонимы), дромонимы, некронимы; имена сферы человеческой деятельности: теонимы, мифонимы, идеонимы (артионимы, библионимы, геортонимы, документонимы, поэтонимы, хрононимы), прагматонимы (хрематонимы, урбанонимы и др.) [см.: Подольская 1988: 16].

Предметно-номинативная классификация А.В. Суперанской основана на классификации А. Баха (1952), которая предполагает выделение живых существ, неодушевленных объектов, мыслей, действий и звуков. Здесь прослеживается создание классификации онимического пространства с однородными номинативными единицами, которая может меняться в зависимости от исследовательских задач.

Что касается этнонимов, то В.А. Никонов, например, в отличие А.В. Суперанской, считал, что они являются ИС: «единственное прямое, реальное значение этнонима – обозначаваемый им объект: как географический объект для

топонима и отдельный человек или семья для антропонима» [Никонов 1970: 11-12].

Поддерживая точку зрения В.А. Никонова можно опереться на исторические тексты, в которых до начала XX века этнонимы писались с заглавной буквы – Татары, Мордва и т.д.: «Собрахуса многіе по Низовые люди, Мордва и Черемиса, и приідоша подъ Нижней Новъ городъ, и градъ Нижней осадиша». [Летопись о ... 1771: 154]; «Казанского государства князя, мурзы и Татары» [Соловьев 1851-1879: 8, 1017]; «кроме Поляков, были Венгры и Черкасы, Малороссийские казаки» [Забелин 1883: 106]. В современном русском языке принято написание этнонимов со строчной буквы.

В.И. Супрун, рассуждая об отнесении этнонимов к числу ИС (Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов, О.Н. Трубачев) или к апеллятивам (А.В. Суперанская, Н.В. Подольская), обращает внимание на словообразовательную активность этнических наименований и на совпадение их деривационных моделей с соответствующими моделями подлинных онимов, в частности топонимов и антропонимов, что «является дополнительным аргументом в пользу отнесения этих слов к ономастическому полю» [Супрун 2000: 24–27]. Это признание согласуется с мнением Е.С. Отина, поддержавшего идею создания русской энциклопедии, в которой должна быть раскрыта русская ономастика в ее пространственно-временных пределах, русская ономастическая картина мира, в первую очередь в энциклопедии должны быть описаны *топонимы* как наиболее массивный разряд онимов, содержащих «наиболее ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию»; затем, по его мнению, следуют *антропонимы*, наиболее частотные и характерные для русского народа; с топонимами и антропонимами тесно связаны *этнонимы*; далее в нее необходимо включить *агионимы*, *теонимы*, *мифонимы*, *космонимы*, *анемонимы* (названия явлений стихии), *экклезионимы*, народные названия праздников дохристианского и христианского происхождения [см.: Отин 1994: 8-11].

М.А. Членов предлагает разделить этнонимы на *собственно этнонимы* и *псевдоэтнонимы*. *Собственно этнонимы*, которые обозначают реальную этническую общность, включают в себя *истинные этнонимы* (обозначающие

народы), *микроэтнонимы* (обозначающие этнографические группы) и *макроэтнонимы* (обозначающие этнические общности высокого порядка); и *псевдоэтнонимы* (общности других типов) – географические, антропологические, культурно-исторические, религиозные, социально-политические и т.п. [см.: Членов 1970: 99-100].

Классификация ИС, принятая Международным советом по ономастике (ICOS), включает в себя 19 типов наименований: *антропоним*, *прозвище*, *матроним*, *патроним*, *персоним* (charactonym): имя (литературного) персонажа; *теоним*; *текноним*: у некоторых народностей имя взрослого человека, которое присваивается по имени его ребенка; *топоним*; *годоним*; *гидроним*; *ороним*; *ойконим*; *эндоним*: «местное название», название географического объекта, принятое местным населением на его языке; *экзоним*: топоним или этноним, не употребляющийся местным населением или народом, однако используемый по отношению к ним внешними сообществами; *астроним*, *хрематоним*, *эргоним*, *этноним*, *зооним* [см.: <http://icosweb.net/index.php/terminology>] (перевод – Е.М.).

В целом международная классификация ИС совпадает с русской, за некоторым исключением, например, разряда текнонимов, нехарактерных для славянской культуры имянаречения. Что касается термина *персоним* (имя литературного персонажа), то существует его параллель в русской ономастике – *поэтоним*, представляющий собой универсальный термин для всех разрядов имен собственных в художественном тексте. Дефиниция же термина *персоним* в русской ономастике – «личное имя как вид антропонима».

Таким образом, исходя из вышеизложенного, целесообразно придерживаться традиционной классификации, где антропонимы и топонимы занимают центральное положение в ономастическом пространстве языка, речи, текста. На периферии онимического поля по признакам частотности и значимости находятся онимы, обладающие чертами онимично-апеллятивного пограничья: астронимы, теонимы, зоонимы, хрематонимы, хрононимы, фитонимы, этнонимы и др. Это касается и соответствующих имен собственных, функционирующих в тексте художественного произведения.

1.3. Ономастика как наука об именах собственных. Разделы ономастики

Ономастика – это особая лингвистическая дисциплина, связанная с комплексом гуманитарных наук, «которые помогают выявить специфику именуемых объектов, а вместе с тем и статус имен» [Суперанская 1973: 35] и оказываются вспомогательными для лингвистики: «В то же время лингвистика оказывается вспомогательной, прикладной дисциплиной для историков, географов, литературоведов, археологов и проч., помогая извлечь из анализируемых имен неязыковую (историческую, географическую и т.д.) информацию» [там же: 35].

А.В. Суперанская разработала методику и аспекты ономастических исследований и определила специфику работы исследователя-ономаста: «Ономаст обязан видеть факты в динамике, сравнивать их, сопоставлять с формами, представленными в иных источниках, на других территориях, и с более древними формами, зафиксированными на одной и той же территории <...>. Любое имя, как бы давно оно создано ни было, если оно употребляется и сегодня, может рассматриваться как современное» [Суперанская 2007: 35; ср.: Роспонт 1962: 14].

Известный ономатолог Ю.А. Карпенко отмечал, что специфика большого количества ИС выявляется при применении к их исследованию разнообразных методов, в их числе: формальный метод, ареальный метод, поиск системы и системный анализ, методика хронологической стратификации, статистическая обработка. Как правило, ономастические исследования посвящены отдельным ИС или каким-то их группам, при этом «для любого элемента ономастической системы очень важно то, что за “за каждым – тысячи таких, как он”» [Карпенко 1984: 6].

В.Д. Бондалетов рассматривал ономастику как науку, изучающую «существенное и общее, наблюдаемое в именах собственных независимо от их принадлежности к тому или иному конкретному языку (народу). Ее предмет – инвариантное, т. е. общее в ономастике всех языков мира: лингвистическая сущность имени собственного, его отличие от других лексических (и шире –

языковых) категорий, закономерности возникновения, развития и функционирования собственных имен [Бондалетов 1983: 10].

Польский ученый В. Ташицкий считал, что ономастика выходит за пределы компетенции, например, историков и принадлежит к исследовательскому кругозору лингвистов. Неумение вникнуть в формы и значения слова может привести историков к множеству ошибок, которые зачастую делают их выводы неприемлемыми. Он приходит к заключению, что ономастика является неотъемлемой частью лингвистики, в особенности истории языка. Более того, дальнейшее развитие лингвистики, некоторых ее областей, расширение ее горизонтов в значительной мере зависят от успехов ономастических исследований [см.: Ташицкий 196: 3-9].

В работе «Введение в языковедение» А.А. Реформатского мы находим разделение ИС на *ономастику* – совокупность личных имен, которые переходят от народа к народу, при этом носители этих имен не так долговечны, как реки, моря и города, и *топонимику* – совокупность географических названий, которые сохраняются в веках, даже если на данной территории «народы сменили народы» [см.: Реформатский 2004: 68,70]. В более поздних классификациях *топонимика* вошла как раздел в дисциплину *ономастика*. Ср. двусмысленность термина ономастика в: [Ахманова 1988: 288].

Терминология современной русской ономастики в целом отражена в «Словаре русской ономастической терминологии» В.В. Подольской. Термины *имя собственное, имя проприальное* (лат. *nomen proprium*, англ. *proper name*, фр. *nom propre*, нем. *Eigenname*), в исследовательских и научных работах часто заменяется другими терминами: *онома* и *оном* (ср.: определение *оном* в словаре Ж.Ж. Варбот и А.Ф. Журавлева [Краткий ...: электр. рес.]), от которых в свою очередь появились а) термины, называющие совокупность имен: *онимия, топонимия, антропонимия* и т.д., б) термины, называющие упорядоченные в том или ином отношении совокупности имен и названий: *ономастикон, антропонимикон, топонимикон* и т.д. (например, *ономастикон художественного произведения*), в) термины, обозначающие разделы ономастики, изучающие закономерности возникновения, развития и функционирования онимов – *топонимика, гидронимика, ойконимика, урбанонимика, астронимика, оронимика,*

селенонимика, теонимика, этнонимика и др. [см.: Ахманова 1969: 288; Бондалетов 1983: 83,164,198; Карпенко 1984: 3; Пасхалов 2007: 6-7; Подольская 1988: 142-169], г) термины *онимизация* имен нарицательных или *деонимизация* имен собственных. Существуют и другие термины ономастики, имеющие в своем составе прилагательные-определения: с корнем *-оном-* / *-оним-*: *ономастическое (онимное) пространство, ономастическая ось, ономастическое поле, онимный тезаурус, онимная игра, онимный континуум, онимная модель, ономастическое творчество, ономастический (онимический) материал, ономастическая (онимическая) картина мира художественного произведения, ономатология* и др. Все они в полной мере используются при анализе онимического пространства художественного произведения в разных аспектах, с учетом того, что «онимическое пространство – комплекс имен собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов <...>, состоит из множества онимических полей; определяется моделью мира, существующей у данного народа» [Подольская 1988: 95].

В.И. Супрун, говоря об ономастике XXI века, утверждает, что в «сочетании постоянно появляющихся новых терминов для мелких объектов ономастического анализа и нарастающего использования описательных пояснительных конструкций, терминологизации слов отечественного языка для нужд ономастики <...> будет происходить развитие ономастической терминологии в ближайшее время» [Супрун 2011: 135]. Так, он указывает, например, на новый раздел ономастики – артионимику, который изучает произведения искусства [там же: 137]. Ср.: современная *никонимия* (*ники, никнеймы*), изучение этой совокупности можно обозначить как *никонимика*.

В.И. Супрун противопоставляет термин *ономастическое пространство*, введенный в ономастику В.Н. Топоровым, как совокупность ИС безотносительно к внутреннему устройству ономастического пространства, термину *ономастическое поле* как упорядоченной, иерархизированной совокупности конститuentов (ИС), которая предполагает наличие системно-структурных отношений и связей. Основным принципом структурирования ономастического поля являются, по его мнению, ядерно-периферийные отношения. Ядро русской

онимии составляют антропонимы, «в сопоставлении с которым определяется онимичность других единиц». Околоядерное пространство формируют мифонимы, теонимы, зоонимы и, возможно, этнонимы. «Топонимия и космонимия имеют дисперсную ядерно-периферийную репрезентацию в зависимости от таких экстралингвистических факторов, как величина именуемого объекта, степень известности имени собственного», таким образом, они могут относиться либо к ядру, либо к периферии ономастического поля в зависимости от местоположения на шкале язык-речь [Супрун 2000: 6,12,16].

Е.Л. Березович обозначает пять этапов развития русской ономастики [ср.: Бондалетов 1983: 36-37], которые охватывают период с начала 60-х годов XX века до начала XXI столетия. Первый период (первое пятилетие 60-х годов XX века) состоит в утверждении статуса ономастики как самостоятельной лингвистической дисциплины. Вторым периодом (конец 60-х – первая половина 70-х гг. XX века) характеризуется разносторонней разработкой проблемного поля и методологического аппарата ономастической науки. «На этом этапе, как и на предыдущем, наблюдается чрезмерное увлечение лозунгом «ономастика должна быть ономастической» [Березович 2001: 36]. На третьем этапе (вторая половина 70-х – первая половина 80-х гг. XX века) происходит наращивание терминологического аппарата, активизируется социолингвистический аспект ономастических исследований. Четвертый этап (конец 80-х – начало 90-х гг.) отразил повышенное внимание ономастов к этнокультурной значимости имен собственных в России в период многочисленных переименований в конце XX века. На современном, пятом, этапе (начало XXI века) появились работы, посвященные «новым» ономастическим феноменам, увеличилась доля работ по литературной ономастике. Впереди, по мнению ученого, – культурноориентированное осмысление имени [см.: там же: 37].

На современном этапе развития языка ономастика изучает совокупность онимических единиц, которая входит в общую систему языка со множеством структурных компонентов. Результаты исследовательской работы в области ИС обсуждаются на конференциях, таких как «Ономастика Поволжья», «Проблемы общей и региональной ономастики», «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология», «Святогорские ономастические чтения» и др.

1.4. Литературная (поэтическая) ономастика

Литературная ономастика изучает онимию литературного текста, иными словами, совокупность всех онимов в тексте художественного произведения одного писателя (или в одном произведении) или отдельное свойство ИС на материале разных авторских стилистических систем. Исследование ИС в этом направлении активизировалось и оформилось в научную дисциплину в 30-х годах прошлого века, по мнению некоторых исследователей, во 2-ой половине XX века. К настоящему времени литературная ономастика, как и ономастика в целом, достигла значительных результатов, о чем свидетельствуют многочисленные работы. Этим направлением ономастики занимались такие видные ученые-лингвисты, как: М.С. Альтман, А.Л. Бем, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, С.И. Зинин, Ю.А. Карпенко, Т.Н. Кондратьева, В.А. Кухаренко, Э.Б. Магазаник, В.Н. Михайлов, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, О.И. Фонякова и др. На современном этапе направление литературной ономастики разрабатывают ученые А.Н. Деревяго, В.М. Калинин, Г.Ф. Ковалев, И.А. Королева, Ю.А. Рылов, В.И. Супрун и др.

Исследовательские работы в области литературной ономастики можно разделить следующим образом:

1) посвященные ономастикону русских писателей XIX и начала XX веков: *Д.И. Фонвизина* – С.И. Зинин; *А.С. Пушкина* – В.М. Калинин, Г.Ф. Ковалев, В.Н. Михайлов, И.В. Мурадян, А.Б. Пеньковский; *А.С. Грибоедова* – Л.П. Волкова, Г.Ф. Ковалев; *Ф.М. Достоевского* – М.С. Альтман, А.Л. Бем, Э.Б. Магазаник, С.А. Скурдина; *И.А. Бунина* – Т.Ю. Яровая; *Н.В. Гоголя* – Э.В. Радковская, А.Ф. Рогалев, В.А. Фролова; *Л.Н. Толстого* – Г.А. Силаева; *А. Блока* – С.Г. Мысык; *Н.А. Некрасова* – З.В. Николаева; *Н.С. Лескова* – Л.В. Алешина, В.В. Леденева; *А.Н. Апухтина* – Л.В. Алешина; *М.И. Цветаевой* – М.В. Голомидова, М.В. Горбаневский, О.Г. Ревзина и др.;

2) посвященные ономастикону советских писателей: *М. Горького* – О.И. Фонякова; *М.А. Шолохова* – Н.К. Фролов; *М.А. Булгакова* – Г.Ф. Ковалев, *А. Грина* – С.И. Зинин; *А.П. Гайдара* – А.Ф. Атрощенко, Л.А. Климкова,

Г.А. Основина; *А.П. Платонова* – Л.Г. Хижняк; *В.М. Гаршина* – Е.С. Отин; *М.В. Исаковского* – К.Ю. Курс; *В.П. Аксенова* – Н.И. Иванова и др.;

3) посвященные ономастикону русских писателей, второй половины XX века: *В.Н. Войновича* – С.В. Рожкова; *А.И. Солженицина* – И.Б. Воронова; *Л.Е. Улицкой* – Т.Н. Любимова, Э.Ф. Маслова и др.;

4) посвященные ономастикону зарубежных писателей, большей частью англоязычных: *У. Голдинга* – С.А. Чавпецова; *О. Бальзака* – Л.И. Перехова; *Ч. Диккенса* – А. Ю. Ивлева; *Дж. Р.Р. Толкина* – Н.Г. Семенова; *П.Г. Вудхауса* – А.В. Правдикова; *Дж.К. Роулинг* – Е.В. Малышева, А.Н. Плотникова и др.

Терминологическое сочетание *литературная ономастика* синонимично другому сочетанию – *поэтическая ономастика*, целесообразность употребления которого вызывает в среде ономатологов определенные споры. Так, например, О.И. Фонякова предложила относиться к термину *поэтическая ономастика* с осторожностью, полагая, что его употребление «может привести к сужению объема его значения: только в поэтической речи» [Фонякова 1990: 92].

Однако С.И. Зинин, отстаивая термин *поэтическая ономастика*, считал, что «в лексеме «поэтический» есть первичное значение, соотносимое со словом «поэтика» в значении «художественный, творческий» [Зинин: электр. рес.].

Э.Б. Магазаник закрепил термин *поэтическая ономастика* в Краткой литературной энциклопедии: «Ономастика поэтическая (греч. *ὀνομαστική* – искусство давать имена, от *ὄνομα* – имя, название) – собственные имена, используемые в языке художественной литературы. <...> Стилистические функции имен в художественной литературе шире и разнообразнее, чем в общенародном языке, где они, как правило, не соотносятся с индивидуальными качествами их носителей» [Магазаник 1968: 442-443]. Он полагал, что ИС в литературе обнаруживают художественную целесообразность.

Н.В. Подольская лексико графически подтвердила мнение Э.Б. Магазаника о необходимости выделения самостоятельного раздела ономастики – *поэтической ономастики*, которая изучает «любые имена собственные (поэтонимы) в художественных литературных произведениях: принципы их создания, стиль,

функционирование в тексте, восприятие читателем; а также мировоззрение и эстетические установки автора» [Подольская 1988: 96].

На современном этапе развития ономастики, а именно в первом десятилетии XXI века, В.М. Калинин, развивая и осмысливая понимание этого термина, считает, что «употребление термина поэтическая ономастика указывает на то, что собственные имена художественных произведений изучаются лингвистическими методами поэтики». При этом он, используя термин *поэтика онима*, дает широкое его понимание: «охватывает все сферы творческого использования проприальных единиц – от научного языка до жаргонов и разговорной речи», и узкое, которое «позволяет ограничить пределы поэтики онима материалом художественных текстов» [Калинкин 1999: 73].

А.А. Фомин, подытоживая достижения в исследовании *литературной ономастики* в России, кроме терминов *поэтическая ономастика*, *поэтика онима*, добавляет термины *литературно-художественная ономастика* и *именология*. *Литературная ономастика*, являясь лингвистической дисциплиной, предполагает разграничение интра- и экстралингвистических предпосылок ее развития. Литература предоставляет материал, на базе которого происходит исследование ИС необходимого уровня развития, и является экстранаучной предпосылкой возникновения литературной ономастики. Наука, изучающая ономастику художественного текста, предполагает «четкое осознание участниками литературной коммуникации (автором текста и его читателями) художественно-эстетического потенциала собственного имени, включенности онима в общую парадигму изобразительных средств произведения», когда ИС приобретет статус художественного приема, «войдя в арсенал художественной поэтики» [Фомин 2004: 108-109].

Г.Ф. Ковалев, соединяя исследовательские области русского языка и литературы, полагает, что «в литературной ономастике крайне важно заниматься и таким, казалось бы, сугубо литературным направлением, как поиск прототипа и протоонима того или иного героя или даже предмета или явления, отраженных в

тексте именем собственным» [Ковалев 2014: 7]. Ученый поясняет, что в отечественной литературе выбор имени персонажа писателем обусловлен:

1) авторским сознанием, авторским выбором, даже если автор не всегда осознает свой выбор;

2) системностью употребления имени в самом произведении;

3) хронотопом: в литературной ономастике хронотоп следует понимать, как определенный и образный показатель времени и места, чаще случайно, иногда намеренно, «выращенный онимами, характерными для эпохи и отраженными в произведении» [там же: 10]. Онимическое пространство обуславливается временем, отраженным в произведении, с одной стороны, и, другой стороны, – временем, в котором автор писал данное произведение, даже если автор пишет о другой эпохе;

4) социальностью системы имен: «имена в произведении отражают социумы или, точнее, их представителей, которые эти социумы презентуют и поэтому отражают единство социальных слоев или их различие» [там же: 11].

В.Н. Михайлов, сосредоточивая внимание на основных специфических аспектах поэтической ономастики, подчеркивал, что она «работает» в полной мере, только если ориентирована на «общезыковые коннотативные возможности собственных имен во всем их многообразии в определенную эпоху и в определенной социальной среде» [Михайлов 1988: 12]. Он говорит о вариативности способа называния объекта в художественном тексте, а именно, ономастической формуле (прежде всего антропонимической), о словообразовательной структуре производных форм личного имени, отчества, их стилистической окраске, о национальной специфике морфемного материала, о звуковом строе ИС.

А.Б. Пеньковский отмечал, что «ономастическое пространство художественного текста – это совокупность всех собственных имен <...>, обнаруживающая четкие признаки системно-структурной организации» [Пеньковский 1988: 34].

Исследователи литературной ономастики признают тот факт, что онимическую семантику следует разграничивать на уровне языка, речи и художественного текста. Речевой ракурс, одним из проявлений которого является художественный текст, дает ИС больше возможностей проявить свои потенции во всей полноте и многогранности.

По мнению М.В. Карпенко, поэтонимы можно разделить на две группы: 1) прямо характеризующие и 2) косвенно характеризующие. Имена исторических лиц не вошли в ее классификацию, поскольку в качестве поэтонимов она их не рассматривает [см.: Карпенко 1970: 88].

Анализируя онимию русской литературы XVIII – XIX вв., В.Н. Михайлов предложил разделить поэтонимы на четыре разряда: имена, обладающие функцией «семантической характеристики»; имена, осуществляющие «общеэкспрессивную» функцию; имена, указывающие на социальную, национальную принадлежность; реальные исторические имена персонажей художественного произведения.

Л.М. Щетинин предложил свою классификацию имен литературных персонажей с учетом их стилистической роли в художественном тексте, но без учета роли автора в создании поэтонимов: нейтральные имена, в которых значение основы и фонетическая форма никак не отражают особенности характера и поведения героя; описательные, характеризующие имена, основы которых дают прямую или косвенную характеристику их носителей; пародийные имена, имеющие ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску часто пейоративного характера; ассоциативные имена, вызывающие у читателя различные ассоциации своей зрительной и звуковой формой, уточняющие и углубляющие характеристику героев произведения [см.: Щетинин 1966: 126-132].

О.И. Фонякова отмечает: что имена собственные в художественном тексте (поэтонимы) выстраиваются по следующим основным позициям: 1) по специфике денотативного значения ИС в общем именнике языка и в ономастическом пространстве художественного текста; в этом случае ряд тематических разрядов онимов занимают оппозиции: антропонимы – топонимы (гидронимы) реальные

антропонимы – мифонимы (теонимы), хрематонимы – товарные знаки и т. д.; 2) по способу художественной номинации в художественном тексте: узуальные лексические средства и окказиональные, а также контекстуальные и индивидуально-авторские и т.д.; 3) по соотношению ИС в ономастическом пространстве художественного текста с национальным именником языка народа, которое выражается в ряде оппозиций: реальные – вымышленные, частые – редкие, сословные – внесословные, городские – сельские и т. д. По способу преобразования формы поэтонимов в тексте она выделяет два их типа – модельные и немодельные [см.: Фонякова 1990: 39-40].

Занимаясь исследованием онимического пространства художественного произведения и описывая его в языке писателя, ученый-ономаст, по мнению О.И. Фоняковой, ищет и устанавливает элементы индивидуальной онимической системы как функционально-производной по отношению к онимической системе общенародного национального языка. Жанр и метод художественного изображения, тема, идея и композиция художественного текста, все особенности индивидуально-художественного имяупотребления, осмысляемые в плане широкой перспективы эстетики художественной речи, оказывают определяющее влияние на индивидуальную онимическую систему произведения писателя. Изучение и анализ онимов в художественном произведении носили долгое время спорадический характер: в работах избирательно рассматривались отдельные, наиболее яркие примеры «говорящих имен» с мотивированной, характеризующей носителя семантикой основы и социально окрашенной моделью имени, или описывалась антропонимия отдельных авторов по произведениям или периодам (жанрам) творчества [см.: Фонякова 1990: 34, 35].

О.И. Фонякова, говоря об особенностях литературно-художественного стиля, который «использует имя собственное в актуализированном виде с эстетической гиперфункцией» [Фонякова 1990: 24], перечисляет и другие его функции в тексте произведения: культурно-историческую, темпоральную, локальную, идеологическую и иные.

ИС включается в художественный текст, взаимодействуя с ближайшим, минимальным контекстом и макроконтекстом, что образует дискурс произведения, приобретает смысловые значения, сложные ассоциации и коннотации. «Входя в художественный текст семантически недостаточным, имя собственное выходит из него семантически обогащенным и выступает в качестве сигнала, возбуждающего широкий комплекс определенных ассоциативных значений. Их можно считать локальной семантической структурой, закрепляющейся за данным именем в данном контексте – индивидуально-художественным значением имени собственного» [Кухаренко 1988: 106].

Проблема функционирования ИС в художественных текстах поднималась практически каждым исследователем литературной ономастики (Н.В. Васильева, В.М. Калинин, Ю.А. Карпенко, Э.Б. Магазаник, В.Н. Михайлов, А.В. Суперанская, О.И. Фонякова и др.), однако и на сегодня отсутствует целостная классификация функций ИС в художественном тексте, и этот список является открытым, поскольку литература как материал для исследования литературной ономастики имеет свойство постоянно развиваться в аспекте появления новейших литературных течений и направлений, которые дают основания для внесения новых корректив в теорию литературной ономастики, в том числе и в видение проблемы функций ИС в художественном тексте.

Онимы в художественном тексте выполняют различные общеязыковые функции: идентифицирующую, дифференцирующую, адресную, номинативную, информативную, эмоционально-оценочную, культурно-историческую и др. Для некоторых классов собственных имен можно выделить специфические функции (для прозвищ – экспрессивную, для онимов в художественном тексте – стилистическую, для топонимов в определенные исторические эпохи – идеологическую и пр.). Поэтонимы художественного текста, таким образом, выступают многофункциональными единицами. Выполняют они и специфические эстетические функции воздействия, а также организующую функцию.

В целом ИС выполняют важную роль в тексте художественного произведения, являясь сильной позицией текста: «В художественной литературе стилистически значимой оказывается и речевая, и энциклопедическая, и языковая информация имени. Вплетаясь в единую художественную ткань, они вносят много дополнительных сведений, порой недоступных для понимания при первом прочтении произведения» [Суперанская 2007:121]. См. выше приведенное мнение А.В. Кухаренко о семантическом обогащении ИС в художественном тексте.

Однако Ю.А. Карпенко выделяет только две основные функции ИС в художественной литературе: информационно-стилистическую и эмоционально-стилистическую, которые по-разному выходят на первый план в тексте художественного произведения: «Функциональная трансформация собственных имен в художественной литературе, прежде всего, заключается в том, что приоритет дифференциации (номинации) отступает под натиском стилистики» [Карпенко 1986: 37]. Таким образом, по его мнению, главная функция ИС в художественной литературе – стилистическая.

Н.В. Васильева выявила ряд функций ИС, сделав существенные пояснения к классификации функций ИС в художественном тексте немецкого ученого Д. Лампинга (1983). Первой в списке функций стоит функция идентификации (наряду с индивидуализацией) персонажа / места; далее – иллюзинирующая функция, а именно создание и поддержка иллюзии реальности мира повествования, которая «наиболее ярко проявляется у исторических имен, введение которых в ткань повествования мгновенно убеждает читателя в реальности всего остального» [Васильева 2005: 26]; функция характеристики, функция выделения и группировки персонажей, которая осуществляется способами употребления в тексте «странного» имени или безымянностью персонажей; функция участия имен в перспективе повествования, которая проявляется в распределении автором форм имени по микрожанрам; эстетическая функция, выражающаяся в нестандартности, особенности имени; мифологическая функция, объединяющая имя и персонаж в повествовании.

По В.М. Калинкину, поэтонимы (а ИС – один из их видов) наделены бесконечной смысловой валентностью. Любое ИС может иметь бесконечное количество значений, то есть превращаться в символ. Если в реальной жизни ИС обычно не несет с собой экспансии скрытых в ней или связанных с ней смыслов, оставаясь знаком индивидуализирующим и идентифицирующим, то контекст художественного произведения в значительной мере меняет ИС, превращая его в сущность другого рода: «Каждый оним, как известно, кроме исполнения присущей ему собственно номинативной функции, является своего рода «транспортным средством», доставляющим в текст набор аккумулятивной исторической, этнографической, географической, коннотативной и иной сопутствующей информации» [Калинкин 2006: 84].

Т.В. Бакастова, определяя ИС в художественном тексте как единицу языка, в процессе реализации лексического значения которой ИС приобретает новые коннотации в контексте, новое лексическое «приращение», в результате чего возникает художественно-лексическое и индивидуально-художественное значение слова, которое существенно отличается от общеязыкового значения. ИС выполняет роль «текстовой скрепы» и обладает текстообразующей функцией. В тоже время ИС формирует в тексте произведения собственную семантическую структуру [Бакастова 1984: 157-158].

Э.Б. Магазаник подразделял ИС в художественной литературе на экстенсивные и интенсивные. Анализ поэтической ономастики показывает, с одной стороны, контекст произведения (или даже “контекст” литературного процесса в целом), а с другой стороны, – словарь родного языка (точнее, словарные ассоциации читателя). Различные соотношения этих факторов составляют почву, на которой складываются многообразнейшие способы характеристического использования ИС. Чем богаче и тоньше используются художественный контекст и словарно-семантические ассоциации, тем многообразнее и богаче поэтическая ономастика. Ученый отмечал важность имени «для концепции произведения в целом, для его идейно-художественной

семантики» [Магазаник 1978: 60] и несомненную важность имен, «чья роль ограничена узко-локальным колористическим назначением» [там же: 61].

В.И. Супрун вводит понятие *ономастическая ось*, на которой строится прозаический текст и которая ориентирует читателя в текстовом пространстве, помогая ему найти ответы на вопросы: что? где? когда? По его мнению, «именно в тексте проявляется богатая палитра коннотативных реализаций онимов» [Супрун 2000 б: 64]. Он выделяет три функции ИС в художественном тексте, которые способны в том или ином объеме: во-первых, служить текстовой вехой обозначения главного персонажа; во-вторых, создавать ономастический фон; в-третьих, выступать в качестве опознавательного знака факультативного характера. Ученый называет антропонимы ядром русской онимии, «в сопоставлении с которым определяется онимичность других единиц» [там же: 6]. Каждый тип антропонима в художественном тексте способен выражать многообразные эмоционально-экспрессивные значения с помощью деривационных средств и возможностей ономастической сочетаемости, при этом «периферийные онимы не обладают текстообразующей активностью в структуре художественного произведения, являясь лишь его факультативными единицами» [там же: 6, 8].

Изучение ИС как важного стилеобразующего элемента в онимической системе текста включает исследования структурной организации онимического пространства произведения, принципов и способов номинации, стилистических функций онимов, их ассоциативных связей, возникающих при создании конкретного образа, определяемых замыслом произведения, позицией автора.

Выбор имен собственных, их совокупность, система – ономастикон, онимическое пространство в художественном произведении являются результатом деятельности отдельного человека, автора произведения, результатом преследования его собственных целей, интенций. Поэтому они, получая в художественном произведении новый статус – поэтонимов, предстают многофункциональными единицами.

1.5. Картина мира, языковая личность, идиолект, идиостиль как категории художественного текста

Языковая картина мира является результатом речемыслительной деятельности языкового коллектива на протяжении ряда эпох. Она «усваивается носителем языка, а через нее усваивается взгляд на мир <...>, миропонимание в соответствии с этническими установками, социальными и иными условиями, национально-культурным своеобразием (традициями, обычаями и др.)» [Климкова 2008 б: 43]. Ср.: [Шведова 1999: 15].

Система онимов, функционирующих в художественном произведении, составляет его онимическое пространство (онимическую картину мира). Онимическая картина мира является частью художественной картины мира. Писатель, являясь уникальной языковой личностью, создает свой уникальный индивидуальный стиль. Понятие *языковая личность* связано «с изучением языковой картины мира, которая представляет собой результат взаимодействия системы ценностей человека с его жизненными целями, мотивами поведения, установками и проявляется в текстах, создаваемых данным человеком» [Котюрова 2006: 660]. Языковая личность писателя исследовалась многими лингвистами – М.М. Бахтиным, Р. Бартом, А.Н. Васильевой, А. Вежбицкой, В.В. Виноградовым, Ю.Н. Карауловым, Б.О. Корманом и др. «Индивидуальность автора как творца есть творческая индивидуальность особого <...> порядка; это активная индивидуальность видения и оформления» [Бахтин 2000: 225]. Цель языковеда – исследовать совокупность текстов, порождаемых писателем, детально изучив систему его языка. «Обособляя литературное произведение и автора, мы не пробьемся и к авторской индивидуальности» [Тынянов 1977: 259]. Она «не есть статическая система, литературная личность динамична, как литературная эпоха, с которой и в которой она движется, она – не нечто подобное замкнутому пространству, <...> она скорее ломаная линия, которую изламывает и направляет литературная эпоха» [там же: 259].

В.В. Виноградов остерегает от смешения употреблений слова *язык* в двух разных смыслах в области литературно-художественного творчества: «1) язык как система народно-словесной коммуникации с характерным для нее звуковым,

грамматическим и лексико-семантическим строем и с присущими ей стилистическими модификациями или вариантами и 2) язык того или иного искусства как система художественного выражения и воплощения творческих задач и замыслов посредством материала данного искусства» [Виноградов 1961: 23]. Ученый основным в сфере лингвистического изучения художественной литературы считал понятие индивидуального стиля как своеобразной, исторически обусловленной, сложной, структурно единой системы средств и форм словесного выражения. «В стиле писателя, соответственно его художественным замыслам, объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником общенародные языковые средства» [Виноградов 1954: 4]. Писатель в соответствии со своим творческим замыслом отбирает, комбинирует и объединяет разные средства словарного состава и грамматического строя своего родного языка [там же: 5]. А исследователь должен всесторонне осветить своеобразие художественных достижений писателя: «Чем нагляднее и глубже индивидуально-стилистическое своеобразие творчества того или иного писателя или отдельного литературного произведения, тем острее и разностороннее выступают наряду с объектно-структурными свойствами и качествами субъектные качества писательского облика и его художественной манеры» [там же: 16].

В.В. Виноградов разграничивал внутри литературного произведения словесно-художественный, литературный и языковой стили. Литературный стиль – это своеобразная и целостная организация всех планов структуры литературного произведения, а языковой стиль – это своеобразная и целостная организация языкового плана литературного произведения. Из функционального понимания соотношения языковых и литературных планов словесно-художественной структуры вытекает не только то, что литературный стиль включает в себя языковой стиль, но также и то, что в языковом стиле отражаются специфические черты литературного стиля. Изучение литературного стиля должно исходить от наиболее высокого плана строения текста к иерархически подчиненным уровневым планам (синтаксическому, лексическому, звуковому). При таком функциональном подходе обнаруживаются связи языкового строения с

собственно литературным планом эстетической структуры, и таким образом описание языкового стиля включается в целостную систему литературного стиля произведения. При этом открывается объединяющий принцип стиля литературного произведения («образ автора», «общий смыслообразующий принцип», «стилевой тип» и др.) [см.: Виноградов 1954: 198].

Дальнейшие определения стиля расширили его понимание особенно в области лингвистики. Так, разграничиваются явления:

- стиль [лат. *stylus* < гр. *stylos* стерженек для письма] – 1) идейно и художественно обусловленная общность изобразительных приемов в литературе и искусстве определенного времени или направления, а также в отдельном произведении; 2) индивидуальный слог писателя [Словарь иностранных ... 1989: 485];
- «идиостиль – совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности (индивидуальности писателя, ученого <...>), тем не менее формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы [Котюрова 2006: 95-96]. Идиостиль имеет разноуровневый (по степени обобщения) интегрированный характер уже потому, что является «посредником» между текстом и его создателем;
- индивидуальный стиль – «совокупность основных стиливых элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора в определенный период его творчества или распространяющихся на все его творчество в целом, своеобразие (специфика) приемов словоупотребления, конструкций и т.п.» [Ахманова 1969: 455], ср.: «индивидуальный стиль автора, его характерные черты и его место, функции в системе литературы <...>, его отношения и соотношения с другими стилями современности, его влияние на ход историко-литературного процесса – все это определяется составом, корпусом всех сочинений соответствующего автора, увидевших свет» [Кухаренко 1988: 34].

Что касается определения *идиолекта*, то В.В. Виноградов рассматривал его в узком и широком смысле: в узком – как «специфические речевые особенности данного носителя языка, в таком аспекте изучение идиолекта актуально прежде всего а поэтике», в широком – как реализацию «данного языка в устах индивида, т. е. совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с

целью изучения системы языка; идиолект всегда есть «точечный» представитель определенного идиома (литературного языка, территориального или социального диалекта), соединяющий в себе общие и специфические черты его структуры, нормы и узуса» [Советский ... 1980: 48]. Аналогичная точка зрения прослеживается в работах О.С. Ахмановой (1969) и М.П. Котюровой (2006).

Прослеживается иное соотношение: идиолект в широком смысле – индивидуальный стиль, вся совокупность языковых средств писателя (идиостиль), идиолект в узком смысле – важнейшие черты идиостиля.

Л. А. Новиков и И.С. Преображенский полагали, что понятие «идиостиль» логически расширяется и вбирает в себя понятие «идиолект» и рассматривается как вся совокупность языковых выразительных средств писателя, в то время как компонентами идиолекта становятся важнейшие черты идиостиля. При описании идиолекта писателя, в него включается все, что «достойно внимания в плане какого-либо отклонения от мыслимой (гипотетически моделируемой) средней (идеальной) нормы» [Новиков, Преображенский 1990: 57]. С этой точки зрения, идиолект рассматривается как фаза формирования идиостиля, который, в свою очередь, обладает ограниченной упорядоченностью элементов, большей системностью, иерархической организованностью. [Ср.: Кухаренко 1988: 159; Григорьев 1987: 5].

Первые десятилетия XXI века ученые продолжают осмысливать понятия идиолекта и идиостиля.

Некоторые ученые большее внимание уделяют понятию *идиостиль*. Например, Н.С. Болотнова понимает идиостиль «как многоаспектное и многоуровневое отражение языковой личности творца, «стоящей» за текстом, с учетом ее многообразных проявлений в процессе текстовой деятельности, включая ориентацию на адресата» [Болотнова 2001: 303]. Идиостиль рассматривается ею с точки зрения того, «как конкретная языковая личность автора организует диалог с читателем, направляя его речемыслительную деятельность по определенному пути в соответствии с коммуникативной стратегией текста и интенцией создателя» [там же: 74].

Л.С. Захидова определяет идиостиль как систему индивидуальных особенностей автора как личности и художника слова, представляющую «собой комплексное образование, включающее отбор и комбинацию языковых средств, их направленность на решение конкретных авторских задач; это способ отражения и преломления в художественной речи фактов внутреннего и внешнего мира конкретного писателя – носителя конкретного языка в конкретный исторический период, отличающийся наличием неповторимых образных средств (тропов и стилистических фигур), стилистической однородностью и преобладанием лексики с актуализированными личностными смыслами, т.е. доминированием окказиональной семантики над узуальной» [Захидова 2009: 7].

Другие акцентируют внимание на понятии *идиолект*. Так, В.В. Леденева понимает под идиолектом реализацию языка как индивидуализированной «версии» общенародного языка, и «идиолект писателя репрезентируется созданными им текстами» [Леденева 2000: 10]. При этом идиолект осмысливается как «поле экспликации особенностей языковой личности, которые реконструируются при анализе созданных этой языковой личностью текстов» [там же: 10]. Слово в идиолекте предстает как реализованная единица языка. По ее мнению, использование различных средств идиолекта обусловливается разнообразием содержания, жанровой принадлежностью произведений.

Часть ученых рассматривает понятия *идиолект* и *идиостиль* как неразрывные составляющие при анализе текста художественного произведения. Среди них, например, Е.Г. Фоменко, которая считает, что «идиостиль писателя пересекается с идиолектом, индивидуальным стилем, личным стилем» [Фоменко 2006: 29]. Проведя исследования, она выяснила, что одни ученые рассматривают идиолект и идиостиль как неразрывные понятия. «Другие считают идиолект базой для идиостиля писателя, который, в свою очередь, понимается как индивидуальный стиль речи <...>. Третьи противопоставляют идиолект, или норму общенародного языка, идиостилю или индивидуальному стилю писателя» [там же: 29-30]. Сама она определяет идиостиль писателя как «коммуникативно-когнитивное пространство языковой личности, создающей художественный дискурс, освоенный ее идиолектом потенциал языка художественной литературы,

язык варианта художественного текста» [там же: 33-34]. По мнению ученого, свести идиостиль писателя к «вербальному семиотическому пространству, значит <...> исключить возможность существования других пространств, не обязательно вербальных, которые живут в нем» [там же: 32].

Заслуживает внимание диссертация С.С. Верховина, в которой автор рассматривает *идиолект* и *идиостиль* как элементы языковой личности человека. При этом «идиолект относится к вербально-семантическому уровню, который в большей мере характеризуется непреднамеренностью выбора средств языкового выражения, а идиостиль — к когнитивному и прагматическому уровням, особенностями которых являются те или иные установки, интенции, смыслы, вкладываемые автором при порождении текста [Верховин 2013: 18].

Н.А. Фатеева определяет понятие *идиолект* определенного автора в теории художественной литературы как всю «совокупность созданных им текстов в исходной хронологической последовательности (или последовательности, санкционированной самим автором, если тексты подвергались переработке)» [Фатеева: электр. рес.]. Идиостиль рассматривается ею как «совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности» [там же: электр. рес.].

Таким образом, категории *идиостиль* и *идиолект* понимаются по-разному. Нам более целесообразной представляется точка зрения, по которой *идиолект* — это общее количество текстов, написанных писателем, а *идиостиль* — это специфические особенности языка писателя при знании им богатства национального языка и умении его использовать; идиостиль формируется под воздействием эпохи и складывается из множества вербальных составляющих.

Художественное произведение, имеющее в основе исторические события, необходимо изучать, с одной стороны, как процесс идейно-творческого замысла автора, с другой стороны, как конкретно-исторический факт, который является закономерным звеном в общем развитии словесно-художественного искусства народа. Автор исторического романа опирается на глубокое понимание общественной жизни того периода развития народа, который он описывает, на

знание культуры, истории, на ясное представление о состоянии общенародного языка того времени, его онимического фона. «Исторический роман является в то время, когда народное сознание обращается к воспоминанию прошедшей своей жизни, – под влиянием того же направления, при котором развиваются и сами исторические исследования» [Добролюбов 1961: 92]. Н.А. Добролюбов считал, что автор должен иметь поэтическое чутье и исторический такт, разносторонние и основательные знания, искусство в изложении, – чтобы внушить читателю «полное участие к этим чуждым для нас нравам, чтобы увлечь изображением этого быта, от нас отдаленного» [там же: 95]. Вымысел автора должен быть основан на истории, а читатель должен видеть пред собою живые личности, знакомые ему в истории со стороны их частного быта, их дум и стремлений.

Подлинный исторический роман, как «художественная реставрация той или иной исторической действительности», возник «<...> только с развитием исторической науки, раскрывшей всю несхожесть отдаленных исторических эпох и между собой, и с данной современностью и вместе с тем показавшей внутреннее культурное единство всех сторон жизни, их образующих и выражающихся столько же в идеях и чувствованиях, в одежде и языке» [Благой 1925:электр. рес.].

Г. Лукач отмечал, что исторический роман исходит из того факта, что «в кризисах, которые в прошлом переживал народ, ведущая (полезная или вредная) роль принадлежала определенным выдающимся людям» [Лукач 1938: 138-142], и ткань романа даст ответ, почему именно эти люди получили именно для этого времени такое значение. Великие исторические фигуры служат для общественно-исторического и художественно-типического обобщения реальных событий, так же, как и судьбы простых людей.

В понимании Д.С. Лихачева внутренний мир художественного произведения не автономен и зависит от реальности: «Мир художественного произведения – явление не пассивного восприятия действительности, а активного ее преобразования» [Лихачев 1979: 335]. Создаваемое автором пространство в его произведении может обладать своеобразными «географическими» свойствами: быть реальным, как в летописи или историческом романе или воображаемым. «Историческое изображение сводится не только к усилению описательных

моментов, но оно выражается в попытке передать темпы событий, их реальное время» [там же: 281]. Строгая последовательность хронологии, медленность рассказа создают впечатление «неумолимости» истории, ее необратимости» [там же: 261].

Взаимосвязь, нерасторжимое единство временных и пространственных отношений в художественном тексте М.М. Бахтин называл *хронотопом*, буквально: «времяпространство». Он определяет художественное единство литературного произведения, в частности исторического романа, в его отношении к реальной действительности. Хронотоп является организационным центром основных сюжетных событий исторического романа. «Благодаря особому сгущению и конкретизации примет времени – времени человеческой жизни, исторического времени – на определенных участках пространства» [Бахтин 1975: 398], исторический роман и изображенный в нем мир входят в реальный мир и обогащают его. Здесь М.М. Бахтин говорит об особом творческом хронотопе, в котором происходит обмен художественного произведения с жизнью и совершается особая жизнь художественного произведения. Освоение реального исторического хронотопа в литературе имело длительный и сложный процесс [см.: Бахтин 1975: 391].

Л.М. Щетинин, рассматривая художественное произведение как речевое отражение языковыми средствами реальной действительности, выделял в этом отражении и участие его ономастической формы, однако историческая информация такого рода, по его мнению, носит явно вторичный, субъективный характер, будучи пропущенной через призму авторского мирозерцания [см.: Щетинин 1986: электр. рес.]. В творческой деятельности писателя субъективный фактор в выборе имен лиц и мест ограничен правдой жизни и имеет экспрессивно оправданную вариацию. Онимическая система художественного произведения образуется из речевых обозначений действующих лиц, географического фона и других реалий, при этом она испытывает большое влияние творческого метода автора (реалистические имена, «говорящие» имена эпохи классицизма, романтические, символические имена и т. д.), жанра и рода произведения [см.: там же: электр. рес.].

Используя онимический материал определенной эпохи в качестве дополнительного источника исторических сведений, писатель может использовать «актуализированные имена». К актуализированным именам Л.М. Щетинин относил имена с описательно выраженной или общеизвестной связью с конкретными историческими лицами, образующие определенные системные объединения. Системы могут быть искусственными, возникающими произвольно на страницах литературного произведения, и естественными, непосредственно отражающими те или иные группировки или предметные связи конкретных носителей имен.

Языковой стиль автора исторического романа, его индивидуальная манера, отражают мировоззрение писателя. «Автор как представитель своей эпохи, своего общества, своей социальной среды, включенной в движение социально-политической и культурной жизни народа (а нередко и шире: народов, человечества), является не только звеном, но и движущей силой, действенным фактором в истории творчества культурных ценностей, важных для его нации и даже для всего мира» [Виноградов 1961: 35]. В историческом романе отражаются следы исторического своеобразия жизни автора, своеобразия его биографии, его миропонимание.

Языковая картина мира писателя исторического романа складывается в том числе благодаря онимам. Читатель может составить собственное мнение о предпочтениях, интересах, образовании писателя, традициях использования имен собственных в тот или иной период жизни общества, влиянии общественно исторических условий развития на состав и функционирование собственных именований. Если «известна ценностно-смысловая иерархия понятий в авторской картине мира, известны его цели, то объяснению поддаются и вербально-семантические и структурно-языковые средства, использованные в его текстах» [Караулов 2010: 42].

У всех народов литература являлась отпечатком народной жизни, выражением общественных потребностей. Художественное произведение (роман, повесть, рассказ) составляют переход от мира идеального к действительному, от поэзии к истории, в котором отображается полная картина жизни в ее деятельном развитии.

Выводы

В языке существует оппозиция двух разрядов субстантивов – имен собственных (онимов) и имен нарицательных (апеллятивов). Она проявляется на разных уровнях: лексико-семантическом, орфографическом, грамматическом, структурно-словообразовательном. Специфика ИС проявляется, прежде всего, на лексико-семантическом уровне, в плане наличия / отсутствия лексического значения, при наличии – его объема, в том числе участия / неучастия в нем сигнификата. Именно этот вопрос является спорным и потому наиболее обсуждаемым в ономастике и шире – лингвистике. Значение ИС отличается от лексического значения ИН, и это отличие определяется наличием экстралингвистической информации.

Вопросы классификации ИС, деление их на отдельные группы, подгруппы и т.д. тесно связаны с общемировоззренческой и с общетеоретической проблемой разграничения онимических и апеллятивных лексических единиц. Существует международная классификация ИС, которая в целом совпадает с предметно-номинативной классификацией А.В. Суперанской за исключением, например, разряда текнонимов, нехарактерных для славянской культуры имяназвания. В отечественных классификациях антропонимы и топонимы занимают центральное положение в онимическом пространстве языка, речи, текста. На периферии онимического поля по признакам частотности и значимости находятся онимы, обладающие чертами онимично-апеллятивного пограничья: астронимы, теонимы, зоонимы, хрематонимы, хрононимы, этнонимы и др.

Языковая картина мира (ЯКМ) является результатом речемыслительной деятельности языкового коллектива на протяжении эпохи отражает «восприятие и осмысление окружающего мира человеком как представителем этноса, определенной территории (региона), социума, как личностью» [Л.А.Климова 2008 б: 12].

Компонентом ЯКМ является онимическая картина мира как система всех онимов в языке, а в ее составе – антропонимическая и топонимическая картины мира.

Система онимов, функционирующих в художественном произведении, составляет его онимическое пространство, онимическую картину мира. Онимическое пространство исторического романа как система имен собственных, представляющих множество онимических полей, употребляемых в языке народа в отображаемый период для именования реальных и гипотетических объектов, определяется соответствующей этнической моделью мира.

ИС, получая в художественном произведении новый статус – *поэтонимов*, предстают многофункциональными единицами и аккумулируют историческую, этнографическую, географическую, коннотативную и другие информации. В литературных произведениях характер именованного персонажа и места действия писателем обусловлены: 1) авторским выбором; 2) узусной системой имен; 3) хронотопом, который следует понимать, как локально-темпоральное единство.

ИС в художественном тексте отличаются полифункциональностью. Основными функциями являются: номинативная, индивидуализирующая, дифференцирующая. Кроме того, ИС осуществляют социальную, эмоциональную, кумулятивную (аккумулирующую), дейктическую, коммуникативную, дескриптивную, идеологическую, характерологическую и иные функции.

Литературная (поэтическая) ономастика изучает онимическое пространство литературного текста, функционирование ИС в тексте одного художественного произведения писателя или во всем его творчестве, или в произведениях разных писателей.

На разных этапах развития ономастики ученые постоянно обращались к области литературной ономастики; в конце XX века их внимание было обращено к этнокультурной значимости имен собственных.

При изучении литературной ономастики разграничиваются категории *идиолект* и *идиостиль*, как неразрывные составляющие творчества писателя. *Идиолект* писателя включает в себя все созданные им художественные произведения, а *идиостиль* – это специфические особенности языка писателя при знании им богатства национального языка и умении его использовать; идиостиль формируется под воздействием эпохи и складывается из множества вербальных составляющих.

ГЛАВА II. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В.И. КОСТЫЛЕВА

2. 1. В.И. Костылев: биобиблиографический очерк

В XX – начале XXI вв. изучение ономастиконов авторов русских исторических романов ограничилось небольшим количеством работ. Заслуживают внимания статьи В.И. Рогозиной и ее диссертация «Антропонимическая номинация в русском историческом романе» (1991), диссертация К.Р. Волковой «Антропонимы в текстовом поле «Кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой: функционально-структурный аспект» (2012), статья В.Д. Васильевой о составе и структуре антропонимической лексики в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» (1982) и некоторые другие.

Валентин Иванович Костылев (1884-1950) родился в Москве, в конце 1918 г. переехал в село Воскресенское Нижегородской губернии, в 1922 г. – в Нижний Новгород. Писатель был членом правления Горьковского отделения Союза писателей СССР, и в 1947 году его избрали депутатом в Верховный Совет РСФСР. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

За 12 лет (1935-47 гг.) писатель создал шесть больших исторических романов – два тома трилогии «Человек и боги» (1936) («Питирим» и «Жрецы»), «Кузьма Минин» (1939), трилогию «Иван Грозный» (1943-46).

Произведения В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы», «Иван Грозный» были написаны в 30-40-х годах XX века в период идейного и художественного роста советского исторического романа. Романы писателя многократно переиздавались (последние издания датируются 2015 годом), что отражает неослабевающий интерес к прошлому нашего многонационального народа и мастерство писателя как исторического романиста. Индивидуальность писателя проявилась в эстетическом оформлении исторических фактов: национально-освободительного движения под предводительством К. Минина и Д. Пожарского, борьбы с расколом в эпоху Петра I, восстания мордвы в Нижегородской губернии в 1743-1745 гг., становления государственности при Иване Грозном.

В романе «Питирим» В.И. Костылеву «удалось правдиво раскрыть острый драматический конфликт двух основных героев романа» [Дарков 1959: 49] – епископа Питирима, ставленника Петра I, и лидера керженского раскола диакона Александра. В «Питириме» описана «ломка патриархальных устоев старой России» [там же: 48]. Писатель стремился «отобразить положение народных масс, роль церкви, государства, роль самого Петра в жизни страны» [там же: 48].

В романе «Жрецы» писателем раскрыта тема борьбы с языческой мордвой, которая противилась принятию православия, а «мордовское население обкладывалось большими налогами, чем русское население» [Дарков 1959: 55].

Осветив идею многонациональности в национально-освободительном движении, роман «Кузьма Минин» приобрел особенно большое звучание в годы Великой Отечественной войны. Писателем был сделан акцент на взаимоотношениях между К. Мининым и простым народом, что не было отражено в дворянской литературе, была подчеркнута дальновидность Минина, его патриотизм, твердость и практичность. Он был «показан человеком своего времени и своего класса» [там же: 71].

Достоверное пространство романов, в том числе онимическое, создавалось В.И. Костылевым благодаря кропотливой исследовательской работе в архивах с историческими документами. Интерес к историческим событиям в Нижегородской губернии сложился у писателя во время его работы в селе Воскресенском, где он заведовал отделом печати местной газеты. О своем истоке вдохновения он писал: «Дремучие ветлужские леса. Раскольничьи дебри, так хорошо описанные Мельниковым-Печерским. Спустя два года после Октябрьской революции, мне пришлось видеть в этих местах, на берегах озера Светлояра, толпы богомольцев. Они стояли коленопреклоненно над водой. Им казалось, что они слышат звон церквей утонувшего будто бы в древние времена "светлого града Китежа"» [Костылев 1939 а: 170]. И хотя топонимы *Китеж* и *Светлояр* употребляются в тексте романа «Питирим» лишь в составе тропов («*Вопрос диакона Александра прозрачен, как вода озера Светлояра, но никто не видит града Китежа на дне святого озера*» [Костылев 1993 б: 413]), именно они

послужили толчком к началу работы над историческими романами. Писатель совершил «настоящий трудовой подвиг»: «из неизвестного, «периферийного» литератора выдвинулся в ряды известных советских писателей» [Дарков 1959: 39]. Определенную роль в этом сыграло своевременное критическое замечание А.М. Горького в 1912 году по поводу одного из первых рассказов В.И. Костылева «Чудо»: «Рассказ, несмотря на ваше умение литературно писать, очень формален, схематичен и написан с явным намерением проповедовать» [Горький 1956: 3]. Из очерка В.В. Даркова мы узнаем о советах, которые дал молодому начинающему писателю В. Костылеву И.А. Бунин: «проблески способностей есть <...>, со всей очевидностью отразилось влияние Горького <...>, глубже изучать жизнь, совершенствовать литературное мастерство и, главное, – искать в литературе "самого себя"» [Дарков 1959: 7, 14].

Критические статьи-рецензии Н.А. Барсукова, С.П. Злобина, Н.Ф. Филатова, А.С. Курилова о романах В.И. Костылева содержат, как правило, дополнительные исторические справки об описанных в романах событиях. Критико-биографический очерк В.В. Даркова о писателе является единственным подробным анализом его произведений.

Д.С. Лихачев пояснял, что опыт работы писателя в процессе изучения художественного произведения должен быть выдвинут на первый план. Ученый дал пояснения о роли исторических источников в творчестве писателя-историка: «В историческом источниковедении когда-то изучение исторического источника ограничивалось вопросом: верно или неверно? <...> А.А. Шахматов изучал исторический источник как цельный памятник с точки зрения того, как этот памятник трансформирует действительность: целенаправленность источника, мировоззрение и политические взгляды автора» [Лихачев 1968: 74].

Те исторические неточности, которые допускал в своих романах В.И. Костылев и о которых говорили историк Н.Ф. Филатов, и критик В.В. Дарков, а именно: «схематичное описание места событий, отсутствие подлинных имен сподвижников К. Минина» [Филатов 1986: 296], упоминание некоторых реальных имен, которые не соответствуют описываемому времени,

варьирование в написании реальных ИС – не помешали писателю, и вслед за ним читателю, проникнуться важностью эпохальных моментов русской истории.

В романе «Жрецы» «в изображении мордовского народа автор впадает в идеализацию отношений бедняков и «жрецов», слишком много внимания уделил писатель второстепенным перипетиям сюжета: обыгрыванию анекдотов из быта елизаветинского двора, любовным приключениям Петра Рыхловского с царицей» [Дарков 1959: 56] и др. Возможно, это объясняется тем фактом, что на момент написания В.И. Костылевым романа почти ничего не было известно о терюшевском восстании мордвы: «также были засекречены и дела о терюшевском мордовском (смешанном: тут участвовали и русские крестьяне и чуваша) восстании, – писал В.И. Костылев А.Н. Толстому. – Об этом восстании вообще нигде не писалось, только у С.М. Соловьева есть крупница» [там же: 55].

В целом именованная персонажей у В.И. Костылева совпадают с реальными историческими прототипами, за исключением, например, именованная *обер-ландрихтера Стефана Абрамыча Нестерова* в романе «Питирим», реальное историческое лицо – *Степан Афанасьевич Нестеров* [см. об этом в п. 3.1.2.]. Это касается и топонимов романов, которые в основном совпадают с названиями географических объектов на современной карте России, картах XVI – XVIII веков, с данными списков населенных мест Нижегородской губернии (1859, 1896 гг.) и Симбирской губернии (1859, 1884 гг.).

Важное значение для литературной биографии писателя имеют письма, воспоминания его современников, относящиеся к его творчеству, его личные наблюдения, отношение к общественным событиям.

2.2. Идиолект и идиостиль В.И. Костылева

Идиостиль В.И. Костылева формировался в эпоху становления советской власти в России, в период создания «художественной литературы, рассчитанной на действительно массового читателя, рабочего и крестьянского» [Постановление ... 1925: 57]. Творчество В.И. Костылева обращено к героическому прошлому русского народа, и его имя стоит в одном ряду с именами отечественных исторических романистов: А.С. Новиков-Прибой, С.Н. Сергеев-Ценский, А.Н. Степанов, А.Н. Толстой, Ю.Н. Тынянов, О.Д. Форш, А.П. Чапыгин и др.

Индивидуальный стиль В.И. Костылева также сложился в результате преднамеренности выбора им разных стилистических конструкций. Уникальность идиолекта В.И. Костылева, как национального писателя, проявляется в структурно-языковых особенностях авторского текста. Замысел романов писателя осуществляется через детерминирующие языковые элементы в тексте, которые приобретают смыслоразличительный характер, раскрывая историческую реальность описываемых событий.

Л.В. Щерба, говоря о специфике языка художественного произведения, отмечал, что «одного узколингвистического образования недостаточно для понимания литературных произведений: эти последние возникают в определенной социальной среде, в определенной исторической обстановке и имеют своих сверстников и предшественников, в свете которых они, конечно, только и могут быть поняты» [Щерба 1957: 97]. Все это в полной мере относится и к тексту исторического романа.

Поэтическую онимию исторического романа невозможно изучить без исторической ономастики, которая основывается на исследованиях по исторической лингвистике, общей лингвистике, географии и этнической истории. В историческом романе можно увидеть внутреннюю структурно-языковую историю – типы образования онимов, их эволюцию, а также внешнюю историю собственных имен – соотнесенность ономастических явлений с конкретными периодами общественной жизни народа [см.: Бондалетов 1983: 44].

Ономастикон, вошедший в художественную речь В.И. Костылева, отражает стиль литературного направления, идиостиль автора, раскрывает индивидуальный подход писателя к изобразительным возможностям ИС: «Писатель не может быть равнодушным к избранному имени и использует все отличительные признаки собственного имени (лексического значение нарицательной основы, структурно-словообразовательное построение, звуковую оболочку и т. д.) для раскрытия идейного содержания произведения» [Зинин 1967: 107].

М.М. Бахтин, говоря об авторе исторического романа, отмечал, что он изображает временно-пространственный мир исторического романа «с его событиями к а к е с л и б ы он видел и наблюдал его, <...> был вездесущим свидетелем его» [Бахтин 1975: 405]. Если художественно-исторический образ самого автора правдив и глубок, то он помогает читателю правильнее и глубже понять произведение писателя.

В исторических романах В.И. Костылева нашли свое отражение типы композиционно-стилистических единств, описанные М.М. Бахтиным, а именно: прямое авторское литературно-художественное повествование, стилизация различных форм устного бытового повествования (сказ), стилизация различных форм полулитературного бытового повествования – письма, воззвания и др., различные формы литературной, но внехудожественной авторской речи (научные рассуждения, этнографические описания и др.), стилистически индивидуализированная речь персонажей [см.: Бахтин 1975: 75].

А) Прямое авторское литературно-художественное повествование. Примером авторского повествования в произведениях В.И. Костылева может послужить поэтическое описание местности, где Кузьма Минин проводит собрание народа: *«В синих сумерках уныло гудят колокола. К вечеру слышнее говор ручьев, к вечеру чувствительнее теплые ветры, особенно на взгорье над устьем Оки. Тихо покачиваются березы с вороньими гнездами, пестрят рябью лужи у широких монастырских ворот. После повечерия избранный земским старостой Кузьма Минин с паперти объявил богомольцам воеводскую благодарность за помощь Ляпунову»* [Костылев 2012: 126]. Несложные

синтаксические конструкции в произведениях писателя обусловлены тем, что в период написания романов, в 30-е годы XX столетия, произведения были предназначены для самых широких масс населения молодой советской республики.

Б) Стилизация различных форм устного бытового повествования (сказ).

В исторических романах В.И. Костылева стилизация старинной русской речи помогает создать художественную картину мира эпохи Смуты в Московском государстве XVII века: *«Торговые люди поняли эти слова протопопа и глубоко задумались над судьбой государства. «По мнози дни» совещаались в Земской избе нижегородцы, «како имуть творити», как вывести Русскую землю из тяжкого положения. Правда, не все одинаково пошли и теперь навстречу Минину: «юнии» готовы были на всякие жертвы, а «старейшие» нередко колебались. Оказались и такие, кои из собраний «ругающие отходяще». К таким принадлежали: Охлопков, Марков, ямской староста Семин и их единомышленники»* [Костылев 2012: 179]. Автор сам заключает формы древнерусских слов и их сочетания в кавычки.

В) Стилизация различных форм полулитературного бытового повествования – письма, воззвания и др.

В романах В.И. Костылева встречаются тексты писем, воззваний, грамот, которые передают особенности письменной русской речи эпохи XVI – XVII вв. Обращает на себя внимание тот факт, что автор, основываясь на подлинных документах описываемого периода, во-первых, значительно сокращает объем текста исторических документов, например, отписки нижегородцев в Вологду о всеобщем ополчении городов против польско-литовских интервентов 1612 года; во-вторых, почти не использует личные именованья, однако некоторые названия географических объектов, которые употребляются и в исторических документах, и в авторском тексте, совпадают.

В качестве иллюстрации такой стилизации и сравнения с подлинным документом можно привести два текста:

«Обширный» ответ Д. Пожарского на письмо иноземным гостям из текста романа В.И. Костылева «Кузьма Минин»	Отрывок из текста отписки нижегородцев в Вологду о всеобщем ополчении городов против польско-литовских интервентов (1612 г.)
<i>«...Мы, бояре, и воеводы, и чашники, и стольники, дворяне большие, и стряпчие, и дворяне из городов, и приказные люди, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и всяких чинов служилые люди, и гости, и торговые и всякие посадские и жилецкие люди, также разных государств цари и царевичи, которые служили прежним государям в Российском государстве, и царства Казанского и Астраханского и иных понизовных городов князи и мурзы, и татарове, и черемисы, и чувашши, и литва, и немцы, которые служат в Московском государстве за разум, и за правду, и за дородство, и за храбрость к ратным и земским делам стольника и воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского-Стародубского; да и те люди, которые были в воровстве с польскими и литовскими людьми и стояли на Московское государство, – видя польских и литовских людей неправду, – от польских и литовских людей отстали и стали с нами единомышленно против польских и литовских людей: и бои у нас с ними были многие, и многих польских и литовских людей мы побивали, города от них очищаем к Московскому государству» [Костылев 2012: 336].</i>	«На Вологду, <...> и дворяном, и детем боярским, и всяким служилым людям, и земским старостам, и таможенным головам, и всяким посадским и жилецким людям Дмитрей Пожарской, Иван Биркин, Василей Июдин, дворяне и дети боярские Нижнего Новагорода, и смоляне, и дорогобужане, и вязьмичи, и иных многих городов дворяне, и дети боярские, и головы литовские и стрелецкие, и литва, и немцы, и земские старосты, и таможенные головы, и все посадские люди Нижнего Новагорода, стрельцы и пушкари, и затинщики и всякие служилые люди, и жилецкие люди челом бьют <...> Ныне мы, Нижнего Новагорода всякие люди, сослався с Казанью и со всеми Понизовными городами и с поволскими <...> идем все головами своими в помочь к Московскому государству, с нами со князем Дмитреем да с Иваном; да к нам же приехали в Нижней, из Арзамаса смоляне и дорогобужане и вязьмичи <...> и мы, всякие люди Нижнего Новагорода, посоветовав меж себя, приговорили животы свои и дома с ними разделить, жалованье им в подмогу дати» [Нижний Новгород в XVII в... 1961: 37-38].

В.И. Костылеву удалось сочетать свой авторский язык и исторический язык описываемой эпохи. В его произведениях «нет иллюзии точности языка, имитации таких фактов языка, которые представляются автору специфическими для данной эпохи и среды» [Винокур 1991: 412]. Отбор языковых средств писателем для написания исторического романа основан на подлинных документах описываемого периода, на том, что дала ему непосредственно эпоха, среда и жизнь. Язык исторических романов писателя – это современный язык, приспособленный для изображения прошлого, «а не язык прошлого, приспособленный для современного читателя» [там же: 413].

Г) Различные формы литературной, но внехудожественной авторской речи (научные рассуждения, этнографические описания и др.).

В идиолекте В.И. Костылева отсутствуют прямые моральные или научные рассуждения. Но его романы можно отнести к такого рода произведениям, которые служат воспитанию нравственности и патриотизма. Непосредственному созданию исторических романов предшествовала «трудоемкая, кропотливая исследовательская работа в архивах над историческими документами и памятниками старины» [Дарков 1959: 39].

Что касается этнографических описаний, то следует отметить обращение автора к особенностям русской культуры. Например, в романе «Кузьма Минин» при описании работы при литье пушек для народного ополчения писатель показывает дружный настрой представителей простого народа: *«Треск огня, шипенье металла, крики рабочих оживили скованное осенней тишиной Поволжье. <...> Минин любовался ловкою работою устюжан и вологжан, бросая изредка озабоченные взгляды на каменные желоба, пристроенные к печам, по которым через три дня потечет расплавленная масса. Минин еще и еще раз осмотрел формы <...>. После длительного обжигания они стали твердокаменными, способными выдержать любое литье»* [Костылев 2012: 195].

В романе «Жрецы» основной темой является восстание мордвы (терюхан) в 1743-1745 гг., и поэтому этнографические описания способствуют созданию образа жизни этой народности: *«По пятам за жрецами и их помощниками*

пестрой шумной толпой быстро двигались терюхане. <...> Поверх кафтанов мужчины одели белые балахоны-шушпаны, опоясанные розняком с красными, распущенными по бедрам кистями. У женщин поверх длинных белых рубах, расшитых цветными узорами в подоле, накинута были полукафтаны, пестрые, яркие, изукрашенные всевозможными узорами, а на головах – обсыпанные раковинами и украшенные нитяными кистями нарядные венцы. Девушки – в длинных белых рубахах, похожих на мешки с разрезом на груди, <...> вместо кафтана были накинута на плечи узкие до пояса, но расширяющиеся книзу сермяги из белого самотканого сукна, а на сермягах снова и снова узоры из шнура и раковин и всяческих блесток. На ходу серебряные монеты и раковины звенели, шелестели и бисерные нити, облекавшие груди и спины женщин и девушек, спускаясь с шеи, с парчового ожерелья – фибулы» [Костылев 1993 в: 81]. В текстах произведений, созданных писателем, можно проследить проявление языковой личности этносов, увидеть «системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период <...>, социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относятся рассматриваемая личность и которая определяет субординативно-иерархические, т.е. идеологические отношения основных понятий в картине мира <...>, принадлежностью изучаемой личности к <...> частному речевому коллективу и определяющие те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит дискурса» [Караулов 2010: 42]. «Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статистический и инвариантный, характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [там же: 42].

В романах В.И. Костылева даются характерные описания русских православных обычаев, которые показывают огромную роль церкви в жизни людей описываемой эпохи, что отражено в том числе и в употреблении большого числа агнионимов: «Пятницу в деревнях и посадах считают покровительницей

урожая и плодородия скота. Здоровье тоже во многом зависит от пятницы. Нижегородские богомольцы на груди под рубахой носят списки молитв пятнице. Икону Параскевы Пятницы во время церковных обрядов выносят впереди всех других икон. «Хлеб, скот и здоровье» – вот о чем молятся богомольцы. Цветами и травами с любовью усыпают они путь перед иконой, а потом подбирают с земли эти травы, варят их и дают недужным как лекарство» [Костылев 2012: 141].

Д) Стилистически индивидуализированная речь персонажей.

При изучении идиостиля и идиолекта автора исторического романа нет «прямой параллели между языковой личностью и национальным характером, но глубинная аналогия между ними существует» [Караулов 2010: 42]. Значимость исторических корней, диахронических основ складывания и бытования национального характера положены в основу создания колорита исторической эпохи, исторических персонажей, исторических мест. В произведениях В.И. Костылева можно увидеть процесс межпоколенной передачи опыта, отражения черт этнического характера в результате прижизненного усвоения, социализации личности через язык. Национальный характер становится предметом осмысления писателем в художественном отражении действительности. «Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвариантный характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [там же: 42].

В романе «Питирим» речь бывшего раскольника, епископа Питирима выделяется употреблением старославянизмов, патетичностью, желанием словом убедить в своей правоте: *«Тогда Питирим торжествующим голосом заявил: - Православнии христиане! Слушайте, что вам скажу: надобно неотложно диакону с товарищами о неправых своих ответах подробно отвецати, а они не отвецают больше ничего, только приносят свою вину доношением, что они на вопросы мои правдиво отвецати не могут, а что написали ответы и мне*

вручили, а те ответы сами признают они неправыми, полагают их ни во что, якобы и не писали... Не по душе мне безгласность ваша!» [Костылев 1993 б:197].

В романе «Жрецы» в речи одного из главных героев, Несмеянки Кривого, прослеживается основная идея произведения – призыв к борьбе против произвола государственной власти: *«Вера в приход этих спасителей глубоко сидела в каждом мордовине. Но и тут Несмеянка судил по-своему. – Враки! – сказал он теперь об этом, отвечая старому мордовину, дедушке Мазовату, вспомнившему о "большой мордве". – Кто будет заботиться о нас?! Никто! – А чем православные попы лучше того обманщика? Он обманывал нас царем Большой Мордовии, эти – райским счастьем. И прибывшие на Суроватиху монахи и толмачи не кто иные, как подосланные из Нижнего низостные обманщики и враги наши. Но хоть море слез пролейте вокруг них, все равно не утопите их в слезах!» [Костылев 1993 в: 59].*

Исторический роман В.И. Костылева «Кузьма Минин» в полной мере отражает процесс проявления в трудные периоды истории России таких черт русского национального характера, как высокий духовный подъем, соборность, жертвенность. Ярko выражены они в образе Кузьмы Минина. Его основательная, часто приподнятая речь проходит через весь роман, концентрирует в себе основную идею произведения – единение народа в период трудных испытаний. Например: *«Захотим помочь Московскому государству, так не пожалеть нам имения своего! Не жалеть ничего! Дворы продавать, все отдать! А денег не станет, – воскликнул на всю площадь Минин, – зложим жен своих и детей, а ратным людям будем давать, чтобы ратным людям скудости ни в чем не было! В поход двинемся весной. Воспрянем же духом, братья!» [Костылев 2012: 185].*

Русская православная церковь в эпоху Смуты в России начала XVII в. была тесно связана с гражданским населением, и этот факт отразился в произведениях писателя. Вероятно, писатель не стремился показать, что «православие оставалось единственным ориентиром для страны, ввергнутой в Смуту» [Кретов 2000: 105], но большое количество названий церквей, храмов, монастырей, церковных праздников, именовании персонажей-священнослужителей послужили

связующими нитями повествования. Речи церковнослужителей и верующих людей изобилуют именами святых, примерами из их жизней: *«Татьяна, обратившись к божнице, стала вслух читать молитву о «сидении», чтобы заглушить мужа: – Сидение господа Иисуса Христа предвозвестил пророк Давид: «Рече господь господеву моему: сиде одесную мене ...», «Исповедай пастырю похотение твое!.. – размахнулся крестом Игнатий. – От сердца бо исходят прелюбодеяния, любодеяния... Дщерь Иродиады, плясавши и угождавши Иродови и возлежаще с ним» [Костылев 2012: 140, 69].*

В речи старообрядцев прослеживается глубокая преданность вере, своим идеалам, метафоричность: *«– Дорогие друзья, братия и сестры! – сказал Александр, откинув назад волосы резким движением головы и с сердцем потрясая в воздухе писаниями, приготовленными для Питирима, – соколы ясные и орлы поднебесные, низко кланяюсь я вам за уважение ваше ко мне, за доброту к моему смирению. Не страшусь никакой пагубы аз. Сквозь огонь, сквозь жары, сквозь камни, которые в Волге, сквозь горы каменные должен за веру пройти старец. Аминь!» [Костылев 1993 б: 16].*

Речь персонажа украинца *Зиновия*, сподвижника К. Минина, отражает особенности украинского языка, при этом используется русская орфография: *«От, халепа! – усмехнулся Зиновий. – Не убьют нас ни на поли, ни на мори... Казаки мы – ни бабы!.. У нас будь ти хочь дворянин, хочь пан, хочь син боярский, хочь собачий син — усим одинакова честь... Иды!», «Подарки любят отдарки» [Костылев 2012: 108, 136].*

Акцент в речи татарского мурзы *Гиреева* служит этническим сигналом, подчеркивает трудности, которые испытывает человек при освоении неродного языка: *«– Велик князь! Ляпунов обижают бедных мурза. Обижают и казаков, и атаманов, и полковников. Моя приходил к нему на поклонение и стоял у него, у избы, многая время. Моя не пускал он, лаял, плетью бил. И все люди аллаха, и вотяк, и мордва разбежался» [Костылев 2012: 62].*

Индивидуально-речевой стиль персонажей русского народа в романах В.И. Костылева характеризуется большим количеством поговорок, пословиц,

метких сравнений: *Без хлеба и правды – не жизнь, а вытье; Баран бараном – и денежки даром; Запас да замок – лучшие друзья; Ель не сосна – шумит не спроста; Ой вы, матери-келейницы, сухопарые сидидомицы!* [Костылев 2012: 125, 126, 194, 140]. Последняя паремия имеет значение «изуверство – ханжество» [Даль 1984: т.1, 33].

В.С. Федоров отмечает, что в первых художественно-исторических произведениях В.И. Костылева «все еще преобладает внешняя описательность характеров, а не раскрытие внутреннего мира героев, его язык суховат, малохудожествен. Однако со временем язык становится ярче, образнее, живее. В нем начинают широко использоваться элементы народного творчества – песни, раскольничьи стихиры, легенды, пословицы, поговорки» [Федоров 2005: 280-283]. Исторические герои мыслят и говорят соответственно эпохе. В произведениях писателя обращают на себя внимание пословицы и поговорки в речи персонажей, содержащие ИС. В них встречаются такие разряды ИС как:

- агионимы: *Батюшка Предтеча, уезжаем далече!; Бог не убог, Микола милостив – помог* [Костылев 2012: 85, 261];
- антропонимы: *Селуян Селуянов, не трезвый, не пьяный, тебе не товарищ, по имени Черт Иваныч; Обуют Филю в чертовы лапти – и ходи!; И у дедушки Власия борода в масле; Кузьма огороды копал, а ныне в воеводы попал; Мамай и тот правды не съел* [Костылев 2012: 25, 79, 42, 133, 229]; *Наш Филат не бывает виноват; Правда у "Петра и Павла"* [Костылев 1993 в: 89, 92]; *Подальше бы от Фени и греха было бы помене; По милости боярской – сам себе Пожарский; Сколь ни клеветы, сукин сын, ни распинайся перед Петрушкой, а попадет тебе по макушке!; Мели, Емеля,..; Маремьяна-старица о всем мире печалится* [Костылев 1993 б: 110, 130, 131, 277, 346]. Обращает на себя внимание использование автором в речи персонажей антономаз(с)ии (термин для обозначения замены известного названия или имени названием качества, присущего обозначаемому предмету или существу [см.: Марузо 1960: 32]): *Задира Тимофеич* – обращение к задиристому человеку: «*Нижегородцы конфузливо жмутся, загораживают Митьку. – Не тронь! Экой ты детина! Заглушает все*

громкий, мужественный голос со стороны. – Эй ты! Задира Тимофеич! Обожди-ка! Все оглянулись. На пороге буюновского дома – Минин» [Костылев 2012: 388]; *Сухарь Сухаревич* – именование человека скупого, скучного: *«Замучил тебя аспид твой Сухарь Сухаревич, первой гильдии свиная харя»* [Костылев 1993 б: 391]; *Фефела* – обращение к несообразительному человеку: *«Деревья слышат. Не знаешь? Фефела!»* [Костылев 1993 в: 130], ср.: Фефёла (Феофил, Феофилакт) «простофиля» [Успенский 1994: 154]. Е.С. Отин приводит в качестве иллюстрации символического и ассоциативного потенциала "звукобуквы" *ф* в составе личного имени *Фефёла*, которая обусловила появление неодобрительной референтной коннотации в некоторой степени повлияла и на его исчезновение. «Оценки (почти все – негативные) фонетического значения» имени *Фефёла* способствовали появлению у этого антропонима коннотативного "двойника" и омонимичного отконнотонимного производного: *Фефёла/фефёла* 'неприятная, малопривлекательная женщина', 'простофиля' [Отин 2003: 66];

- топонимы: *Москва землю переживет!; Нечем платить долгу – ступай в Волгу; На Руси дворянин – кто за всех один; На Руси: слово давать – дело дворянское, а исполнять его – дело крестьянское; Москва – всему голова; Балахна стоит полы распахня* [Костылев 2012: 26, 122, 130, 131, 185, 261]; *Татинец да Слотинец – всем ворах кормилец; Питер женится, Москва замуж выходит, Нижний так живет; Все, видать, на Руси пошло не для Иисуса, а для хлеба куса* [Костылев 1993 б: 69, 254, 86].

Рассмотренные антропонимы и топонимы в составе паремий отличаются большой функциональной разноплановостью: помимо основной функции называния, они выполняют еще коннотативную, оценочную функцию, характерную для антропонимов, особенно трансформированных, функцию выражения эмоций. Развитие образной основы личного имени в паремиях имеет в своей основе случайные ассоциации, чаще всего возникающие в результате рифмовки. В дальнейшем эти ассоциации закрепляются в народной памяти как обобщение каких-либо свойств человека [см.: Парфенова 2008: электр. рес.].

Пословицы и поговорки, содержащие антропонимы, имеют обобщенное значение и не привязаны к конкретному объекту, однако в художественном тексте они зачастую характеризуют определенный персонаж или реализуют адресную направленность. Пословицы и поговорки, содержащие топонимы, указывают на особенности жизни народа, географию страны, являясь индикаторами национальных черт в языковой картине мира. Они, с одной стороны, привязаны к определенной ситуации в текстах романов, а с другой – вызывают представления, ассоциации о совершенно определенных географических названиях: *Русь, Москва, Питер, Татинец, Слопинец, Балахна, Волга*.

Используя самый «малый» фольклорный жанр русского народного поэтического творчества, обладающий большой смысловой емкостью, В.И. Костылев, с одной стороны, изобразил существенность, богатство и многообразие народной жизни, как основу всех исторических перемен, с другой стороны, так же, как и Л.Н. Толстой, он понимал, что в этих народных изречениях заложен глубокий смысл и, будучи сказанными «кстати», они «получают вдруг значение глубокой мудрости» [Толстой 1978: 451]. При этом «имя собственное получает «права элемента, активно участвующего в построении образа, а пословица создает для него определенный эмоциональный фон» [Магазаник 1968: 24].

Основываясь на жанровой специфике исторического романа и исследуя идиолект В.И. Костылева, мы рассмотрели лексическую составляющую текстов, которая дает возможность определить характерные особенности идиолекта писателя, среди которых выделяются следующие группы слов:

- апеллятивная лексика

1) устаревшие для современного читателя слова, которые встречаются либо в речи персонажей, либо в тексте автора, но при этом часто заключены им в кавычки: «*Пускай будет то и не польский король, а свейский, либо немецкий, либо гишпанский*» [Костылев 2012: 56], *свейский* “шведский”, *гишпанский* “испанский” [Александрова 2001: 555,165]; «*В теплом мухояровом охабне*» [Костылев 2012: 196], *охабень* «длинная и широкая старинная русская верхняя одежда с большим

четырёхугольным откидным воротником и откидными рукавами» [Глинкина 2008: 217], *мухояр* «старинная бухарская бумажная ткань с примесью шерсти или шелка» [там же: 186]; «*Игнатий поминутно оглядывался. – Нет ли ярыги? Следят и за нами, – вздохнул он*» [Костылев 2012: 88], *ярыга* «в московских приказах XVI – XVII вв., низший служитель, исполнявший полицейские функции» [Глинкина 2008: 363]; «*Казакам жалованья не платят. Доставай себе кошт сам*» [Костылев 2012: 180], *кошт* «содержание, пропитание, иждивение» [Глинкина 2008: 152]; «*В одном возке и дворянин, и игумен, и посадские тяглецы, тут же боярские холопы и беглые крестьяне!*» [Костылев 2012: 198], *тяглец* от *тягло* «в русском государстве в XV – XVIII вв.: государственные повинности крестьян и посадских людей» [Глинкина 2008: 320]; «*За татьбу почтут... Страшись!*» [Костылев 2012: 122], *татьба* «воровство, грабеж» [Глинкина 2008: 313]; «*Нижегородский воевода поведал о том, как «зело извольничались» его нижегородцы*» [Костылев 2012: 152], *зело* «очень, весьма» [Глинкина 2008: 116]; *токмо, распря, всуе, яко, паки* [Костылев 2012: 153, 175, 88, 198] и т.д.;

2) иноязычные слова, из финно-угорских и тюркских языков: «*А как по-твоему, по-татарски, голова? – Юсуф. Голова – баш. Гаврилка. Ну, Пуртас, а по-чувашки? – Пуртас. Голова – пось. – Гаврилка. А по-твоему, мордвин? – Мордвин. По-нашему – пря*» [Костылев 2012: 263]; «*– А как будет красный по-вашему? Татарии Юсуф отвечает: – Кызыл. – А по-вашему? – Якетере... – отвечает мордвин. – Ешкарге, – торопится сказать черемис, не дожидаясь вопроса*» [там же: 268];

3) религиозная лексика: *причт* “состав лиц, служащих при какой-либо одной церкви (приходе)”, *прят* “главный жрец у мордвы”, *кереметь* “священная роща, капище” [Костылев 1993 в: 127, 61, 80] и т.д.;

4) собственные имена, которые служат для создания художественной картины исторических эпох России XVII – XVIII веков:

– мирские, языческие имена – *Томило, Ждан, Любимка, Первушка, Задира, Яичное Ухо* и т.д.;

– разговорные формы антропонимов – *Митрий Михайлыч, Михайла Глебыч, Минич* и т.д.;

– диалектные формы антропонимы, отражающие оканье – *Ортемьев, Осташко, Ондрюшка, Онисим, Оксинья*. Эти фонетико-орфографические варианты имен были широко распространены в XVII веке в именовании простых, незнатных людей и являются результатом противопоставления аканья и оканья;

– антропонимы, в основе которых лежит славянский тип именования по названию животного – фискал *Семен Лисица*, старикашка-привратник *Иван Ёж*, музыкант без роду *Егор Соловей*, юродивый *Василий Пчелка*, кузнец *Митька Лебедь*, ратник *Сенька Сокол*;

– реальные топонимы XVII века – *Скородом, Деревянный город, Белый город, Китай-город* (районы Москвы XVII века), *Пожар-площадь* (Красная площадь);

– эргонимы XVII – XVIII вв. – *Земская изба, Денежный двор, Московская Тайная контора, Судный приказ, Камер-коллегия, Земской совет, Семибоярье* т.д.

○ псевдоэтнонимы (по классификации М.А. Членова) – *ватажники, раскольники, слобожане, скитники*. Псевдоэтноним *слобожане* является обозначением по географическому, территориальному признаку. Слобожанин – слободской житель, слободчик, вольный неприписанный к земле человек [Даль 1995: т. 4, 221] свободные от каких-либо повинностей жители слобод, поселений: «*Благоразумные слобожане! Встречайте народ!*» [Костылев 1993 в: 309]. Псевдоэтнонимы *раскольники, скитники* объединяют людей по религиозному признаку. Раскольники – это последователи старообрядчества: «*...раскольники каждодневно во всех городах и весях передаются православию*» [Костылев 1993 б: 75]. Скитники – старообрядцы, живущие в скиту: «*Пройдя к гостям, скитники низко поклонились*» [Костылев 1993 в: 284]. Псевдоэтноним *ватажники* объединяет людей по социальному признаку. Ватажники были членами ватаги (дружная толпа, шайка, артель): «*Ватажники кланяются в ноги ему, своему атаману, называя "батюшкой"*» [там же: 12];

○ катойконимы – номены «для обозначения жителей по названию места жительства (оттопонимическое образование)» [Подольская 1988: 64]: *тушинцы, нижегородцы, рязанцы, ярославцы, арзамасцы, волгари, керженцы, дальнеконстантиновские, дорогобужаны, вязьмичи, костромичи, вычегодцы, московитяне, москвичи* и др. Употребление катойконимов позволяет автору показать мощь и размах народной борьбы, подчеркнуть известность и значимость географического объекта, особенно в историческом произведении.

Идиостиль и идиолект писателя сформировался на определенном историческом фоне, а приведенные группы слов в индивидуально-художественной речи романов В.И. Костылева являются источником исторических ассоциаций, значимых как для отдельного человека, поколения, так и для всего народа. «При выражении исторических ассоциаций, знаменательных для всего народа, слово – для каждого носителя языка сигнал событий, переживаний, воспоминаний, сигнал великого сопряжения со своими корнями, с тем, без чего человек перестает быть человеком» [Климкова 1991: 53].

2.3. Онимическая составляющая художественной картины мира

В.И. Костылева: общий взгляд

Онимы в историческом произведении способствуют отражению связи времени и пространства. Употребление большого количества реальных исторических имен в тексте представляет собой значительный фактор формирования структуры исторического романа. Можно утверждать, что, с одной стороны, в исторических произведениях используется ономастикон, который является объективным в рамках этого жанра, поскольку отражает реальные события из жизни общества; с другой стороны, вариантность ИС в историческом романе зависит от персонального выбора автора, основанного на его собственных толкованиях событий и восприятия исторических личностей. «Имена людей переходят от народа к народу, но носители этих имен не так долговечны, как реки, моря и города. Поэтому вопрос о разгадке нарицательного значения ономастики интересен для истории слов, для определения культурных влияний

разных народов, а главное, как факт вкуса и моды, что очень интересно в плане «истории нравов» и особенно при изучении языка художественной литературы» [Реформатский 2004: 72].

Украинский ономаст Ю.А. Карпенко, говоря об особенностях функционирования в произведении реальных ИС, отмечал, что имена исторических деятелей, реальные топонимы становятся компонентами литературной ономастики и начинают «говорить». Они соотносятся с теми же денотатами, что и за пределами произведения, хотя характер этого соотношения может существенно измениться в связи с переходом имени из языка в речь. При этом «содержащаяся в имени историческая информация сохраняется лишь в той мере, в какой это нужно писателю, и дополняется характерным для данного произведения информационными и эмоциональными “довесками”» [Карпенко1986: 38], и писатель может прибегнуть к варьированию имени: «Светясь отраженным светом историческим (от реального денотата) и художественным (от созданного писателем образа), реально-историческое имя приобретает в художественном произведении собственное ономастическое сияние» [Карпенко1986: 39].

Нужно отметить, что в последнее время интерес к изучению ИС в художественных текстах растет, что объясняется расширением исследований в сфере общей и частной поэтики, стилистики, языка художественной литературы, лингвистики текста. В связи с этим исследование онимов и их функционирование в историческом романе представляется сегодня одной из интересных проблем современной лингвистической науки.

Онимическая составляющая художественной картины мира В.И. Костылева обусловлена спецификой исторического романа, а также этническими особенностями территории, где происходят описываемые исторические события. Ядро онимического пространства произведений писателя составляют антропонимы и топонимы. Они представляют наиболее многочисленный пласт онимического пространства. Это подтверждается сплошной выборкой ИС в романах «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы»: антропонимов 513 персонажей

и 246 топонимов, при этом количество их употреблений насчитывает соответственно около 9 500 и 1 900. Большая часть из них относится к реальным онимам, т.е. речь идет: а) о личных именах, патронимах, фамилиях, фамильных прозваниях исторических деятелей, либо об антропонимах, взятых автором из Писцовой и переписной книг по Нижнему Новгороду, либо о созданных писателем именовании по антропонимистическим моделям XVII – XVIII веков; б) о названиях географических объектов, реально существовавших или существующих на карте России, в Нижегородском крае, и в частности на территории Окско-Волжско-Сурского междуречья. Периферийное онимическое пространство романов В.И. Костылева составляют астронимы, документонимы, зоонимы, теонимы, хоронимы, экклезионимы и др. К онимической периферии примыкают этнонимы (*мордва, чуваш, поляки* и др.), по количеству употреблений (более 1 000) приближаясь к стержневой позиции в романах.

Взяв за основу классификацию поэтонимов С.И. Зинина и учитывая единство процесса «реальная ономастика – автор – поэтическая ономастика» [Зинин: электр. рес.], разряды ИС в произведениях В.И. Костылева можно сгруппировать следующим образом: 1) подлинные собственные имена реальных исторических лиц и географических объектов – антропонимы *Иван Грозный, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский* («Кузьма Минин»), *Петр I, Питирим, диакон Александр* («Питирим»), *Елизавета I, Несмеяно Кривов* («Жрецы») и др., топонимы – *Москва, Нижний Новгород, Кстово, село Мурашкино, р. Кудьма* и др.; 2) поэтонимы вымышленных автором образов, созданные по моделям национальной ономастики, когда автор следует принципу «социально-исторического правдоподобия, чтобы через собственные имена передать особенности изображаемого времени, событий, персонажей» [там же: электр. рес.]: *Михаил Андреич Буянов, Ивашко Лаврентьев, Ивашка Толоконцев, Гаврилка Ортемьев* («Кузьма Минин»), *Байбулатов, Мазоват Нарушев, Софрон Пономарев сын* («Питирим»), *Марья Тимофеевна, Иван Рогожа, Лобка Чанаев, Турустан Бадаев* («Жрецы») и др.

Особенностью онимического пространства романов В.И. Костылева является и тот факт, что в них отсутствуют ИС созданные автором для усиления «экспрессии собственного имени без учета традиционной специфики национальной ономастики» [Зинин: электр. рес.]. Основываясь на предложенном анализе ИС в художественном тексте О.И. Фоняковой, следует объединить ИС по участию в развитии сюжета (по композиционной роли в тексте называемых объектов и действующих лиц) на сюжетные (главные и эпизодические) и внесюжетные (упоминаемые) [см.: Фонякова 1990: 54]. Главные сюжетные поэтонимы легко определяются по количественной представленности. Например, в романе «Кузьма Минин» это антропонимы *Минин* (446), *Пожарский* (373), *Ляпунов* (68), топонимы *Москва* (247), *Нижний* (54), *Русь* (17); в романе «Питирим» – антропонимы *Питирим* (597), *Филька* (453), *Софрон* (356), топонимы – *Нижний* (148), *Керженец* (61), *Макарий* (26), в романе «Жрецы» – антропонимы *Сыч* (185), *Несмеянка* (103), *Штейн* (96), *Турустан* (76), *Заря* (60), топонимы – *Терюшево* (28), *Нижний* (55) и др.

В текстах романов В.И. Костылева прослеживается процесс естественного отбора «нужных для русского народа удобных формул, которые бы отражали и социальное положение носителя, и в то же время были бы наиболее удобными для именованья лица» [Зинин 1972: 21] в XVI – XVIII веках. А.Н. Мирославская указывает на то, что в XVI веке, «несмотря на стремление именовать вокруг имени главы семьи, формулы именованья были самыми различными как по количеству входящих в них компонентов, так и по их структурно-морфологической оформленности» [там же: 21]. Поэтому в произведениях писателя функционируют антропонимы разной структуры – однокомпонентные и многокомпонентные разного характера. В терминологии, использованной С.И. Зининым, это одноименные, двуименные, трехименные формулы:

1) одноименная формула именованья для служителей религиозных культов (монахи, архиереи и др.), также многих мещан, часто такое имя сопровождалось указанием на профессию – *протопоп Аввакум*, *диакон Александр*, *Ипат*, *Назарка*, *Ивашка-хлебник*, *Захар-кожевник*;

2) двуименная формула именования, состоящая из а) личного христианского имени и второго компонента в форме притяжательного прилагательного от прозвищного имени отца или прозвища – *Антошка Истомин, Яков Лаптев, Ганька Коновалов, Афанасий Коломна, Семен Лисица* и др.; б) личного мирского имени и именования по отцу от христианского личного имени – *Первушка Карпов*; в) обоих компонентов, восходящих к именам христианским – *Исайя Петров, Кузьма Минин*; г) обоих компонентов именования, состоящих из мирского имени, фамильного прозвания, восходящего тоже к мирскому имени – *Дружинка Мясников, Кручина Волков* и др.; д) персонима, христианского или (реже) мирского, и “полуотчества” со словом “сын” – *Андрей сын Денисов; Антон сын Истомин; Софрон сын Пономарев; Михаил, сын Артамонов; Несмеянка, Васильев сын* и др.; е) двуименная формула именования, личного имени и отчества образованного при помощи суффикса *-ич* – *Кузьма Минич*;

3) трехименная формула, которая «позволила отказаться от дополнительных неантропонимических характеристик (профессии, приметы и пр.)» [там же: 32] и которая включала в себя две разновидности: а) личное имя + “полуотчество”, которое «по своей морфологической структуре совпадает с фамилией, но имеет дополнительное слово “сын”» [там же: 17], + фамилия или фамильное прозвание – *Афанасий Фирсов сын Олисов, Несмеянка Васильев сын Кривов* и др.; б) личное имя + отчество с суффиксами *-ич, -ыч, -ович, -евич, -овна* + фамилия или фамильное прозвание – *Василий Петрович Морозов, Иван Мартыныч Заруцкий, Нестеров Стефан Абрамыч, Долгорукий Василь Петрович, Василий Васильевич Голицын, Янгальчева Марфа Борисовна* и др.

Автор исторического романа художественно воспроизводит действительность, не отдаляясь от истины в описании всех предметов и событий романа, и ИС занимают в романе главную связующую роль. Именования персонажей и объектов исторического романа должны соответствовать действительной, исторической картине мира, поэтому в художественном произведении они имеют свои характеристические черты.

2.4. Библионимы в творчестве В.И. Костылева

Библионим – «название, заглавие любого письменного произведения художественного, религиозного, научного, политического и т.п.» [Подольская 1988: 42].

Заглавие, наряду с началом и концом произведения, рассматривается как обязательная сильная позиция текста, как одна из его доминант, которая актуализирует смысл произведения. Заглавие предваряет содержание произведения, вбирает его сюжетную перспективу, а затем, по мере прочтения, наполняется смыслом. «Название своеобразно сочетает в себе две функции – функцию номинации и функцию предикации. Название можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин 1981: 133]. «Название является темой художественного сообщения. <...> По мере чтения художественного текста заглавная конструкция вбирает в себя содержание всего художественного произведения» [Кожина 1986: 5].

«Заглавие обладает колоссальной энергией туго свернутой пружины. Раскрытие этой свертки, использование всей этой энергии носит сугубо индивидуальный характер, и начинается оно с ожидания знакомства с текстом, с формирования установки на чтение данного произведения, с периода, который условно можно назвать предтекстовым» [Кухаренко 1988: 92].

Все библионимы В.И. Костылева лаконичны, монолитны, ясны, легки для восприятия читателем, информативны. В них нет двойных смыслов, они неэмоциональны, имеют сдержанную, строгую форму.

Текстовые категории проспекции и ретроспекции, как правило, прослеживаются уже в библионимах. Библионим «Жрецы» привлекает внимание читателя, заключая в себе интригу. Чаще с этим словом связывают образы греческих идолопоклонников. Только после прочтения романа читатель узнает, о каких жрецах идет речь в произведении. В этом случае открывается связь библионима с категорией ретроспекции: происходит возвращение к заглавию.

«Обогащенное новыми смыслами, заглавие в аспекте ретроспекции воспринимается как обобщающий знак-«рема», первичная интерпретация текста взаимодействует уже с читательской интерпретацией целостного произведения с учетом всех его связей» [Николина 2003: 172].

В.И. Костылев выбирает заглавие романа «Жрецы» не случайно: *жрец* – «заменяющий священника у идолопоклонников <...>; языческий священнослужитель» [Даль 1995: т. 1, 546]. В романе описывается восстание мордвы в Нижегородской губернии в XVIII веке, вспыхнувшее в ответ на насильственное крещение мордвы царским правительством. Автор употребляет слово *жрецы* наравне с мордовскими названиями языческих служителей – *прявт*, *возята*, *позанбунавед* (помощник возяты), *янбед*, *пурендяит*, *кашангород*: «Старики хитрили. Они по домам не поили, а направились к главному жрецу своему, иначе называемому "возатя", к Сустату Пиюкову. Жил он с другого края деревни, у оврага. Придя к возате, старики спросили его совета, что им теперь делать, когда кругом напасть такая? Сустат Пиюков заявил: – Просите *прявта** Тамодея, пускай соберет моляну. Несите жертвы Анге-Патяй. Она избавит нас от всех несчастий. <...> *Прявт – голова, старейшина в отправлениях религиозных обрядов» [Костылев 1993 в: 61] (Дефиницию мордовского слова дает сам автор в подстрочнике).

Персонифицированные заглавия исторических романов «Кузьма Минин», «Питирим», «Иван Грозный» по своей природе связаны с предельной конкретизацией обозначения, поскольку персонажи произведений *Кузьма Минин*, *Питирим*, *Иван Грозный* являются историческими лицами. Уровень эрудиции и образованности, фоновые знания подсказывает читателю, о ком и о чем будет идти речь в произведении, заголовок которого уже семантически нагружен. «Поскольку авторская позиция реализуется в целом тексте, то заглавный персонаж – организующее звено основного конфликта произведения и носитель его идеи – также раскрывается во всей полноте в пределах целого текста» [Кухаренко 1984: 114].

Библионим как «ономастическая единица входит в специфический ряд с его характерными признаками. Нередко в нем фигурирует имя главного персонажа или места действия, что создает двойной фон» [Супрун 2000 а: 119]. Так, «Кузьма Минин», «Питирим», «Иван Грозный» являются историческими романами В.И. Костылева и называют единственное в своем роде произведение и в то же время *Кузьма Минин*, *Питирим*, *Иван Грозный* – это известные личности в истории России, что определяет многомерную ассоциативность заглавий романов.

В.И. Костылев берет фамилии для своих персонажей из реальных исторических документов описываемой эпохи, ничего не изменяя и не придумывая, с учетом того, что они не противоречат типизации образов. Исторические онимы нашли отражение в романах писателя в своем истинном первоначальном значении. Так, именование *Кузьма Минин* вызывает образ народного героя и в сознании русского общества освободителя, и в художественном произведении; фамилия *Пожарский* вызывает образ князя, возглавившего восстание и народное ополчение против польско-литовских интервентов; именование *Питирим* связано с религиозным деятелем эпохи Петра I, который вел борьбу с раскольниками.

Именование персонажа *Кузьма Минин* до настоящего времени вызывает споры историков. Сам писатель, видимо, был какое-то время в сомнении, как именовать героя своего произведения. Так, в 1938 году журнал «Новый мир» № 6 опубликовал роман В. Костылева «*Козьма Минин*», в журнале «Смена» № 317 за 1939 год был напечатан отрывок из его романа «*Козьма Минин*». В 1939, 1941, 1942 годах роман печатался под названием «*Козьма Минин*», а с 1942 года появляются издания романа под заглавием «*Кузьма Минин*». Таким название остается в многочисленных переизданиях и сегодня. Поскольку смена названия романа произошла при жизни автора, то мы делаем вывод, что изменение заглавия романа «*Козьма Минин*» на «*Кузьма Минин*» было сделано автором.

В 1940 году писатель создал историческую повесть для детей младшего школьного возраста «Минин и Пожарский», в которой личное имя *Козьма* осталось неизменным, на протяжении всех переизданий (последнее в 2007 году).

Личное имя *Кузьма* является производным от др.-церк. *Кузма*, *Козьма*, церк. *Косма*, разговорный вариант – *Косьма* [Суперанская 2005: 217], от греч. *kosmos* – мир, украшение [Петровский 1966: 137], сближенного с *кузнец* [Фасмер 1996: 403]. Покровителями кузнецов считаются святые Кузьма и Демьян (Косьма и Дамиан): "закует Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать". С этим связано употребление имени в русской загадке "Узловат Кузьма, развязать нельзя", где *Кузьма* – это кованая железная цепь. В последних исследованиях можно отметить сопоставление личного имени *Кузьма* со словом *кузен* (итал., *cugino*; датск. *kusine*; польск. *kuzyn* "двоюродный брат") [Макаренко 2012: 117], что представляется маловероятным, поскольку слово *кузен* пришло в русский язык в значении *двоюродный брат* намного позже появления личного имени *Козьма* (*Кузьма*). В английском языке имени *Кузьма* соответствует *Cosmo*, *Kosmo* (*Козмо*, *Коузмо*), во французском языке – *Côte* (*Ком*), в немецком языке – *Kosmas* (*Космас*), в болгарском и сербском языках – *Козма*, *Козман*, в польском и чешском языках – *Kosma*, в итальянском языке *Cosimo* (*Козимо*; уменьш. *Козимино*, *Мимино*), в финском языке – *Kuisma* (*Куисма*) [Европейские ...: электр. рес.]. В этимологических справках всеми лингвистами указывается древнегреческое происхождение имени *Кузьма*.

Много споров сегодня ведется вокруг следующего именованья организатора ополчения против польских захватчиков – *Кузьма Минич Захарьев Сухорукий*. Особые сомнения вызывают патроним *Захарьев* и прозвище *Сухорукий*. Единое мнение сложилось лишь по поводу личного имени отца Кузьмы Минина – *Мина*, распространенного в описываемую эпоху.

Нижегородский историк А.Я. Садовский считал, что русские историки точно не установили происхождение отчества и фамилии Минина. В 1916 году на основании исторических документов он пришел к выводу, что *Кузьма Захаров Сухорук* и *Кузьма Минин* – разные люди. Того же мнения придерживаются нижегородский краевед Е.Н. Силаев и исследователь нижегородской старины Н.Ф. Филатов. Тем не менее до сих пор в справочной и научно-популярной литературе можно встретить именование *Кузьма Минич Захарьев-Сухорук*. Это

именование появилось после того, как в 1852 году историк М.П. Погодин опубликовал текст купчей за 1602 год: «а в купчей пишет: се яз Иван Матвеев сын прозвище Жилин продал есми в Нижнем Новгороде двор свой с садом и с огородом за городом на Никольской стороне над Почайною Ондрею Офанасьеву сыну Попову, а в межах тот мой двор подле Кузьмы Захарьева сына Минина Сухорука» [Москвитянин 1852: 33]. Об этой купчей упоминает и писатель П.И. Мельников-Печерский в своей автобиографии [см.: Мельников-Печерский 1963: 177].

А.Я. Садовский также приводит этот текст и, тщательно изучив исторические документы, доказывает, что речь в этой купчей идет не о лидере ополчения – *Кузьме Минине*, а о другом человеке [Садовский 1916: 14]. Е.Н. Силаев в 1999 году прямо указывает на обнаружение подлинного текста купчей, в которой отсутствует патроним *Минин* [Силаев 1999: 15]. Подтверждением его мнения может служить выписка из писцовой книги 1621-1629 гг.: «А на другой стороне соборные церкви дворы: дворъ стряпчего Нефедя Кузьмина сына Минина с огородомъ, а по скаске Нижегородцовъ посадскихъ выборныхъ людей то мѣсто бывало государево дворовое» [Писцовая и... 1896: 44-45]. *Нефед* – единственный сын Кузьмы Минина («по Рожанскому: Неофит Кузьмич») [Гациский 1886: 45]), историческое лицо, которое также является персонажем романа В.И. Костылева. Личное имя *Нефёд* (разг. *Мефёд*), др.-церк. *Мефодей* происходит из греч. методиос: методос, метод, теория, исследование – имя просветителя славян, брата Кирилла (Константина) [Суперанская 2005: 239]. Автор употребляет народный вариант именования сына Кузьмы Минина – *Нефед*.

С точки зрения русской ономастики, наличие двух патронимов в именовании одного лица не входит в традиционную модель именования в русском языке: *Кузьма Захарьев (сын) Минин (сын)*. Традиционная модель именования в XVI – XVII веках в официальных записях отражала следующие явления: «1) личное имя, 2) указание на родственные отношения (обычно к главе семьи), 3) индивидуальное прозвище или фамилия, 4) место происхождения и 5) профессия или занятие» [Суперанская 1973: 176]. Даже если предположить, что

Минин (сын) – патронимическая фамилия по деду, то не понятно, почему в произведении к одному и тому же персонажу обращаются и *Минич*, и *Захарыч*.

В.И. Костылев не мог не учитывать большого количества авторитетных публикаций на тему Смутного времени, поэтому в романе автор употребляет патроним *Захарыч* при именовании персонажа Кузьмы Минина. В нижеприведенной таблице указаны патронимы от личных имен *Захарий* и *Захар* согласно словарю Н.А. Петровского и А.В. Суперанской. Таблица показывает различие употребления историками и писателями предполагаемого отчества нижегородского посадского человека *Кузьмы Минина*, возглавившего народное ополчение:

<i>Захарий</i> (др.-церк.) [Суперанская 2005: 188]	<i>Захар</i> из др.-евр. <i>закарья</i> “бог вспомнил” [Суперанская 2005: 188]
Отч.: <i>Захариевич, Захарьевич</i> [Петровский 1966: 115]	Отч.: <i>Захарович</i> , разг. <i>Захарыч</i> [Петровский 1966: 115]
1. <i>Козьма Захарыч Минин-Сухорук</i> [Волкова 1913: 23] 2. <i>Кузьма Захарьев сын Минина Сухорук</i> [Москвитянин 1852: 33] 3. <i>Козьма Захарыч Минин, Сухорук</i> [Островский 1862: 5]	1. <i>Козьма Захарыч Минин-Сухорук</i> [Костомаров 1868: 241] 2. <i>Козьма Захарович Минин</i> [Назаревский 1911: 27] 3. <i>Кузьма Захарыч, Козьма Захарович</i> [Булгаков 1998: 15].

Основываясь на распространенной версии именования с патронимом *Захарович*, писатель вводит в канву романа разговорный вариант отчества – (*Кузьма*) *Захарыч* (встречается 47 раз) и его вариант: *Захарын*: «Но что же ты молчишь, *Захарыч*?», «Откуда взялась такая прыть у говядаря, *Кузьмы Захарина*?» [Костылев 1993 а: 119,10].

Интересен тот факт, что в последнем издании романа В.И. Костылева «Кузьма Минин» (2012 г.) патроним *Захарыч* не встречается. Вместо него употребляется патроним *Минич*. Кто внес изменения, сказать трудно, но большое количество публикаций на тему именования лидера ополчения сыграло свою

роль. Поскольку остальные новшества в издании 2012 года идут в разрез с изданием 1993 года, в том числе с изданиями, в которые автор вносил изменения сам, то мы не рассматривали эти изменения. Доверие вызывает издание повести В.И. Костылева «Минин и Пожарский» для младшего школьного возраста 2007 года с предисловием директора Института российской истории А.Н. Сахарова, где, например, осталось авторское именование героя – *Козьма Минин, Козьма Захарыч (Захарович)* [Костылев 2007:14].

В своей работе над романом В.И. Костылев также опирался на текст древней рукописи, «охватывавшей два с половиной века (1511-1760 гг.)» [Дарков 1959: 45], которую обнаружил в нижегородском губернском архиве. Какая именно была рукопись, сведений не сохранилось. Однако аналогом такой рукописи может быть «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства» 1788 года, историческом сочинении о Смутном времени, составленном около 1658 года в Москве при патриаршем дворе на основе переработки "Нового летописца" и использования официальных разрядных записей, в которой народного героя именуют «нижегородец имеаще торговлю мясную Козьма Минин, рекомый Сухорукой» и «Козма Мининъ» [Летопись ...1771: 246, 247].

Прозвище *Сухорук (Сухорукий, Сухоруков)*, которое могло указывать на физический недостаток Кузьмы Минина или его предка, употребляют историк С.М. Соловьев: «в числе земских старост был Кузьма Минин-Сухорукий, мясной торговец», «выборного человека всею Землею, в Козьино место Минина князь Пожарский руку приложил» [Соловьев 1851-1879: 1010, 1018] и В.Н. Татищев: «мясник Козьма Минин сын, прозвище Сухорук», «Козьма Сухоруков», «Козьма Минин Сухоруков» [Татищев 1966: 356, 357, 363].

Нельзя обойти вниманием и мнение А.С. Пушкина по поводу надписи «гражданину Минину и князю Пожарскому» на памятнике на Красной площади в Москве: «Надпись гражданину Минину, конечно, не удовлетворительна: он для нас или мещанин Косма Минин по прозванию Сухорукой, или думный дворянин

Косма Минич Сухорукой, или, наконец, Кузьма Минин, выборный человек от всего Московского государства» [Пушкин 1962: 242].

При выборе именования главного персонажа исторического романа «Кузьма Минин» писатель останавливается на *Козьма (Кузьма) Минин*, не употребляя прозвище *Сухорукий (Сухорук)*. В исторических актах и грамотах прозвище народного героя *Сухорукий (Сухорук)* не встречается, что писатель не мог не заметить.

В романе историческое собственное имя *Кузьма Минин* находится в центре повествования и служит его когерентности, внутренней связности, а частотность его употребления в тексте романа говорит о центральной, основной позиции в повествовании. Так, в издании книги «Кузьма Минин» 1993 года *Минин* употребляется 444 раза, *Кузьма* – 278, *Кузьма Минин* – 28, *Кузьма Захарыч* – 48, *Кузьма Захарович Минин* – 1, *Захарыч* – 7, *Кузьма Захарьин* – 2, *Кузьма Минич* – 8, *Минич* – 16, *Куземка* – 7, *Косма* – 3, *Кузя* – 1, *Кузька* – 1, *Куземушка* – 1.

Кузьма Минин – двухкомпонентное именование – личное имя + патроним, который стал впоследствии фамилией. Примеров такого именования (в том числе с трансформированным персонимом) в тексте произведения несколько: *Фома Демьянов, Куприянка Юрьев, Федор Марков, Василий Юдин, Ивашко Петров, Ивашко Лаврентьев, Наумка Григорьев, Гаврилка Ортемьев, Гришка Отрепьев*.

Кузьма (Козьма) – народная форма имени *Косма*, которое записано в святцах Русской Православной Церкви.

Минин – патронимическое именование на *-ин*, сокращенное от *Минин сын*.

Автор употребляет именованья *Кузьма Захарыч, Кузьма Минич* как почтительное обращение к лидеру народного ополчения: «*Мосеев и Пахомов дали клятву исполнить наказ Нижнего Новеграда в точности, называя своего собеседника Кузьмой Миничем*»; «*Кузьма Захарыч, тебе покаюсь*» [Костылев 1993 а:21,105]. «Суффикс *-ич* – один из старейших у славян. Он издавна вошел в славянскую ономастику, образуя патроним, именование по имени отца» [Никонов 1988: 44]. Патроним с формантом *-ыч* является разговорным вариантом патронима на *-ич*. Другие примеры аналогичного именования в романе – *Митрий*

Михайлыч, Фома Демьяныч, Сергей Гаврилыч, Иван Мартыныч, Николай Трифоныч, Андрей Семеныч, Иван Иваныч. Однако вопрос о возможности употребления такой формы среди людей незнатного происхождения требует пояснения. С.И. Зинин отмечал тот факт, что в крестьянской среде употребление отчества выполняло функцию возрастной характеристики, а употребление отчества самостоятельно без личного имени прослеживается в бытовом, устном общении у людей знатного происхождения. Он же пишет, что длительное время правом именоваться полным отчеством с суффиксами *-ович/евич, -ич, -вич* разрешалось по указу царя. Полуотчествами с суффиксами *-ов/ев, -ин* именовались люди низкого социального статуса [см.: Зинин 1994: 192]. Поэтому В.И. Костылев лишь предположил, что к Кузьме Минину могли так обратиться его товарищи и более того – князь Дмитрий Пожарский.

Минич – однокомпонентное именование, которое встречается в романе только в прямой речи, в уважительном значении при обращении простых, тягловых людей к главному персонажу. Автор органично вводит в текст романа обычай русского народа именовать человека только по отчеству, создавая тем самым доверительную и теплую атмосферу общения: «– *Уж и не знаю, как тебя и благодарить, Минич! Умная голова ты у нас. Ежели бы не ты, пропали бы посадские без тебя!*» [Костылев 2012: 159].

Куземка, Кузька – личные имена встречаются в речи доносчика и бояр, имеют уменьшительную форму с формантом *-ка*. В тексте произведения они представляют форму обращения знатных людей к простому человеку, часто уничижительную, презрительную, которая является своеобразным отражением социальной иерархии персонажей: *Первушка, Елизарка, Гришка, Сенька, Ганька, Ондрюшка, Афонька, Гаврилка, Филаретка, Мишка, Федька, Степанко, Гераська, Олешка, Семка, Куприянка, Данилка, Ванька*. В то же время формант *-ка* употреблялся в челобитных на имя царя и «уменьшительная форма имен считалась необходимой и для служивого человека, и для простолюдина» [Соколов 1891: 4]. «В Московском государстве только с известного времени стали придавать особый смысл этим суффиксам, стали прилагать их к именам

известного слоя общества <...> суффиксы *ка, ко, шка, шко* стали служить знаменем двух слоев общества, гранью двух миров» [Морошкин 1867: 30]. С другой стороны, поскольку в писчих книгах эпохи Смутного времени и эпохи Петра I зафиксированы имена с формантами *-ка, -ко, -шка, -шко*, то их можно считать самостоятельными именами, наравне с их полными формами. Форму имени с уменьшительным суффиксом простолудин сохранял всю свою жизнь, она была его личным именем.

Часть личных имен с формантами *-ка, -ко, -шко* употребляются в романе «Кузьма Минин» вместе с обозначением рода занятий тягловых людей (посадских и крестьян), что помогает идентифицировать персонажей в тексте: *говядарь Куземка, Куземка-мясник, Любимка Гусельник, юродивый Микитка, пушкарь Антипка, хлебник Матюшка, Степанка-пастух, кормщик Давыдка, кузнец Митька Лебедь, шубник Митрофанка Алексеев, калачник Ивашко Петров.*

Заглавие исторической повести В.И. Костылева «Минин и Пожарский» указывает на ведущую тему произведения, привлекает внимание читателя к персонажам, ставит их в центр произведения, способствует его восприятию. Именно в заголовке повести отражена тема произведения – историческая ситуация эпохи Смутного времени, периода, когда «народ обнаружил такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских <...> устоев, какой в нем и предполагать было невозможно» [Забелин 1883: 1]. Именования *Минин и Пожарский* в повести и в романе «Кузьма Минин» часто употребляются рядом, поскольку главные персонажи делали одно дело и в русской истории воспринимаются как единое целое, что отражено в произведениях: «*Минин и Пожарский посоветовали*», «*Пожарский был молод, но осторожен и терпелив. Ничего не делал, не обдумав и не обсудив с Кузьмой*», «*Дмитрий Михайлович и Кузьма*», «*Не раз Пожарский делился своими думами с Мининым*» [Костылев 2012: 183, 194, 201, 222].

Фамилия *Пожарский* – княжеское прозвание по названию вотчины. Князя Пожарские владели «до XVI века большими вотчинами в Нижегородском и Суздальском крае» [Полиевктов 1909: 5]. «Род Пожарских <...> название получил

от города Погара, или Погарелого, полученного им в наследство и опустошенного пожаром» [Смирнов 1852: 3]. В «Ономастиконе» С.Б. Веселовского дано такое пояснение фамилии: «Пожарские, князья, XV – XVII вв., отрасль Стародубских князей. Фамилия от села *Пожар*» [Веселовский 1974: 251]. «*Пожарский* – деревня *Пожарка*» [Унбегаун 1989: 106]. Княжеское прозвание *Пожарские* с формантом *-ский* произошло от топонима при идентификации личности в ответ на вопросы Кто? Какой?, впоследствии превратилось в фамилию. «В ответ на первый из них называлось личное имя или индивидуальное прозвище. В ответе на второй фигурировали географические названия» [Суперанская 2008: 18]. В романе «Кузьма Минин» встречаются и другие исконно русские фамилии исторических лиц, образованные от топонимов: – *Волконский* (от реки Волконь), *Шуйский* (от города Шуя или реки Шуя), *Трубецкой* (от вотчины Трубчевск), *Масальский*, (от города Масальск), *Мещерский* (от Мещёра), *Курбский* (от деревни Курба), *Оболенский* (от города Оболенск), *Одоевский* (от города Одоев) [Унбегаун 1989: 105,106], *Волынский* (от города Волынь, Украина), *Мстиславский* (от города Мстиславль), *Черкасский* (Черкасов, от города Черкасы) [Федосюк 2002: 53, 136, 217].

Следует отметить, что, по мнению С.И. Зинина, «активность форманта *-ской* при сравнении с такими формантами как *-ов (-ев)* и *-ин*, которые образуют почти 80% всех русских фамилий, сравнительно невелика» [Зинин 1969: 256]. Однако в романе «Кузьма Минин» фамилии с ним составляют значительную часть, поскольку автор пользовался при написании произведения историческими актами и документами, в которых в основном упоминались княжеские фамилии. Обращает на себя внимание фамилия двоюродного брата Д. Пожарского – *Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского* (употребляется в тексте романа 12 раз). Краевед Н.В. Фролов, исследуя династию Пожарских, объясняет, как появилось прозвище *Лопата*. По его мнению, в средние века для того, чтобы вернее отличить двух Дмитриев Пожарских, хотя отчества у них были разные, «современники присвоили им прозвища, с которыми они попадали даже в официальные документы. Соратник Минина и легендарный полководец

прозывался *Хромой* (последствия ранения в ногу в одном из сражений). А его родственник и тезка именовался *Лопата* по характерной форме бороды – «борода лопатой» [Фролов 2011: 26]. Этому есть и подтверждение в тексте романа: «*Худенький, русобородый юноша. – Бью челом земским людям! Вот я здесь перед вами, Лопата-Пожарский*» [Костылев 2012: 236]. Отца *Дмитрия Петровича Пожарского (Лопаты)* звали князь *Петр Тимофеевич Щена-Пожарский* [см.: Родословная ...: электр. рес.]. Из этих примеров можно сделать вывод, что в традиции именования семьи Пожарских для идентификации бытовали прозвища, которые использовались как внутри семьи, так и в сообществе. Прозвище *Дмитрия Пожарского – Хромой* мало встречается в литературе, чаще встречается прозвание *Стародубский*. В.И. Костылев, не употребляя прозвище *Хромой*, вводит в текст именно это прозвание – *Стародубский, Дмитрий Михайлович Пожарский-Стародубский*: «<...> за храбрость к ратным и земским делам стольника и воеводы князя *Дмитрия Михайловича Пожарского-Стародубского*» [Костылев 2012: 336].

Именование персонажа князя *Дмитрия Михайловича Пожарского* имеет в зависимости от условий его функционирования в тексте разные варианты:

Дмитрий Михайлович Пожарский-Стародубский. Историк А.Б. Широкоград считает, что *Д.М. Пожарский* («воевода и князь *Дмитрий Михайлович Пожарково-Стародубский*» [Широкоград: электр. рес]) и его предки, князья Стародубские, впоследствии получили прозвище князей Пожарских по названию города *Пожар (Погара)* в составе Стародубского княжества. В романе это именование появляется один раз в тексте письма, усиливая роль персонажа в освободительном движении. Антропонимы *Пожарский, Дмитрий Михайлович Пожарский, Дмитрий Михайлович, князь Дмитрий Михайлович, Дмитрий Пожарский* являются общепринятыми именованиями князя, сохранившимися до сегодняшнего дня;

именования с разговорным вариантом личного имени *Дмитрий – Митрий (Митрей)* и разговорной формой отчества *Михайлович – Михайлыч: Митрий Михайлыч, боярин Митрий Михайлыч, Митрий Пожарский, Митрий Михайлыч*

Пожарский употребляется автором в речи простых людей и особенно часто в речи Кузьмы Минина: «– *Вот гляди, Митрий Михайлович, не с пустыми руками тебя встречаем, – сказал Кузьма*» («Кузьма Минин») [Костылев 2012: 312];

деминутив личного имени *Дмитрий – Митенька* – употребляется в ласковом обращении матери Д.М. Пожарского к сыну.

Заглавие исторического романа «Питирим» связано с епископом Нижегородским и Алатырским (1665-1738). Это личное имя преимущественно используется для православного, монашеского имянаречения, и было несколько известных епископов с этим именем: «Питирим, епископ Великопермский с 1447, обративший в христианство очень многих вогул <...>. Питирим, восьмой патриарх Московский. В патриаршество Никона он был митрополитом Крутицким <...> умер в апреле 1673 <...>. Питирим (ок. 1665-1738), епископ Нижегородский» [Христианство... 1995: 351].

В заглавии своего романа В.И. Костылев использовал каноническое имя епископа. Согласно «Православной энциклопедии», фамилия епископа Питирима в миру была Потемкин [см.: Беляева, Агеева 2000: 524-525]. Одна и та же заглавная буква крестильного имени *Петр*, и монашеского, *Питирим*, подтверждает наблюдение: первая буква монашеского имени часто совпадала с первой буквой канонического имени. В романе используется монашеское имя епископа – *Питирим* и его варианты-деминутивы *Питиримушка*, *Питиримка*.

События романа «Питирим» разворачиваются вокруг борьбы Петра I с керженскими скитами раскольников. Волю Петра I выполняет епископ Питирим. «Именно борьба за души породила новый психологический тип религиозного деятеля, способного почти с одинаковой энергией привлекать людей из православия в раскол и из раскола в православие. Пример епископа Нижегородского Питирима – по преданию бывшего старообрядца, – более чем красноречив» [Лавров 2000: 73]. Питирим родился в раскольниковой семье и происходил из посадских людей. Отчество епископа в романе – *Дементьевич*. Признание этого факта автор романа вложил в уста одного из своих персонажей: «– *Или не узнал? – тихо захихикал он. – Бью челом тебе, Петр Дементыч...*

Давно ли ты в Питиримы попал? Беглый-то Петька, да в епископы!» [Костылев 1993 б:73]. Петр был пострижен в монашество и наречен Питиримом раскольниками, не подозревавшими в нем своего будущего обличителя и противника.

Роман-трилогия «Иван Грозный» был начат В.И. Костылевым в конце Великой Отечественной войны в 1943 и закончен в 1948 году. По мнению писателя, «в этот период нашей истории с наибольшей силой проявилось развитие русской государственности, русского национального самосознания» [Костылев 1944: 11]. В романе образ Ивана Грозного ассоциируется с созданием единой власти, единого войска, защищающего русскую землю от захватчиков-иноземцев. В названиях частей трилогии «Москва в походе», «Море», «Невская твердыня» отражена одна из основных идей романа – освещение внешней политики Ивана IV. Соответственно события происходят либо в Москве, либо на севере страны, в то время как события романов «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы» объединены территориально, а именно Окско-Волжско-Сурским междуречьем, что потребовало от писателя включения этно- и топоантропонимических составляющих.

Таким образом, библионимы В.И. Костылева легко запоминаются. В заглавиях прослеживается осуществление номинативной и предикативной функций, они выделяют текст из ряда других и одновременно настраивают читателя на серьезное прочтение текстов романов, сами при этом наполняясь значением. «Заглавное имя собственное можно рассматривать как сверстку целого текста» [Кухаренко 1984: 117], что прослеживается во всех произведениях В.И. Костылева.

Выводы

Идиолект и идиостиль национального писателя В.И. Костылева сформировался в результате глубокого изучения писателем фактического материала и использования богатейших исторических и документальных источников. Автор исторических романов «Кузьма Минин», «Жрецы», «Питирим» в зависимости от ракурсов восприятия и представления исторических периодов – освобождения от польских интервентов в начале XVII в., борьбы с расколом времен Петра I и подавление восстания мордвы в XVIII веке – предстает как патриотически настроенный идеолог своего времени: ценитель, бережный историк, интерпретатор исторических событий, который подчеркивает идею национальности и многонациональности Российского государства. В произведениях писателя исторические события, исторические прототипы, этнические и социальные составляющие являются основой создания художественных образов и отражают индивидуально-авторской стиль писателя.

Языковой стиль автора исторического романа, его индивидуальная манера, отражают мировоззрение писателя. Структура исторического романа включает в себя большое количество реальных исторических имен и названий. С одной стороны, в нем функционирует ономастикон, который является исторически достоверным, поскольку отражает реальные события в жизни общества; с другой стороны, наполненность онимического пространства в историческом романе зависит от личного выбора автора, основанного на его собственных толкованиях событий и восприятия личностей. При анализе текста исторического романа лишь некоторые реальные исторические ИС подвергаются авторскому переосмыслению. Жанр исторического романа требует от писателя использования онимов, которые способствуют связи в нем времени и пространства. Языковая картина мира писателя исторического романа складывается в том числе благодаря онимам. Читатель может составить собственное мнение о предпочтениях, интересах, образовании писателя, а также о традициях использования имен собственных в тот или иной период жизни общества, о влиянии общественно

исторических условий развития на состав и функционирование собственных именований.

К характерным особенностям идиостиля писателя, относится использование ряда парадигм слов. Это: а) устаревшие слова, которые употребляются в речи персонажей и в тексте автора; б) иноязычные слова, заимствования из финно-угорских и тюркских языков; в) религиозная лексика; г) собственные имена: диалектные формы антропонимов, отражающие оканье; реальные топонимы, эргонимы; мирские имена, в том числе антропонимы, в основе которых лежит славянский тип от названия животных; этноантропонимы, этнотопонимы; д) паремии с ИС – агионимами, антропонимами и топонимами.

В произведениях писателя функционируют антропонимы разной структуры – однокомпонентные и многокомпонентные именования, или одноименные, двуименные, трехименные формулы: 1) **одноименная формула** именования для служителей религиозных культов (монахов, архиереев и др.), также многих мещан и крестьян, часто такое имя сопровождается указанием на профессию, род занятий; 2) **двуименная формула** именования, состоящая из а) личного христианского имени и второго компонента в форме притяжательного прилагательного от прозвищного имени отца или прозвища самого именуемого; б) личного мирского имени и именования по отцу от христианского личного имени; в) обоих таких компонентов, восходящих к именам христианским; г) обоих таких же компонентов именования, восходящих к мирским именам; д) персонима, христианского или (реже) мирского, и “полуотчества” со словом “сын”; е) личного имени и отчества, образованного при помощи суффикса *-ич*; 3) **трехименная формула**, которая имела две разновидности: а) личное имя + “полуотчество”, которое по своей морфологической структуре совпадало с фамилией и имело дополнительное слово “сын”, + фамилия или фамильное прозвание; б) личное имя + отчество с суффиксами *-ич*, *-ыч*, *-ович*, *-евич*, *-овна* + фамилия или фамильное прозвание.

Изучение текстов писателя позволяет утверждать, что ИС занимает одно из ведущих мест в заголовках исторических произведений. Среди интегральных,

когерентных черт, выражающих авторскую концепцию, значительное место отведено художественной и содержательной нагруженности заголовка – онима. Имена главных персонажей в заглавиях произведений «Кузьма Минин», «Минин и Пожарский», «Питирим», «Иван Грозный» выступают знаками государства, эпохи, культуры и идеологии. Библионимы романов В.И. Костылева представляют собой словесный комплекс, значение которого проецируется на содержание всех текстовых уровней его частей, на его общую идею, эстетическое значение заголовков связано со смысловой глубиной произведений писателя. Библионимы сочетают в себе две сильные позиции в тексте: и как библионимы, и как ИС, тем самым имеют высокую степень энциклопедичности. Они связаны с категориями проспекции и ретроспекции, аккумулируют в себе содержательную, художественную, историческую, этнокультурную информативность, направленность произведения.

Ономастикон романов В.И. Костылева (как в целом, так и в отдельных своих элементах) ассоциативен, причем его ассоциативность, ассоциативное значение заключается в оживлении или создании у читателя соответствующих фрагментов фоновых знаний, в сопряжении имени собственного с информацией национального, исторического, политического характера. Исторические ассоциации, связанные с именем собственным, обладают большой силой воздействия на отдельного человека, поколение, весь народ.

В историческом произведении невозможно обойтись без средств точной номинации географических объектов, локализации событий. Таким средством в онимическом пространстве являются топонимы. Они находятся в основе представления природных условий, географического положения местности, особых исторических обстоятельств, а также в основе поэтического описания В.И. Костылевым поволжских мест.

ГЛАВА III. ОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ В. И. КОСТЫЛЕВА

3.1. Антропонимическое пространство исторических романов

В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим» и «Жрецы»

Современные антропонимические системы сложились в результате многовековой эволюции и воздействия различных исторических, языковых, этнографических, религиозных факторов. Исторические романы В.И. Костылева дают хороший иллюстративный материал эволюции русских антропонимов.

При всей индивидуальности творчества В.И. Костылев следовал в написании романов реально существовавшим антропонимическим системам. «Кажущаяся свобода именования персонажей находится в жестких оковах узуса, традиций, общелингвистических и чисто ономастических закономерностей» [Зинин 1979: 329].

Интерес к историческим истокам антропонима проявляли представители самых разных научных дисциплин – лингвистики, истории, географии, краеведения, этнографии, теологии, психологии, культурологии, юриспруденции, литературоведения. Известный исследователь славянской антропонимии священник, историк М.Я. Морошкин, отмечал, что «личные имена имеют важность и значение не только как материал языка, но и как памятник народных воззрений, понятий и представлений народных, и в них нередко отражается характер и дух народа лучше всех и других исторических памятников; в этом случае имена служат сокращенной историей внутреннего народного быта и духа» [Морошкин 1867: 6]. Именно поэтому ономастика вообще и антропонимия в частности дают интересную и надежную информацию для наук различных гуманитарных профилей. Она является важным источником исследования лексического богатства языка.

В.Н. Михайлов, говоря об антропонимах, используемых писателем в осуществлении своего авторского замысла, уточнял, что антропонимы занимают особое место среди речевых средств, формирующих образную систему произведения. Задача исследователя творческого процесса писателя – проследить, как «зародилось» имя, «эмбрион» образа персонажа, какие и по каким причинам

это имя претерпело изменения, какую роль сыграло в произведении. ИС, являясь индивидуализирующими знаками-различителями, способны проявить (волею писателя) внутреннюю форму, активизировать экспрессивные свойства, обусловленные языковой системой и традициями их употребления в обществе определенной эпохи [см.: Михайлов 1976: 67-75].

В.Г. Белинский, говоря о работе писателя над историческим романом, писал, что «поэт читает хроники, историю, поверяет, соображает, сдружается с избранною эпохою, с избранными лицами; изучение для него необходимо, <...> поэт ищет историческое лицо. <...> Ему нужны только некоторые мгновения из жизни героя, <...> некоторые черты эпохи; он вправе делать пропуски, неважные анахронизмы, вправе нарушать фактическую верность истории» [Белинский 1953: 132].

Специфика поэтических антропонимов, в отличие от обычных, состоит в том, что они несут дополнительную стилистическую нагрузку, служат характеристикой персонажа.

Антропонимы являются одними из ключевых единиц текстов романов В.И. Костылева, участвуя в создании художественной языковой картины мира: «Этот факт, несомненно, объясняется количественным преобладанием и функциональным превалированием антропонимии в художественном тексте, что, в свою очередь, находит объяснение в принципиальной антропоцентричности художественного текста. <...> Изучение литературной антропонимии – это магистральное направление в современной литературной ономастике» [Фомин 2004: 116].

Антропонимы исторических романов В.И. Костылева воспроизводят уникальное национально-культурное пространство. Функционирование личных имен, фамилий и прозвищ в исторических произведениях писателя отражает особенности исторического развития русского народа и народностей Поволжья.

Анализ онимического пространства исторических романов В.И. Костылева целесообразно провести в такой последовательности: «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы». Это связано с тем, что романы отражают онимическое пространство XVII и XVIII веков в истории Российского государства и эволюцию именований в нем в эти периоды.

3. 1. 1. Антропонимы в романе В.И. Костылева «Кузьма Минин»

Становление трехкомпонентного именованного русского человека в XVI – XVII веках – личное имя, патроним, фамилия, нашло отражение в романе «Кузьма Минин», действие которого происходит в начале XVII века в период Семибоярства, Смуты и польской интервенции. Трехкомпонентное именование определяло человека как представителя знати, что давало ему имущественные права, возможность участия в управлении государством. Оно послужило основой антропонимических именованных на территории России и в дальнейшем (вплоть до XX века), было характерно для дворянства и крайне редко встречалось у крестьян, посадских людей, казаков. Трехкомпонентные именованные в романе в основном являются реальными историческими антропонимами: *Филарет Никитич Романов* – митрополит, *Василий Петрович Морозов* – боярин, *Федор Иванович (Иваныч) Мстиславский* – князь, *Михайла (Михаил) Глебович (Глебыч) Салтыков* – боярин, *Владимир Тимофеевич Долгорукий* – князь и др. Один раз автор вводит трехкомпонентное именование для персонажа незнатного происхождения: ямской старосты *Николай Трифонович Семин* (другие варианты именованного персонажа – *Никола Семин, Николай Трифонов*), что подтверждает, с одной стороны, социальный характер именованных, с другой стороны, – неустойчивость антропонимической модели описываемого периода истории.

Хотя реальных сподвижников К. Минина автор не называет, но именованные исторических лиц функционируют на страницах романа, в частности, два из них связывают воедино астионимы *Москва* и *Нижний Новгород*: нижегородские гонимцы *Роман Пахомов* и *Родион Мосеев*. В описании Смутного времени историк Г.П. Георгиевский приводит цитату из письма патриарха Гермогена в Нижний Новгород: «А прислати ко мне <...> людей Родиона Мосеева да Ратмана Пахомова» [Георгиевский 1903: 362]. В.И. Костылев вводит персонаж одного из сподвижников К. Минина, так же, как и А.Н. Островский, под личным именем *Роман*, заменив историческое имя *Ратман*. Личное имя *Роман* – не «красивое христианское», а воспринятое через тюркскую среду арабское *рахман*

(сокращенное от ѡабдаррахман – «раб Милостивого», т.е. Бога, Абдаррахман) с поправкой на старое московское «оканье» [см.: Шумовский 2004: 24].

В романах функционируют, так сказать, “наполовину” реалионимы, с введением в именованное реальное лицо дополнительного компонента персонима, – *Ирина Салтыкова*; сконструированные именованные реальные лица, не названных в исторических документах, – *Марфа Борисовна Янгальчева*. Действительно, эти две женщины существовали, но история их имен не сохранила. *Михайла Глебыч Салтыков*, один из главных персонажей романа, историческое лицо, имел дочь, но в исторических источниках ее имя не сохранилось [см.: Русский...1904: 87]. В.И. Костылев дает ей имя *Ирина* и описывает ее трагичную судьбу в романе. Личным именем *Ирина* называли боярских дочерей, например, так именовали русскую царицу – Ирина Фёдоровна Годунова. Поэтому выбор имени автором вполне логичен. В писцовой и переписной книге XVII века по Нижнему Новгороду это имя встречается для людей незнатного происхождения, но в других вариантах – *Орина, Ориница*. Автор описывает связь Ирины Салтыковой с помощником кремлевского коменданта паном *Пекарским*. В Очерках по истории Смутного времени информации о нем крайне мало, что позволило автору домыслить связь *Ирины* с ним. В.И. Костылев вводит именование пана по аналогии с другими польскими фамилиями реальных исторических личностей, добавляя при этом слово *пан*, которое указывает на польское происхождение фамилии: пан *Доморацкий*, полковник *Мозырский*, гетман *Жолкевский*, пан *Гонсевский*, пан *Лисовский*. «В Польше фамилии с соответствующим окончанием (-ski, -cki, -dzki) воспринимались как шляхетские» [Успенский 1994: 186].

Персонаж *Марфа* основан на упоминании вдовы в «Истории государства Российского» С.М. Соловьева: «Начался сбор; пришла одна вдова и сказала: "Осталась я после мужа бездетна и есть у меня 12 000 рублей, 10 000 отдаю в сбор, а 2 000 оставляю себе"» [Соловьев 1851-1879: гл. 8,1024]. А.Н. Островский дает имя этой вдове в своей пьесе о Кузьме Минине: *Марфа Борисовна*. В переписи по Нижегородской губернии XVII века личное имя *Марфа* встречается в вариантах *вдова Марфа*, чаще *вдова Марфица*. Костылев вводит и фамилию

вдовы – Янгалычева: «Сама она была происхождения не знатного: дочь простого служилого человека, подъячего Аникеева, убитого под Балахной польским разъездом. После него осталась семья, которую и приютил у себя аникеевский богатый вотчинник, князь Янгалычев. Увлекишись красотой Марфы, престарелый боярин женился на ней» [Костылев 2012: 165]. Енгалычевы – русский княжеский род, который происходил от выходца из Золотой орды, князя Мамы, внук которого, Янгалыч (Енгалыч) Бедышевич, был назначен в 1580 г. князем кадомской мордвы. Потомки его в конце XVII века перешли в православие [см.: Брокгауз 1894: 633]. Именования *Ирина Салтыкова* и *Марфа Борисовна Янгалычева* соответствуют русскому имянаречению и органично вписываются в ткань исторического повествования, а оставшиеся в истории без имен женщины приобрели вполне конкретные черты и характер благодаря авторскому вымыслу.

Именование вымышленного персонажа *Наталья (Наташа) Буянова* построено по двухкомпонентной формуле так же, как и именование *Ирина Салтыкова*. По сюжету романа она подруга *Ирины Салтыковой* и дочь нижегородского стрелецкого сотника *Буянова*. Фамилия *Буянов* происходит от прозвища – *Буян* “бугай, племенной бык” [Морошкин 1867: 31]. Ср.: от *буй* (+*ян*), “родовая тропа, граница родовой земли” [Мужские имена эрзян: электр.рес.]. Автор не случайно выбирает именование *Буянов*. В словаре В. Даля ‘буйный’ – сокращ. «буй, смелый, храбрый, дерзкий <...> Буен в бою, храбр и сокрушитель» [Даль 1995: т.1,138]: «*Кузьма уже раскинул несколько громадных приказных шатров и поставил около них нижегородские знамена и крепкую стрелецкую стражу под начальством Буянова*» [Костылев 2012: 366].

В именовании исторических прототипов персонажей *Ждана Болтина* и *Томилы Луговского* – *Ждан (Корнилий) Петрович Болтин* и *Томило (Флор) Юдич Луговской* мы наблюдаем широко известный в XVI – XVII веках обычай именовать одно и то же лицо двумя именами: христианским *Корнилий*, *Флор* и народным, мирским *Ждан*, *Томило*. Автор оставляет онимическую формулу: неканоническое имя и фамильное прозвание. Кроме того, исторически за этими деятелями эпохи Смуты закрепились двучленные именования *Ждан Болтини*

Томила Луговской. Ср.: «Луговской, *Флоръ Іудичъ*, по прозванію *Томила* [Русский... 1908: 712]. Болтины, дворянскій родъ, <...>*Жданъ (Корнилій) Петровичъ* <...> въ 1611 г., въ посольствѣ къ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому *Жданъ Болтинъ* упомянутъ отдѣльно какъ «дворянинъ добрый» [Русский ...1914: 204]. Ср.: «*Болтина* – человека доброго и умного – выбрали послом по его же совету» [Костылев 2012: 198].

Основа фамилии *Болтин* не ясна. Можно предполагать происхождение от славянского имени *Болта* “болтун”, “бесплодное яйцо птицы” [Баженова 2006: 54]. Род Болтиных происходит от мурзы Кутлу-буга из Большой Орды, перешедшего в XIV веке на русскую службу. Фамилия *Болтин*, возможно, произошла от прозвища *Болта*, тюркского личного имени, бытовавшего среди русских. Вероятной основой прозвища, по мнению Н.А. Баскакова, может быть тюркское слово *balta* “топор” [см.: Баскаков 1979: 154]. Болтины имели поместья в Нижегородском крае, в том числе и известное пушкинское Болдино [Веселовский 1974: 45]. Личное имя *Ждан* произошло от др.-рус. ‘ждать’ «кого ждали, на кого надеялись» [Суперанская 2005: 187]. Именование *Ждан Болтин* образовано писателем по аналогии с именованиями *Кручина Волков*, *Первушка Карпов*, *Томило Луговской*. Личное имя *Кручина* является славянским неканоническим именем от соответствующего апеллятива со значением “печальный” [Баженова 2006: 234]. Ср.: др.-рус. *кручина* – “печаль, горе, немилость, гнев” [Кюршунова 2010: 277]. Личное имя *Первушка* возникло на ономастическом уровне от личного имени *Первуша (Первый)* и отражало порядок появления ребенка в семье [Кюршунова 2010: 416]. *Томило* – др.-рус. *томить* “мучить, изнурять” [Суперанская 2005: 316]. Использование В.И. Костылевым неканонических личных имен наряду с уже большим числом канонических в именовании персонажей показывает все еще неустойчивую антропонимическую систему в описываемый в романе период Смуты.

Функционируют в тексте романа и однокомпонентные, однословные, антропонимы. Так, один из главных персонажей романа «Кузьма Минин» – кремлевский приживальщик скоморох *Халдей*. Русское неканоническое личное

имя *Халдей* [Морошкин 1867: 199], вероятно, произошло от нарицательного имени: 1) представитель семитского племени жившего в первой половине I в. до н. э.; 2) ряженный шут и скоморох [Глинкина 2008: 335]; «плут, проходимец» [Фасмер 1996: 217]; 3) от апеллятива *халдей* в значении “персонаж пещного действия, актер” [Кюршунова 2010: 565]. Автор намеренно выбирает это личное имя, соответствующее занятию персонажа. По ходу развития сюжета именование, которое воспринимается как личное имя, оказывается прозвищем, поскольку В.И. Костылев вводит именование *Константин* для этого персонажа: «*Халдей, теперь «Константин», выглядел рослым, добродушным деревенским парнем <...> Он сбросил с себя скомороший наряд*» [Костылев 2012: 110]. Введение автором именования *Халдей* в начале романа связано с тем, что персонаж, выполняя роль шута, халдея, был соглядатаем *Кузьмы Минина* в стане польского врага.

В романе «Кузьма Минин» используется и однокомпонентное именование юродивого – *Микитка*, который был одним из представителей разряда святых подвижников, ведущих аскетический образ жизни, обладающим мудростью, выражавшейся во внешнем безумии: «*Микитка юродивый сказывал – убьют тебя в первый Спас*» [Костылев 2012: 174].

В романе употребляются русские личные имена, «тяготеющие к прозвищам» [Зинин 1967: 102]. К ним относятся *Ошалда* и *Обрезка*. *Ошалда* – личное имя или прозвище. Возможно, произошло от имени нарицательного – *ошара* “воришка, шатун, оборванец”, более вероятно от *Шаньтя* – шанта, шандра “конская мятя” [Баженова 2006:505]. *Обрезок* – от имени нарицательного *обрезок* [там же: 320].

Вероятно, описание нападения на Д. Пожарского в романе В.И. Костылева «Кузьма Минин», так же, как и в других исторических описаниях этого события, основываются на тексте Летописи о многих мятежах и о разорении Московского государства: «И послаша изъ подѣ Москвы двухъ челоувѣкъ козаковъ Обреска да Стеньку <...> къ Шалдѣ съ товарищи, да Рязанцу Сенкѣ Ждалову <...> Стенька козакъ <...> и хотѣлъ ударить ножомъ по брюху Князь Дмитрія» [Летопись о ...

1771: 262]. Из ниже приведенной таблицы можно предположить, что писатель, изучив тексты именитых историков, выбирает свой авторский вариант именования персонажей, при этом сохраняет живую атмосферу времени.

«Креста нет на вашем князе!.. Сам он – губитель, изменник! Заруцкий наш батько, все открыл нам... все ваши злохищные замыслы! – Тебя как звать-то? – Обрезка... – А тебя? – Стенька... Степан... С стрельцом вашим Ошалдой мы под Москвой спознались... В ляпуновском войске. – Знаю... Говорил он. Пришли-то вы не вовремя: у Кузьмы князь. – Ничего. Подождем, когда вернется. В тишине слышалось беспокойное, затрудненное дыхание казаков. Сенька Жвалов спросил: – А что дадите? – Заруцкий тебя господином сделает. Землю и денег даст» [Костылев 2012: 311].	«Открылся казацкий заговор на жизнь Пожарского. Приехали в Ярославль двое казаков – Обреска и Степан, у них уже были здесь соумышленники – Иван Доводчиков Смолянинин, смоленские стрельцы – Шанда с пятью товарищами, да Рязанец Семен Хвалов» [Соловьев 1851-1879: Книга 2. Т.8. Гл.8, 1024]. «Заруцкий же, видя, что Пожарский с ним не в согласии, умыслил злодейским коварством оному доброму намерению помешать, а свое исполнить, выбрал двух человек козаков, Обрезка да Стеньку, <...> и 5-ю смоленскими стрельцами, Ошалде с товарищи и резанцу Семену Жданову, обещав им великое награждение, ежели войско возмутят или Пожарского умертвят» [Татищев 1966: 360].
--	--

В приведенных текстах встречается именование исторического персонажа, донского атамана *Ивана Мартыныча Заруцкого*: «Заруцкий был ребенком, татары захватили его в плен. В Орде он вырос, стал лихим наездником и ускакал к донцам, к казакам» [Костылев 2012: 154]. Ср.: «уроженец Западной Руси <...> родился в городе Тарнополе, мальчиком попал в неволю к крымским татарам, а оттуда бежал на Дон, где стал казаковать» [Русский ... 1916: 249]. Поскольку город Тарнополь (с 1944 г. Тернополь) находится на территории западной

Украины, фамилия Заруцкий, возможно, украинского происхождения. Патроним *Мартыныч* от личного имени Мартин также указывает на украинское происхождение атамана: Мартин – распространенное украинское имя [Скрипник 2005: 75]. Ср.: Мартын – церковное Мартин [Суперанская 2005: 234].

Одному из персонажей автор дал имя *Яичное Ухо*: «*Не отстали от прочих и нижегородские ратники. Яичное Ухо – запевалой*» [Костылев 2012: 282]. Здесь прослеживается связь с таким богатым источником личных имен, как Писцовая и переписная книга XVII века по Нижнему Новгороду, где зафиксировано именование *Яичная Уха*: «дворъ посадцкого человѣка Максимка Оеонасьева Яичной ухи» [Писцовая...: 1896: 90]. Ср.: «Яичная Уха Михаил, бортник, 1612 г., Нижний Новгород» [Веселовский 1974: 380]. *Ухо* – прозвищное личное имя, мотивированное названием по части тела [Баженова 2006: 473]. Получается, что употребленное в романе имя *Яичное Ухо* создано писателем как контаминат на базе двух единиц, приведенных в указанных ономастических источниках: *Яичное Ухо* – *Яичная Уха* и *Ухо*, при этом, видимо, изменилась и мотивация имени.

Именования, которые использовал в своих произведениях В.И. Костылев, раскрывают богатство русского народного языка, показывают наблюдательность, широту фантазии и сметливость русского человека, его доброту и общительность, порой грубоватую простоту и язвительность, когда дело касается недостатков или нравственных пороков.

3. 1. 2. Антропонимы в романах В.И. Костылева «Питирим», «Жрецы»

Романы В.И. Костылева «Питирим», «Жрецы» являются частями незаконченной трилогии «Человек и боги» и соединены персонажами: *Софрон*, *Рыхловский*, *Сыч*, *Степанида* и др., жизнь которых изображена писателем в эпоху Петра I и Елизаветы I.

Наиболее важным для изучения характера, становления общерусской системы именования является XVII век. Именно в этот период складывался основной русский антропонимический тип. Поэтому так важно исследование именований литературных персонажей романов В.И. Костылева «Питирим», «Жрецы» которые выступают средством отражения истории русского именословия, подтвержденного историческими фактами.

Антропонимические поля романов В.И. Костылева «Питирим», «Жрецы» отличает наличие большого количества антропонимов, личных имен раскольников, поскольку автор описывает период борьбы государственной власти с патриархальными устоями старой России, которую ведет нижегородский епископ Питирим.

Принятое в православии однокомпонентное именование религиозного деятеля отражено и в именовании главных идеологических противников Питирима, среди которых раскольники *диакон Александр*, *Авраамий*, *Варсонофий*, *Герасим* и *Иосиф*. В произведении В.И. Костылев достоверно описывает, каким образом Питирим вынуждает их подписать «Доношение», в котором они отказывались от своих взглядов, выраженных в «Диаконовских ответах» и просили о присоединении их к православной Церкви. *Диаконовские ответы* были составлены основателем диаконовского согласия старообрядцем-поповцем, диаконом *Александром* (1674/75 – 1720 гг.), который являлся главой керженских раскольников, «упрямым блюстителем "древле-церковного благочестия"» [Костылев 1993 б: 33] в описываемое время. Происходя из посадских нерехтских людей, он до 27 лет служил дьяконом, затем усомнился в истинности обрядов и вероучения православной Церкви и ушел в старообрядческие скиты на реке

Керженец. Диакон Александр является главным, активным идеологом раскола в произведении, и по частоте употребления именование *Александр* выходит на первое место среди именовании старцев-раскольников: *Александр* – 72 раза, *диакон Александр* – 98 раз, *старец Александр* – 5 раз. В истории не сохранилось ни его первого канонического имени, ни фамилии, ни отчества. Сохранилось лишь монашеское имя, которое «было вторым каноническим именем, которое получал человек при постриге в монахи. Оно заменяло его прежнее мирское имя» [Данилевский 1998: 260].

Помощник и первый советчик *диакона Александра* – *старец Варсонофий*. Именование *Варсонофий* встречается в романе 151 раз, *старец Варсонофий* – 7 раз, *отец Варсонофий* – 1 раз. *Варсонофий* впоследствии фактически предал диакона Александра, подав Питириму прошение о принятии его в православную Церковь: «Многие недолго любили Варсонофия, а Александр в нем души не чаял». «Маленький, юркий, с раскосыми глазами, *старец Варсонофий*» [Костылев 1993 б, 10]. Другому старцу, также впоследствии «обратившемуся от раскола» [Есипов 1861: 610], Авраамии, прозванному раскольниками "лесным патриархом" [кавычки В.И. Костылева – Е.М.] повезло меньше, чем Варсонофию. «Патриархом своим раскольники называли расстриженного попа Авраамия Иванова, который в 1719 году был наказан в Нижнем и с вырванными ноздрями отправлен был вместе с другими замерзлыми раскольниками в Петербург на каторгу. Но дорогой к Москве Авраам с четырьмя товарищами подкупил караульных солдат тридцатью семью рублями и ушел; потом опять был пойман» [Соловьев 1851-1879: Книга 4, 253].

Значимость старца *Авраамия* среди раскольников подчеркивается автором частотностью его именовании: *Авраамий* – 47 раз, «*патриарх*» или «*лесной патриарх*» – 61 раз, *отец Авраамий* – 11 раз. Что касается других «товарищей» [кавычки по Г.В. Есипову – Е.М.] *диакона Александра*: *диакона Герасима* и схимника *Иосифа*, то их именовании встречаются в произведении соответственно 35 раз и 3 раза. «Схимническое имя давалось монаху при “третьем крещении”

(принятии большой схимы) вместо его монашеского имени» [Данилевский 1998: 260].

Имена монахов в романах В.И. Костылева могли совпадать с крестильными именами (редко), но могли не совпадать. По православной традиции, при пострижении в монахи (монахини) мирянин менял свое личное имя и фамилию на имя святого как начало новой, посвященной Богу, жизни. Например, в текстах романов – старец *Варнава*, старец *Артемий*, старица *Анфиса*, мать *Ненила*, монахиня *Надежда* (в миру *Елизавета*). Священнослужители не меняли свои имена, сохраняя свои крестильные имена. Монахи, став священниками, могли оставить свое монашеское имя. Пример этому – архиепископ *Питирим* (*Петр Потемкин*). При именовании православных священнослужителей писатель использует однокомпонентные и двухкомпонентные конструкции. Структура именования включает либо духовное звание + однокомпонентный антропоним: *отец Паусий*, *архиерей Варлаам*, *епископ Анфиноген*, *игумен Феодорит*, *архиепископ Амвросий*, *отец Кондратий*, *поп Патрикий*, *иеродиакон Гурий*, *поп Кирилл*, *отец Никанор*, *поп Воскресенский*, либо духовное звание + двухкомпонентный антропоним *дьяк Иван Спиридонов*, *дьяк Дмитрий Протасьев*, *поп Иван Андреев*, *подьячий Иван Санинский*, *дьяк Самуил Облезлов*.

Петр I боролся не только с расколоучителями, но и с юродивыми. «Петр всех юродивых его времени объявил «притворно беснующимися» [Панченко 1999: 407]. Примечательно и то, что «как только в XVII веке динамизм стал овладевать умами, как только началась переориентация Руси – на Запад, новизну, перемены, – юродивый перестал быть одиночкой, он превратился в человека партии, примкнув, конечно, к консервативному течению. Это произошло при патриархе Никоне. Ни один мало-мальски заметный и активный юродивый не принял его церковной реформы. Все они объединились вокруг протопопа Аввакума и его сподвижников» [Панченко 1999: 398-399]. Юродивый, протестуя, выполнял обязанности одновременно и обличителя, и общественного заступника. В романе такую роль выполняет юродивый *Василий Пчелка*: «*Василий Пчелка, закованный в ручные и ножные кандалы, шагал бодро, распевая стихиры об*

Аввакуме» [Костылев 1993 б: 214]. Юродивый намеренно осмеливается говорить правду Питириму: *«Епископ взял за руку Василия, но тот в ужасе отскочил: – Прочь, лицемер! Любовь твоя известна... Отравить меня хочешь. Поди, не забыл ты, старче, как грабят на больших дорогах... От меня-то не утаишься... И сердце твое я знаю. Не щадило оно ни женщин, ни детей... Злохитренный предатель, седьмиглавый змий! Проклинал царя, смерти ему желал, а ныне в слуги к нему утек? Но подожди! Гроза собирается над вами»* [там же: 75]. Мы можем предположить, что *Василий Пчелка* не настоящее имя юродивого, хотя в истории он известен именно под этим именем. Именование *Пчела*, производным от которого является прозвище *Пчелка*, относится к историческим родокоренным именам – прозваниям славян и русов [см.: Баженова 2006: 371].

В.И. Костылев вводит в произведение, вероятно, данное при крещении имя *Василия Пчелки – Степан Микулин*: *«Лицо Питирима выразило удивление. – Степан? – Ой, вспомнил! Ой, да, да! В польских дубовых рощах бродяжили вместе!.. Вместе у пана Холецкого в шайке были... Ой, ой, ой! Вспомнил! Вместе спасались от царевых солдат»* [Костылев 1993 б: 74]. «Как в монашестве человек через обеты и постриг, а главное, через мироотречный образ жизни реально, еще до своей физической смерти, умирает для мира сего и его утех и при этом для свидетельства этой смерти меняет свое имя, так бывает и у Христа ради юродивых» [Моленко: электр. рес].

Юродивый *Василий Пчелка*, по описанию автора, не мог не вызвать недовольства и последующей расправы с ним со стороны властей: *«однажды залез на колокольню, и давай бить в набат»; «после этого от губернатора вышло самое строгое распоряжение – во что бы то ни стало изловить Василия Пчелку», «у Ивана Михайловича дух захватило от такой пчелкиной распродерзости»* [Костылев 1993 б: 137, 138, 140]. Так же, как и в романе, «юродивый старообрядец Василий Пчелка был арестован в 1739 году, бежал, затем снова был схвачен. Последнее упоминание о юродивом-старообрядце за описываемый период относится к 1739 году – это был «притворный юродец и записной раскольник», бегавший по Ямской слободе и ускользнувший от

преследования» [Лавров 2000: 261]. Прозвище *Пчелка*, с одной стороны, имеет в своей основе уменьшительный суффикс -к, подчеркивающий, что его носитель – не большой важности человек, с другой стороны, в нем через ассоциацию с апеллятивом *пчелка* – *пчела* просвечивает значение «острый на язык человек». Действительно, в произведении персонаж с именованием *Василий Пчелка* открыто критикует власть сильных: «Однако же и ты, Питирим, принужден будешь умереть. Все величество твое не избавит тебя от смерти <...>. Почто ты в заточении и кандалах истязаете честнейшего из старцев – христолюбца Александра?», при этом ведет себя как настоящий юродивый: «Пчелка запрыгал на бочонке и, потрясая лохмотьями, провозгласил: <...> – Хвалите имя пропоицыно, аллилуия!..» [Костылев 1993 б: 74, 69].

Двухкомпонентное именование юродивого часто встречается в русской истории, например, *Василий Блаженный*.

В продолжении романа «Питирим» – «Жрецы» – В.И. Костылев вводит персонаж под именем *Ванька Каин*, который на очень короткое время входит в ватагу атамана Зари. Знаменитый вор *Иван Осипов*, который именовал себя в документах: «Иван Осипов сын Каинов», «Иван Осипов Каинов» [Акельев 2012: 99,41], называет себя в романе московским мещанином. Двухкомпонентное именование *Ванька Каин* состоит из трансформированного личного канонического имени и прозвища. Автор произведения, описывая события периода восстания мордвы, подтвердил прозвище персонажа – *Каин*, которое ассоциируется с именем библейского первоубийцы: «Вернувшись из Чертова Городища, Ванька Каин, озлобленный на Михаила Зарю и его товарищей и видя в них "врагов отечества", прямо заявился на квартиру к князю Крапоткину, первоприсутствующему в Сыскном приказе, и объявил ему, что он, Ванька, хотя и вор, но может большую пользу принести начальству, зная других воров и разбойников не только в Москве, но и в иных краях, например, в Нижегородской губернии, и предлагает свою готовность помогать приказу ловить их всюду без пощады» [Костылев 1993 в: 194].

Если главный персонаж романов «Питирим», «Жрецы» *Питирим* – историческое лицо, реально существовавшее и его именование совпадает с именованием реального прототипа, то именование персонажа *обер-ландрихтера Стефана Абрамыча Нестерова* относится к одному из видов авторского преобразования имени – «полуреальное» имя [см.: Фонякова 1990: 42]. Фамилия *Нестеров* взята от реально существовавшего в описываемый период «Степана Афанасьевича Нестерова, впоследствии обер-ландрихтера, полковника, начальника Ландрацкой канцелярии в 1719-1721 гг.» [Род Нестеровых ...: электр. рес.]. В этом же документе упоминается и «его жена Параскева Яковлевна, которую так боялись в Нижнем Новгороде» [там же: электр. рес.]. Отчество, которое употребил автор романа – *Абрамыч* – нигде в исторических справках о роде Нестеровых не встречается. В.И. Костылев применил реальную фамилию для именования персонажа, изменив имя и отчество, сквозь которые четко просвечивает исторический прототип. Ср.: *Стефан Абрамыч Нестеров* – *Степан Афанасьевич Нестеров*.

В романе упоминается петербургский обер-фискал Алексей Нестеров, как брат Степана (Стефана) Нестерова: *«под боком Степка Нестеров, брат петербургского обер-фискала. Фискальным делом его брат Алексей, как моровой язвой, сумел отравить все губернии»* [Костылев 1993 б: 94]. Действительно, такой человек существовал и был влиятельным чиновником, доверенным лицом Петра I: *«Воитель правды, кичившийся своею непогрешимостью, начальник всех фискалов Алексей Нестеров»* [там же: 157]. В действительности они не были братьями. Обер-фискал Алексей Яковлевич Нестеров был дядей Степана Афанасьевича Нестерова. Небольшая неточность не мешает увидеть достоверную картину эпохи, созданную автором. Фамилия Нестеров становится почти нарицательной в романе, олицетворяя тяжелый для простого народа гнет царской власти: *«Всех озлобили нестеровские фискалы»*; *«Чего ни коснись, – везде Нестеров!»* [там же: 157, 96].

Персонаж *Софрон* имеет исторический прототип – атаман *Михаил Заря* (в некоторых источниках *Зоря*). О нем мало информации, и это позволило автору,

взяв за основу двухкомпонентное именование *Михаил Заря*, домыслить возможную судьбу одного из главных персонажей романа. В.И. Костылев в начале романа «Питирим» употребляет несколько вариантов именования этого персонажа: *Пономарев сын Софрон Андреевич; Софрон, сын Андреев, Пономарев; Пономарев сын Софрон; Пономарев сын; Софрон Андреев, Пономарев сын*. Из фразы «*имя ему Софрон, сын пономаря*» можно предположить, что его отец Андрей служил пономарем.

В «Жрецах» у Нижнего Новгорода появляется ватага *Софрона*, который уже именует себя *Михаил Заря*: «*атаман гулящей ватаги – Михаил Заря, некогда величали его Иваном Воином, ныне – Заря*» [Костылев 1993 в: 6]. Именование *Иван Воин* персонаж получил по сюжету в конце романа «Питирим». Возможно, автор символически употребил древнеславянское личное имя *Воин*, подчеркнув тем самым справедливый, освободительный характер борьбы угнетенного народа с властью: «– *Вот он, – показал Чесалов перстом на Софрона, – наш атаман. И будет его имя отныне Иван Воин. Иван – потому, что он наш, мужицкий, а не немецкий и не дворянский, а Воин – потому, что он не разбойник, а защитник, и мы не воры, а воины... ратоборцы за правду*» [Костылев 1993 б: 147]. Однако М.Я. Морошкин в Славянском именослове дает другое объяснение двухкомпонентного именования *Иоанн Воин*: «Многие из христианских имен при себе имеют особенные предикаты, выражающие особенные, отличительные признаки святого, его особенные свойства и действия или даже его звание; так, например св. Иоанн Креститель называется постником, известный мученик Иоанн воином – по своему званию, отсюда происходило то, что тот, кому было дано имя Иоанна Крестителя или Иоанна воина, оставлял собственное имя этих святых, усваивал себе только предикаты, которые соединены были с именами этих святых» [Морошкин 1867: 97]. И это пояснение вполне допустимо, учитывая тот факт, что писатель использует исторический факт создания епископом *Питиримом* греко-латинской школы, где в начале романа «Питирим» *Софрон* был учеником.

По сюжету романа «Жрецы», приняв новое имя, *Михаил Заря* возвращается в Нижегородское Поволжье в самый разгар терюшевского восстания мордвы и сразу встает на сторону обездоленных и бесправных. Видимо, чтобы появиться незамеченным в Нижнем Новгороде, он некоторое время называет себя *Михаил Артамонов*: «С солеварен. Михаил, сын Артамонов я. – Один или не один? – Триста душ бурлаков у меня. Ответив на вопросы Рыхловского, гость пристально, в упор, стал его рассматривать, чем и привел его в немалое смущение: "Бельмы весьма знакомые! Похож на одного человека! Ой, господи! До чего же напоминающий Софрона!"» [Костылев 1993 в: 36].

В период между событиями двух романов, «Питирим» и «Жрецы», *Софрон-Воин* «бурей-богатырем слыл... Во всех астраханских воеводствах прославился» [Костылев 1993 в: 8]. Автор меняет именование персонажа *Софрон* в романе «Питирим» на *Михаил Заря* в романе «Жрецы». Если в первой книге именование *Софрон* употребляется 356 раз, то во второй книге оно употребляется всего 14 раз. Новое именование персонажа *Заря* употребляется во второй книге 117 раз, в том числе *Заря* – 33 раза, *Михаил Заря* – 59 раз, *атаман Заря* 25 раз. Двухкомпонентное именование персонажа состоит из личного канонического имени и прозвища – *Михаил Заря*. Известно, что прозвище – это индивидуальное наименование, которое давалось не при рождении и связано было с теми или иными характерными особенностями или событиями. В данном случае можно предположить, что именование персонажа имеет в основе прозвищное именование по аналогии с древнерусским личным простым именем *Заря* [Морошкин 1867: 23], которое давалось по времени суток.

К поэтическим антропонимам в романах «Питирим» и «Жрецы» В.И. Костылева, не имеющим в основе историческое лицо, относится именование персонажа *Сыч*, который стал другом и соратником атамана *Михаила Зари*. Их дружба начинается в первой книге и крепнет во второй. Сам *Сыч* о себе говорит так: «– Имя мое птичье – разбойнички окрестили меня Сычом... Безродный я. Остальное все известно в канцеляриях нижегородского и астраханского губернаторов... Дьяки мою жизнь описали не хуже, чем житие Николая

Угодника... А сам я все позабыл» [Костылев 1993 в: 55]. Имя персонажа *Сыч* встречается в «Питириме» 67 раз, сочетание *цыган Сыч* – 24 раза. Автор 73 раза называет персонажа *цыган*. Иное соотношение наименования этого персонажа в «Жрецах» – 167 раз, из них сочетание *цыган Сыч* – 26 раз, *Сыч* – 131 раз, *цыган* – 7 раз. Из этого можно сделать вывод, что в «Жрецах» роль и значимость персонажа возрастает.

Изменение онима в романах «Питирим» и «Жрецы» можно проследить и на примере именования другого персонажа – кузнеца *Фильки Рыхлого*.

Личное имя *Филька*, *Филя* – сокращенный вариант личного имени *Филип*, церковный вариант которого *Филипп* [Суперанская 2005: 50]. Каноническое имя *Филипп* появилось в русском языке с принятием христианства на Руси. В произведении сохранен церковный вариант написания имени: «– *Будь спокоен, Филипп*» [Костылев 1993 б: 23]. Прозвище *Рыхлый* в произведении символично. В словаре В.И. Даля *рыхлый (рухлый)* поясняется как “слабый, хилый человек” [Даль 2002: т. 2, 195]. В тексте романа мы находим этому подтверждение: «*маленький, щупленький Филька, готовый лопнуть от натуги, крикнул неестественным басом*» [Костылев 1993 б: 18].

Модель двухкомпонентного именования (личное имя + индивидуальное прозвище) персонажа *Филька Рыхлый* была характерна для начала XVII века. Она свидетельствует, что «в XVII веке на Руси еще не было единого официального именования. Использовались различные компоненты, которые могли дать достаточно четкую характеристику личности» [Суперанская 2008: 15].

«По тогдашнему обыкновению, большая часть имен вносилась в списки в уменьшительной форме; Митька, Олешка, Стенька...» [Соколов 1891: 3]. «Но дворян и священников писцы прописывали правильным, прямым именем. В челобитных на имя царя уменьшительная форма имени считалась необходимой и для служивого человека, и для простолюдина» [там же: 4].

В тексте произведения «Питирим» именование *Филька* употребляется 453 раза; *Филипп* – 34 раза: в начале произведения с уважительной окраской в разговоре с товарищами и во второй части произведения, когда кузнец переходит

в более высокий социальный статус государевых слуг. Затем в именовании персонажа появляется отчество, которое меняется трижды. Сначала – *Филипп Павлов сын*, что соответствует записям в документах того времени. Н.М. Тупиков отмечает, что «руководящим принципом для выделения отчеств можно бы считать присутствие слова «сын» [Тупиков 1903: 21]. Затем в именовании появляется разговорный вариант отчества – *Филипп Павлыч*. И окончательно формируется имя полупромышленника, полудворянина [см.: Костылев 1993 в: 24] – *Филипп Павлович Рыхловский*: «Но все-таки Филька первый. Так и в магистрате было занесено: "Первой овчарности заводчик Филипп сын Павлов Рыхлый (Рыхловский)"» [Костылев 1993 б: 354]. При этом форму фамилии *Рыхловский* Филька изменяет сам и фиксирует ее в официальных списках, в соответствии со своим положением в нижегородском обществе. Формант *-ский / -ской* отмечается в княжеских фамилиях, но встречается и в старинных не княжеских фамилиях [см.: Суперанская 2008: 85-86]. Традиция пожалования права величаться полным отчеством была характерна и для эпохи Петра I, который в 1697 году специальным указом разрешил князю Долгорукому писаться с *-вичем*, а в 1700 году наделил такой же милостью именитого купца Григория Строганова [см.: Зинин 1994: 192]. Этот приказ регламентировал именование людей в официальных документах в качестве обязательных требований и устанавливал запись по имени, данному при крещении, отчеству и фамилии. «Основные реформы Петра I привели <...> к значительному росту «третьего сословия» – буржуазии, купечества и ремесленного люда» [Ларин 2005: 347]. Появление трехкомпонентного имени персонажа – *Филипп Павлович Рыхловский* логически завершает роман, напоминая нам о реформах Петра I.

Характерный персонаж романа «Питирим» – человек с *серьгой*, осведомитель тайной канцелярии Петра I, появляется среди раскольников в начале романа. Автор по-разному именует человека с *серьгой*: *беглый холоп, с серьгой в ухе, замухрышка с серьгой, "серьга"* [кавычки автора – Е.М.]. Хотя именование *человек с серьгой* встречается всего 22 раза в тексте, а именование *с серьгой* 5 раз, персонаж играет важную роль на протяжении всего повествования:

«Рыжий, коренастый, напористый. Он больше всех шумел в скиту после прочтения письма Денисовым. С Дона человек – озорной» [Костылев 1993 б: 16].

Будучи тайным осведомителем, человек с серьгой придумывает себе имя, когда старец Авраамий замечает его напористое поведение среди раскольников:

«– Богданом зовут, а Богдашкой прозывают. Не zdeшний я. Из-под Астрахани, из Разгуляй-города» [там же: 188].

Не случайно выбирает человек с серьгой имя Богдан. На Руси его давали человеку без прошлого, найденышам – Бог дал

[Кульбицкая 2009: 17]. Ватаге Софрона человек с серьгой представляется

Зубовым, продолжая работу осведомителя: *«Софрон пытливо посмотрел в лицо Зубову. Не нравилось оно ему. Особенно эти зеленые бегающие глаза. Когда пристал, был молчаливый, тихий, а теперь больше всех говорит, а главное, как*

заметил Софрон, много секретничает по кустам с ватажниками» [Костылев 1993 б: 238-239]. Автор вводит для этого персонажа эпизодическое именование

Зубов, которое встречается 9 раз в романе на примерно двух десятках страниц, в

обрисовке ситуации его проникновения в ватагу Софрона. Именование Григорий

Никифоров для человека с серьгой автор вводит 3 раза. Это имя придумали уже

товарищи Софрона для связи с Елизаветой, невестой Софрона: *«Сошлись в полгоре над Окою под Благовещенским монастырем: Софрон, Демид и Григорий*

Никифоров (человек с серьгой)», «Лежит бумага у меня. Чудак какой-то занес, с серьгой в ухе. Григорием Никифоровым зовут. За ответом он придет» [там же:

297, 263]. Лишь к середине романа выясняется, что человек с серьгой – это

доверенное лицо Питирима: *«Благословил епископ и этого фискаля и одарил пятью рублями. Не успела "серьга" исчезнуть, как в келью ввалился дьяк Иван»*

[там же: 203]. Автор еще более углубляет интригу человека с серьгой на примере его диалога с Петром I: *«Скрипнула дверь – и в кабинет царя вошел Макаров, а с ним человек с серьгой, одетый в придворный мундир и в парике. Петр*

встрепенулся. – Ну вот, теперь послушаем тебя, Семеныч, – сказал он ласково, барабанил пальцами по столу. – Изволь докладывать, откинув свирепство и злобу, о диаконе Александре.

И, немного подумав, спросил: – Может ли, диакон, взятый нами в плен, переступить линию окаянства, темноты, непокорства и иных раскольничьих воровских прелестей и стать к нам на службу... утвердиться в новой вере и повести за собою своих единоверцев?

Человек с серьгой отрицательно покачал головой.

– Нет. Диакона считают замерзлым недругом твоего величества и православной церкви...» [там же: 314]. Подлинное имя человека с серьгой так и осталось неизвестным в произведении. Автор лишь предположил, что, так же, как и личный кабинет-секретарь Макаров Алексей Васильевич, человек с серьгой был в особом доверии императора, на что указывает и обращение Петра I к нему только по отчеству – *Семёныч*.

Факт полиименности в романе этого персонажа, перемены его имен в зависимости от ситуации и времени действия красноречиво свидетельствует о его статусе осведомителя, фискала, предателя, о его способности к мимикрии для достижения поставленной перед ним цели.

Как и в любом художественном произведении, онимическое пространство исторических романов В.И. Костылева «Питирим» и «Жрецы», входящих в книгу «Человек и боги», «выступает подсистемой общей образной системы художественного произведения, с одной стороны, а с другой – отражает специфику авторского творчества, жанровых и стилевых различий, соотносённость содержания художественного произведения с эпохой изображения и временем создания произведения и т. д.» [Зинин: электр. рес].

3.2. Топонимическое пространство исторических романов В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим» и «Жрецы»

Текст исторического художественного произведения воспроизводит разнообразные отношения человека в описываемую эпоху. В каждом ИС можно увидеть авторский взгляд на происходящее. Одним из приемов создания образа исторической эпохи является введение в текст художественного произведения топонимов. Сложность изучения топонимии исторического произведения в значительной степени определяется соотнесением авторского вымысла и исторической реальности. «Подобно другим собственным именам, географические названия относятся к тем особым словам, которые остаются непонятными до тех пор, пока не будет сделано уточнение, к какому объекту они относятся» [Суперанская 1984: 4]. Это можно проследить и в тексте художественного произведения, однако «содержащаяся в имени историческая информация сохраняется лишь в той мере, в какой это нужно писателю» [Карпенко 1986: 39].

Топонимическое пространство любого народа характеризуется культурной непрерывностью, то есть особой связью имен, созданных людьми разных культур и стран. Ученые, занимающиеся топонимикой сегодня, выявляют его топонимические закономерности и «на их основании могут судить не только о том, что видимо невооруженным глазом, но и о незримом или давно исчезнувшем» [Успенский 1969: 172].

Топонимика является сегодня междисциплинарной областью, сформированной на стыке истории, географии и лингвистики. А.В. Суперанская отмечает, что «только лингвисты могут и должны анализировать все типы географических названий в их связи друг с другом, с прочими собственными именами и со всей системой языка, в котором они создаются и употребляются» [Суперанская 1984: 6].

Изучением топонимических единиц занимались ученые XIX – XX вв.: Н.А. Баскаков, В.Д. Бондалетов, М.В. Горбаневский, М.Я. Морошкин, Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, А.В. Суперанская, В.Н. Топоров, Н.М. Тупиков,

Б.А. Успенский и мн. др. Топонимией Нижегородской области занимались и занимаются такие ученые как, Л.А. Климкова, Н.В. Морохин, В.А. Никонов, Н.Д. Русинов, Л.Л. Трубе и другие.

В целом сегодня топонимика достаточно хорошо разработана учеными-топонимистами, но есть не до конца решенные вопросы и направления. Это относится и к изучению топонимов в художественном тексте.

В науке предлагается следующая классификация топонимов, функционирующих в художественном тексте:

1) вымышленные, то есть созданные творческим воображением автора; как правило, создание таких топонимов происходит в соответствии с уже имеющимися в языке моделями;

2) реальные;

3) единицы, занимающие промежуточное положение; они представляют собой воспроизведение реальных топонимов в той или иной степени измененном виде [см.: Никольский 2007: 3].

Романы В.И. Костылева исторические (в них описаны события, относящиеся к XVII – XVIII векам), поэтому для нас важно мнение А.А. Реформатского о топонимике, который рассматривал ее как часть изучения наследия народа: «Топонимические названия, созданные древнейшим населением данных мест, обычно сохраняются в веках. <...> Разгадка нарицательного и первоначального смысла топонимических названий дает историку замечательный ключ к пониманию реальной судьбы народов, их перемещений и периодов владения теми или иными территориями» [Реформатский 2004: 70, 71].

В художественных произведениях исторического характера, как правило, используются реальные топонимы. Они употребляются и В.И. Костылевым в романах «Кузьма Минин», «Питирим» и «Жрецы»: реальные топонимы без изменений – *Владимир, Волга, Нижний Новгород, Керженец* и их варианты, либо трансформированные языковой средой и временем реальные топонимы, такие, как *Макарьево – Макарьев, Пафнутьево – Пафнутово*, которые имеют также

реальный характер. Выбор таких топонимов обусловлен стремлением писателя воссоздать колорит пространства и времени.

Топонимы художественного текста могут выражать топографическую, или географическую, особенность описываемой местности [см.: Борек 1972: 96, 97]. Реальные топонимы романов В.Н. Костылева можно разделить на: 1) физико-географические названия, а именно – а) названия, отражающие характерные особенности местности, – *Печеры* (пещеры); б) названия, отражающие рельеф местности, – *Великий Враг* (овраг); в) названия, отражающие характер почвы, влажность, – *село Безводное*; г) названия, обозначающие водоемы и атмосферные явления, – *река Нерехта*: «гидроним образован от древней основы *нер-/нар-* “река, вода” и более позднего финно-уг. форманта *-ехта*, предположительно также означающего “река”» [Поспелов 1998: 287]; д) вторичные топографические названия, определяющие положение данного объекта по отношению к другому объекту, – *Нижний Новгород, Понизовье, Позаволжье, Замоскворечье, Белоозерск* (рядом с Белым озером); 2) названия, связанные с растительным миром, – *Березняки, Черная Рамень*; 3) названия, образованные от апеллятивных обозначений животных, – *Дятловы горы*; 4) названия, связанные с деятельностью человека, которые встречаются реже топографических: а) названия, связанные с материальной культурой, – *деревня Починки, село Оранки* (от орать “пахать”, “распаханный участок в лесу” [Морохин 1997: 146]); б) названия, связанные с общественной и духовной жизнью человека, – *деревня Монастырка, Стрелецкая слобода, село Богомоллово*.

Поскольку события романов происходят в основном на территории Окско-Волжско-Сурского междуречья, где в течение веков происходила смена народностей, то многие топонимы содержат элементы языков этих народностей. В этом плане нам интересна классификация топонимов романов В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим» и «Жрецы» по лингвистической составляющей [см.: Жучкевич 1968: 87], по которой выделяются следующие типы топонимов: 1) русские – *село Царское, село Антоново* («Жрецы»), *село Работки* («Питирим»), *Приморье, село Нагорное* («Кузьма Минин»); 2) русские измененные и

переосмысленные за время длительного использования – *Пафнутьево* – *Пафнутово* («Питирим»); 3) происходящие из других языков, преобразованные в соответствии с нормами русского языка, например, значительное количество топонимов романа «Жрецы» произошло из языков народностей Нижегородского края (финно-угорских, тюркских) – село *Сарлеи*, река *Кудьма*, *Арзамас* и др.; 4) синкретичные, образованные по русским моделям от иноязычных основ – село *Бурцево* от основы финно-уг. (марийского и мордовского) мужского языческого имени *Барцай* [Морохин 1997: 68] и русского форманта *-ево*.

Большое место занимают в романе *урбанонимы* – ИС «любого внутригородского топографического объекта» [Подольская 1988: 139]. Некоторые исторические урбанонимы романов В.И. Костылева уже не существуют на карте. В тексте романа «Кузьма Минин» писатель употребляет урбанонимы Москвы для создания подлинной атмосферы времени: *Замоскворечье*, *Зарядье* (район Москвы за торговыми рядами), *Китай-город*, *Деревянный город* (или *Скородом*), почти полное уничтожение которого пожаром, описывается в романе, *Белый город* (каменные постройки), *Труба*.

Что касается урбанонима *Труба*, то здесь необходимо дать пояснение. В романе он употребляется как реальное место, топонимическое обозначение, на которое опирается автор при описании исторических событий. Он связан с рекой Неглинной, которая протекала через стену Белого города в Москве. Ср.: *труба* "проток, ручей, река в ущелье, русло реки, каньон, узкая долина без террас и поймы" [Мурзаев 1984: 560]; *речная труба* "меженное русло"; *река в трубе* "в берегах", "в межени" [Даль 1995: т. 4, 435].

Именование *Труба* стало основой названий городских объектов Москвы: Трубная площадь, Трубная улица.

В романе В.И. Костылева «Кузьма Минин»	В других источниках
«Загудел набат колоколов Сретенского и Рождественского, что на Трубе, монастырей» [Костылев 2012: 104].	«Всею ратью решили устроить советные съезды на Трубе, почти на середине между таборами и Нижегородским станом» [Забелин 1883: 113].
	«Речка Неглинная до своего заточения под землей протекала сквозь отверстие в стене у привратной башни Белого города. Эту дыру сначала и называли Трубой» [Ефремов 2006: 297].
«Лучше образовать, наподобие ярославских, приказы да хорошо бы поставить их в срединном месте между нижегородским и казацким ополчениями, ну хотя бы по речке Неглинной, на Трубе. Не успел Трубецкой дать ответа, как на Трубном предгорье Кузьма уже раскинул несколько громадных приказных шатров» [Костылев 2012: 366].	Название <i>Трубной площади</i> связано с трубой – водостоком в стене Белого города, через который протекала река Неглинная. В 1817 г. реку заключили в подземный коллектор (его также называли трубой), после чего образовалось единое пространство площади, получившей название Трубная (неофициальное название – Труба) [см.: Улицы Москвы 2003: 298].

Урбаноним *Кремль* занимает одну из центральных позиций в событиях, описанных в романе «Кузьма Минин» – 115 употреблений.

М.В. Горбаневский и Г.П. Смолицкая выделяют две гипотезы, объясняющие происхождение топонима *Кремль*: одна связана с греческим словом *кремнос*, в значении «крутизна, крутая гора над берегом или оврагом», другая соотносит это наименование с древнерусским нарицательным словом *кремль* и его производным *кремник* в значении «крепость внутри города», «деревянное рубленое укрепление». Вторая интерпретация есть у В.И. Даля и М. Фасмера [см.: Смолицкая, Горбаневский ... 1982: 91].

В архитектурный ансамбль русского *Кремля* входят башни и ворота, что и отражено в произведениях В.И. Костылева: *Кремлевские, Москворецкие, Тверские, Пречистенские (Чертольские), Дмитровские, Фроловские (Спасские) ворота* («Кузьма Минин»); *Ивановская Башня* («Питирим», «Жрецы», «Кузьма Минин»); *Ивановские ворота* («Питирим», «Жрецы», «Кузьма Минин»); *Покровские ворота* («Кузьма Минин»).

В романах «Питирим» и «Кузьма Минин» номинанта *кремль* функционирует по-разному. В «Кузьме Минине» этот урбаноним Москвы пишется с прописной буквы, чем подчеркивается значимость объекта как государственного. В «Кузьме Минине» и «Питириме» *кремль* Нижнего Новгорода пишется со строчной буквы. Автор несколько раз использует эту номинанту как троп: «*Кремль, вопреки обыкновению, молчал, темный, зубчатый*» [Костылев 1993 б: 126]. Один раз автор употребляет топоним с прописной буквы, как имя собственное, подчеркивая значимость объекта, как место власти: «*горячили сердце его двести сорок вопросов, которые привез в Кремль диакон Александр*» [там же: 44]. Нижегородский кремль служил «защитой населению всей округи<...>. Со времени основания Нижнего Новгорода дерево-земляной, овальный в плане кремль-детинец опоясывал вершину одной из Дятловых гор» [Филатов 1994: 8].

В романах встречаются и другие урбанонимы Нижнего Новгорода. *Печеры* – восточная приволжская окраина Нижнего Новгорода. *Печеры – пещора – пещера* – урбаноним связан со словом *печь* [Мурзаев 1984: 435]. Ср.: *пещоры* – “сплошной ряд запутанных утесов по берегу Волги, монастырь и деревня под Нижним, под скалою” [Даль 1995: т. 3, 108]. Употребление урбанонима *Никольская земля* показывает, в частности, тщательную работу писателя с историческими документами. Так, соответствующий фрагмент текста «Писцовой и переписной книги XVII века по Нижнему Новгороду» вставлен почти без изменений в диалог дьяка Юдина с К. Мининым: «– Мало! Ну, да ладно. Кузницы нам годятся. Здесь мы свое возьмем. – Да на церковной на Никольской земле шесть лавок да семь шалашей, да место лавочное тут, а с них платят оброку никольскому попу. –

Попу? – удивленно переспросил Минин» [Костылев 2012: 162]. Ср.: «всего на Николской земле семь лавокъ да восемь шелашей, а оброку платить Николскому попу всего дватцать шесть рублей» [Писцовая ... 1896: 220]. *Ямская окраина* располагалась за границей 'градской земли', где находились «нетяглые ямские дворы» [Филатов 1994: 100].

В текстах романов автор употребляет характерные именно для Нижнего Новгорода *годонимы* (вид урбанонимов – названия линейных объектов в городе, улиц, линий, переулков, проездов, набережных [Подольская 1988: 52]), отражающие расположение города на крутом берегу Волги: съезды – *Крымский, Коровий, Ивановский* («Питирим», «Кузьма Минин»), *Похвалинский скат* («Питирим»), *Ямской взвоз* 'въезд, подъем от реки, перевоза' [Даль 1975: т.1, 193] («Кузьма Минин»).

Часть годонимов Нижнего Новгорода связана с названиями храмов и церквей [см.: Филатов 1994: 77-101]: *Похвалинский скат* (съезд), набережная *Рождественская* («Питирим»); улицы – *Рождественская, Старая Никольская, Покровская, Большая Печерская* («Питирим»), *Большая Покровская, Ильинская* («Кузьма Минин»). Другие годонимы связаны с сословными признаками: *Стрелецкая, Панская, Дворянская* («Питирим»).

Употребление автором *агоронимов*, вид урбанонимов – названия городских площадей и рынков [см.: Подольская 1988: 27], указывает на тот факт, что в описываемый период времени площади являлись центром городской жизни, где люди собирались по важным поводам: «Через Дмитровские ворота арестованных повели по кремлевскому съезду к Ивановской башне и заперли в каземате, где некогда сидел раскольничий вождь – диакон Александр, казненный на Благовещенской площади перед кремлем» [Костылев 1993 в: 147]. Другие агоронимы Нижнего Новгорода: *Ямская* («Жрецы»), *Благовещенская* («Питирим», «Жрецы»); *Ивановская, Ивановская соборная площадь* («Кузьма Минин»); *Нижний и Верхний базары (Нижний Посад)* («Питирим»); агороним *Конная площадь* («Питирим») соотносится с местом торговли лошадьми.

Небольшое количество годонимов и агоронимов в романах связано с Москвой: *улица Неглинная* («Жрецы»), *Москворецкая* («Жрецы»), *Пожар площадь* (название *Красная площадь* появилось с XVIII века) («Кузьма Минин») и Петербургом: *Адмиралтейская площадь* («Жрецы»).

Также в романах В.И. Костылева используются следующие разряды топонимов:

агроонимы – названия «земельного возделанного участка, пашни, поля» [Подольская 1988: 27]. *Девичье поле*: «На Девичьем поле произошло первое столкновение нижегородцев с поляками» [Костылев 2012: 351], местность в юго-западной части Москвы [Брокгауз 1905: 716], *Макарьинская пустошь*: «Наши ямщики без дела ходят... Вино пьют... А в ямских полях, что поперек московской дороги, да в ихней же Макарьинской и трава не скошена... А где и скошена — не слава богу! Лежит без призора. Мокнет. Муромский остров, что против самого города, хоша на самом виду на Волге, а захирел. Для того ли царь Грозный отдал его Духовскому монастырю?! Раньше были там и капуста, и огурцы, и пашни, и сенные покосы, а ныне?!» [Костылев 2012: 164]. Пустошь – ‘незаселенная земля’ от др.-рус. слова *пусть* ‘пустой, незанятый, свободный’ [Суперанская 2007: 77]. Упоминание автором Муромского острова подсказывает местоположение *Макарьинской пустоши*: «Затон Муромский. Расположен на левом берегу р. Волги ниже устья Оки, верстах в двух; ближайший населенный пункт к затону с. Бор. Затон этот отделен от коренной Волги Муромским островом» [Неуструев 1914: электр. рес.];

дримонимы – собственные имена «любого лесного участка, леса, бора, рощи, части леса» [Подольская 1978: 56]: *Керженские леса*, *Унженские леса* [Костылев 2012: 270] – по названию рек Керженец и Унжа; *Чернораменское полесье* [Костылев 1993 б: 123], *чернораменские леса* – от дримонима *Черная Рамень* [там же: 133] "лиственные леса с примесью ели – черное лесье" [Фасмер, Трубе, Мурзаев]; *лес Слуда*: «в лесу, называемом Слудой» [Костылев 1993 б: 363]; *Слуда* – прибрежная лесистая местность вдоль Оки в черте Нижнего Новгорода, известная под этим названием с начала XVII века. Микропоним происходит от

нарицательного имени *слуда*: "*слуда* – высокий, бугристый, поросший лесом берег большой реки" [Трубе 1962: электр. рес.]. Ср.: др.-рус. *слудъва*, *слуда* – "скала", "утес" [Мурзаев 1984: 355]; *леса Стародубья* – именование местности на правом берегу Оки в Нижегородской области, название указывает на то, что здесь некогда были дубовые вековые леса [см.: Трубе 1962: электр. рес.]; употребляя дримоним *Стародубье*, В.И. Костылев описывал некогда непроходимые, дремучие леса Нижегородской губернии, где легко можно было скрыться: «*Афанасий Фирсович, как и многие другие, был убежден в том, что царевич Алексей Петрович жив, скрываясь где-то в лесах Стародубья, и что он явится, рано ли поздно ли, в Россию и свергнет своего отца*» [Костылев 1993 б: 181]; дримоним *Чертово Городище* в романе «Жрецы» означает лесной массив: «*Чертово Городище – лесная трущоба на правом берегу Волги ниже Васильсурска, у Хмелевских островов. Место дикое, защищенное*» [Костылев 1993 в: 120] и одновременно место обитания, урочище ватажников: «*В Чертовом Городище буйным вихрем мечутся песни*» [Костылев 1993 в: 229]; *Марьино роца* [Костылев 1993 в: 123] (по названию деревни Марьино в окрестностях Москвы); *Сокольничья роца* – этот дримоним В.И. Костылев употребляет в романе «Кузьма Минин», однако в романе «Жрецы» он заменяет его на *Немецкие станы*, точно отражая появление нового топонима: «В Сокольниках, на Немецких станах, особенно шумно праздновался день 1 мая городскими жителями. Обычай здесь праздновать первый день весны шел со времен Петра Великого. Сокольничья роца была частью Лосиног погонного острова, где издревле русские государи любили потешаться звериною и соколиною охотой. В народе это гулянье слывет под именем «немецкого стана или немецких столов» [Пыляев 189: 102];

дромонимы – собственные имена «любого пути сообщения: наземного, водного, подземного, воздушного» [Подольская 1988: 57]: *Арзамасская, Печерская, Владимирская, Семеновская, Большая Муромская дороги* («Питирим», «Жрецы»); *Кунавинский, Везломский перевозы* (по названию *Везломской слободки* и впадающей в Волгу реки *Везломы*, жители которой и содержали этот перевоз), *Ковалихинский, Ивановский мост, Лыков мост*, («Питирим»), *Муромский выезд*,

Крымский брод, Овчинникова гать («Кузьма Минин»). Употребление автором дромонимов подтверждает, в частности, тот факт, что сухопутные грунтовые дороги (наряду с речными) являлись неотъемлемой частью народной жизни, как правило, связывали большие населенные пункты, служили ориентирами. Их названия не были зафиксированы на картах и функционировали лишь в речи;

ойконимы – ИС «любого поселения» [Подольская 1988: 89]. В романах В.И. Костылева функционируют исторические названия поселений, именования которых сохранились в современной топонимии, но применительно к другим объектам. К ним относятся: *слободы (слободки) Никольско-Боровская, Кунавинская, Стрелецкая, Дворянская («Питирим») Ямская, Почаинская, Оброчная, Гончарная, Рогожская, Василева (ныне Чкаловск), Благовещенская (купецкая) («Питирим»), («Кузьма Минин»);*

комонимы – «вид ойконима, собственное имя любого сельского поселения» [Подольская 1988: 66]: *село Успенское, село Сарлеи, село Дальнее Константиново, село Антоново, деревня Малое Сескино, село Исады, Великий Враг, деревня Монастырка, Печерские выселки, Девичьи Горы («Жрецы»); деревня Сельские Мазы, деревня Заболотное, Заречное, Богомолово, Безводное, деревня Копосово, Юркино, Гордеевка («Питирим»); деревня Тихие Сосны, село Яковцево, село Решма, село Нагорное, село Погост, Мугреево, Ландех, село Мурашкино, село Лысково, село Княгинино, Шахманово, Красные Холмы («Кузьма Минин»);*

лимнонимы – вид гидронимов, «собственное имя любого озера, пруда» [Подольская 1988:68]: *Черный пруд* (сейчас на его месте небольшая площадь в Нижнем Новгороде). «Пруд имел мутную грязную воду, отчего и получил название *Черный* (в старину также назывался *Поганым*)» [Трубе 1962: электр. рес.]. Хотя Л.Л. Трубе объединяет *Черный* и *Поганый* пруды как один пруд, имеющий в разные периоды истории различные именованья, в романе «Питирим» В.И. Костылева это разные пруды, о чем свидетельствует и Переписная книга XVII века по Нижнему Новгороду, которая указывает на два разных пруда: *Поганый* и *Черный (Чорный)*. «Топонимический эпитет *Поганый*» связан «со

значением апеллятива *поганый* «нехристианский», устар., а также – «мерзкий, отвратительный, скверный» и является «своеобразным синонимом к *черный*» [Климкова 2008 а: 62]. Другой лимноним – *пруд Сарка* – в названной Переписной книге не упоминается. Н.Ф. Филатов считает, что пруд получил название «по месту заключения ордынского посла Сарайки» [Филатов 1994: 26]. Д.З. Хайретдинов подвергает сомнению эту версию происхождения названия. Он считает, что поскольку местность расположена у основной каменной башни кремля, построенной во времена суверенитета княжества, то можно предположить, что название пруда связано скорее с эпитетом «сарский» – «царский» [Хайретдинов: электр. рес]. Стремясь к реализму и достоверности, В.И. Костылев включил лимнонимы Нижнего Новгорода *пруды Черный, Поганый, Сарка* в текст романа. Другие лимнонимы, встречающиеся в тексте, это – *Белое озеро* («Кузьма Минин»), *Плещеево озеро*, *озеро Светлояр* («Питирим»). Озеро *Светлояр* известно по легенде о "невидимом граде Китеже", опустившемся на дно озера во время нападения орд Батыя. Название озера означает «светлые и глубокие (яр) воды», также «восходит к гидронимии не славянских, а финноязычных народов, у которых озеро обозначается близким по звучанию словом. Ср.: финское *jarvi*, эстонское *jarv*, мордовское *эрьке* или *эрьке*, марийское *ер*» [Басилов 1970, цитата по: Трубе 2000: 73]. В.И. Костылев употребляет название озера *Светлояр* в романе «Питирим» как метафору, связанную с темой раскольниковства;

потамонимы – вид гидронимов, «собственное имя любой реки» [Подольская 1988: 108]: *Почайна, Которосль, Унжа, Москва-река, Яуза, Неглинная, Днепр* («Кузьма Минин»), *Кудьма, Иловля, Дон* («Жрецы»), *Кеза, Выг, Черета, Ковалиха, Керженец, Ветлуга, Уста, Линда, Сура* («Питирим»). Большое количество потамонимов в романах В.И. Костылева обусловлено тем, что в описываемые автором исторические периоды жизнь людей была тесно связана с реками, представляющими наиболее удобные пути сообщения. По названиям рек в романах можно увидеть, что «из всех топонимических образований наиболее

устойчивыми оказались речные имена» [Мурзаев 1995: 32]. Они все сохранились практически без изменений;

хоронимы – собственные имена «любой территории, области, района, в том числе административный, городской, природный» [Подольская 1978: 160]. В романах В.И. Костылева к ним относятся: уезды – *Суздальский*, *Курмышский* («Кузьма Минин»), *Нижегородский* («Жрецы»), *Балахнинский* («Питирим»), волости – *Дрюковская*, *Мурашкинская*, *Лысковская*, *Шахмановская*, *Княгининская* («Кузьма Минин»), *Понизовье*, *Приуралье* («Жрецы»), *Приморье*, *Немеция*, *Московия*, *Сечь*, *Пошехонье* («Кузьма Минин»), *Стародубье* («Питирим»).

Представлены в романах *оронимы* – СИ «любого элемента рельефа земной поверхности» [Подольская 1988: 99-100]: *Дятловы горы* («Питирим», «Жрецы», «Кузьма Минин») – правобережье Оки в черте Нижнего Новгорода. Ономатологами предложены две версии происхождения этого названия: 1) множество дятлов, обитавших в этой местности, «конечно, всего вероятнее догадка, приписывающая происхождение этого названия от множества дятлов, водившихся в темных лесах, некогда покрывавших нагорный окский берег, признаки которых видны и до сих пор в тянущемся далеко вдоль реки по кручам правого ее берега перелеске, называемом Слудую» [Гациский 1875: 7]; 2) по имени мордвина-чародея Дятла, жившего на этих горах вместе с двумя другими мордвинами, его товарищами, Скворцом и Соловьем; по преданию, здесь существовало мордовское поселение [см.: Трубе 1962: электр. рес]. Изложение легенды можно прочесть у П.И. Мельникова-Печерского, Н.Ф. Филатова, А.С. Гациского, В.Н. Морохина.

Ороним *Дятловы горы* упоминается в выписке из книги Большому чертежу 1627 г.: «А ниже Балахны 20 верст, под Нижним Новым городом пала в Волгу река Ока у Дятловых гор» [Нижний Новгород ... 1961: 323]; *Ильинская гора* – одна из гряд Дятловых гор в Нижнем Новгороде, названа так по Ильинской церкви («Кузьма Минин»); *Похвалинская гора*, *Похвалинский бугор* – по названию церкви Похвалы Богородицы («Жрецы»); *Кунавинская сосновая гривка* («Кузьма Минин»): «Уже доносятся звуки колокольного звона издали, с Дятловых гор, на

которых широко раскинулся преименитый Нижний Нове-град. Уже видна в ясном воздухе Кунавинская сосновая гривка. А вот и устье Оки, а на горе над Благовещенской слободой – родной бревенчатый домик» (Костылев 2012: 118). «В конце XVI столетия, строитель нижегородского духового монастыря Порфирий основал близ Кунавина еще слободку на земле, пожалованной монастырю Борисом Годуновым. Слободку монастырскую называли Гривкой» [Храмцовский 1865: 4,5]. У А.С. Гациского читаем: «Старое Кунавино лежало <...> ниже <...> и только с течением времени подвигалось <...>, слившись с другой, существовавшей здесь, слободой *Гривкой*, в XVI столетии» [Гацицкий 1875: 103], у В.И. Даля находим другое толкование: грива “хребет”, “гребень”, “гряда” [Даль 1995: т.1, 395], у Э.М. Мурзаева: «гребешок – высокий край окского берега в Горьком» (Нижний Новгород – Е.М.) [Мурзаев 1984: 157]; ср.: лесная поросль, как березовая грива «за рекою за Волгою за Муромскою воложкою порозжее пустое место, грива, лесная поросль» [Писцовая ...1896: 313].

Топоним *Шебинихинский куст* («Кузьма Минин») можно отнести к урбанонимам, поскольку расположен он был в черте города, и к дримонимам, поскольку слово *куст* в данном контексте могло означать ‘заросли, небольшую группу деревьев’. В Писцовой и переписной книге XVII века по Нижнему Новгороду зафиксировано название *Шебинихинский куст*: «поперегъ в широкомъ месте пониже того жъ бугра, что противъ Шебинихинского куста, до Ковалихи дватцать же пять поперешниковъ <...> пустошь Шебениха в Шебинихинскомъ кусту» [Писцовая и ... 1896: 285, 289]. В романе «Кузьма Минин», так же, как и в писцовой книге, этот фитоним выполняет функцию ориентира: «С давних пор Алябьев жаловался земскому сходу на то, что за оврагом у Печер, близ Шебинихинского куста, развалился острог, дождями смыло насыпь» [Костылев 2012: 159]. *Куст* имеет значение «небольшая роща» [Мурзаев 1984: 322]. Компонент топонима *Шебинихинский* (*Шебинихинский*), вероятно, произошел от «прозвища Шебениха <...>. Возможна смысловая связь с глаголом *щебенить*, *щеблить* “болтать”. Прозвище означало болтающего без умолку. Фамилия

Щебенихин связана с глаголом щеплить – “щепать”, переносно – “тараторить, болтать”» [Никонов 1993: 182].

Автор употребляет оронимы *Три горы, Боровицкий холм, Трубное предгорье* («Кузьма Минин») в их исторических вариантах, которые впоследствии стали основой современных топонимов: *Трехгорье, Боровицкая площадь. Три горы* – холмистая местность к западу от Садового кольца, на левом, возвышенном берегу Москвы-реки; *Боровицкий холм* (место части Кремля и Красной площади). В период Смуты холм был выше и круче. Постепенно произошло его выравнивание. *Трубное предгорье* – название, которое сегодня не встречается. Это место находилось на реке Неглинной в Москве рядом с Белым городом.

Таким образом, топонимы в романах В.И. Костылева, а именно: урбанонимы, годонимы, агоронимы, агроонимы, дримонимы, дромонимы, ойконимы, комонимы, лимнонимы, потамонимы, хоронимы, оронимы, являясь поэтонимами в широком смысле слова, служат для установления пространственных и временных ориентиров художественной картины мира, придают черты узнаваемости описываемых событий, то есть в целом выполняют роль хронотопа.

3. 2. 1. Топонимы в романе В.И. Костылева «Кузьма Минин»

События исторического романа В.И. Костылева «Кузьма Минин» разворачиваются на широком и разнообразном географическом фоне и охватывают территории современных Московской и Нижегородской областей. В романе сюжетная линия основывается на реальных топонимах, которые появляются в романе по мере развития событий. В центре топонимического пространства романа «Кузьма Минин» находятся хоронимы *Русь, Россия*, астионимы *Москва и Нижний Новгород*.

В.И. Костылев употребляет несколько вариантов названий территории, где происходят описываемые события: *Русь, Россия, Русская земля, государство Российское, мать-Россия, матушка-Русь, царство Русское, Российское царствие, Московия, Московское государство*. Названия *Россия, царство Русское* в романах

употреблены в современной орфографии, а именно с удвоенной буквой *с*. Однако эти названия в документах допетровских времен пишутся с одной буквой *с*. В словаре В.Даля 1882 года издания читаем: «Встарь писали *Правда Руская*; только Польша прозвала нас *Россіей, россиіанами, россійскими* по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою и пишем *русскій!*» [Даль 1995: т.4, 114]. На украинском и белорусском языках Россия пишется с одной *с* – *Росія, Расія*.

О.Н. Трубачев говорит об очевидном заимствованном, в основном западном, характере названия *Россия*. Что касается атрибута *российский*, исследователь называет его искусственным, который зарекомендовал себя «претензиями на высокое, "царское" словоупотребление». В дальнейшем «явная избыточность атрибута *российский* благоприятно сказалась на его карьере» [Трубачев 2005: 231]. По его мнению, при всей искусственности терминов *Россия, российский* наши далекие предшественники восприняли их как символ нашей европейской интеграции [см.: там же: 233]. В современной грамматике атрибуты *российский* и *русский* равны семантически и функционально.

В период Смуты в XVI – XVII вв. в документах «государствами» назывались те области, которые когда-то были самостоятельными политическими единицами и затем вошли в состав Московского государства. Тогда существовали «Новгородское государство», «Казанское государство», а «Московское государство» часто означало собственно Москву с ее уездом» [Платонов 1993: 281]. Это отражено и в романе, когда К. Минин обратился к жителям Нижнего Новгорода со словами: «*Захотим помочь Московскому государству, так не пожалеть нам имения своего! Не жалеть ничего! Дворы продавать, все отдать! А денег не станет, – воскликнул на всю площадь Минин, – зложим жен своих и детей*» [Костылев 2012: 185].

В.И. Костылев употребил названия нашего государства в том виде, в котором они привычны и понятны современному читателю, в частности название *государство Российское*: «*И по многие дни совещавшись, мы, всякие люди, пришли к тебе, пресветлый наш Дмитрий Михайлович. Не допусти погибели*

государства Российского» [Костылев 2012: 201] Во времена Смуты так территория еще не называлась.

Поскольку события борьбы с польской и шведской интервенцией в начале XVII века находятся в центре романа, то названия городов, пославших дружины в 1611 году в ополчение, последовательно появляются на его страницах.

В исторических хрониках Н.И. Костомарова и С.Ф. Платонова и других исследователей-историков по истории Смуты и борьбы народного ополчения с поляками широкая картина событий дается через названия только самых крупных городов. В.И. Костылев наряду с названиями хорошо известных по истории древнерусских городов, таких, как *Смоленск, Углич, Устюжна, Кострома, Муром, Нижний Новгород, Суздаль, Рязань, Владимир, Казань*, вводит топонимы малоизвестные. Некоторые топонимы подвергаются авторскому изменению.

Автор начинает повествование с падения города Смоленска. Употребление топонима *Смоленск* сразу вводит читателя в сюжет романа: *«Соседство с польскими войсками, не раз осаждавшими Смоленск, приучило жителей Тихих Сосен к опасностям. <...> Бесплодные штурмы Смоленска подняли дух не только у Гаврилки. Многие крестьяне, видя неудачи панов, ушли в лесные дебри и оттуда совершали смелые набеги на московскую дорогу»* [Костылев 2012: 3].

На первой же странице романа «Кузьма Минин» употреблен ойконим *Тихие Сосны*, который не является реальным географическим названием. Такого селения на карте Смоленской области не существовало. Реальный гидроним *Тихая Сосна* послужил авторскому введению вымышленного ойконима *Тихие Сосны*. Гидронимы *Сосна, Тихая Сосна* и другие являются названиями правых притоков верхнего течения Дона. В.А. Никонов считал, что объяснять их из русского *сосна* наивно; в этом случае *сосна* как название могло бы иметь форму *Сосновая* или другую, но никогда не *Сосна*, так как славянские языки обязательно выражают отношения суффиксами или флексиями, а форма чистой основы означала бы тождество «эта река=сосна» [Никонов 1966: 390]. А.И. Соболевский предположил кальку сарматского (ираноязычного) названия. Рядом с рекой *Тихая Сосна* протекает река *Мокрая Косна*, здесь общность окончаний *-сна* вероятна. Лер-

Сплавинский, рассматривая названия озер *Соно* в польском приморье и северной Белоруссии, связывает их с финским *sose, soseen* «болото, грязь» [там же: 391].

Употребление топонимов по мере развития сюжета романа «Кузьма Минин» обусловлено желанием автора наглядно показать путь ополчения, которое собрали Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, из Нижнего Новгорода в Москву. Но прежде чем народное войско двинулось в длительный и утомительный поход, автор показал подготовительные действия лидеров ополчения, в том числе и через названия мест: «— В Балахне бей челом... Хлеба еще надо... Сколько продадут. Да в Васильеве рыбы не достанем ли... боюсь, не хватит нам и до Юрьевца» [Костылев 2012: 258].

Балахна — предполагаемая родина Кузьмы Минина, но В.И. Костылев об этом прямо не говорит: «По дороге из Балахны в Нижний Нове-град неторопливо пробирается всадник [Кузьма Минин — Е.М.]». Автор, описывая *Балахну*, употребляет пословицу *Балахна стоит полы распахня* и подтверждает ее словами: «К вечеру добрались до Балахны: множество в беспорядке разбросанных домишек, несколько ветряных мельниц, соляных варниц, почерневших кирпичных сараев и много церквей <...> Над избами высились рубленые стены и башни крепости, также почерневшие и местами обгоревшие. Много претерпела в последние годы Балахна от всяких врагов» [Костылев 2012: 260]. С момента употребления топонима *Балахна* писатель начинает подчеркивать многонациональный характер народного ополчения: «В город не вместились все; раскинули шатры за городом <...> Среди чувашей, марийцев, татар и удмуртов сидел Гаврилка. Тут был татарский начальник Юсуф, чувашский — Пуртас и другие» [Костылев 2012: 263]. Тема многонациональности ополчения высвечивается у автора при употреблении в тексте топонима *Юрьевец*, хотя в исторических документах и материалах этот факт полиэтничности не акцентируется. В.И. Костылев тесно связывает с топонимом *Юрьевец* этноним татары: «В стан Пожарского приехали на конях юрьевские татары со знаменем в головном ряду. Просили взять их под Москву. В 1552 году Иван Грозный подарил астраханскому царевичу, женившемуся на русской княжне, Юрьевец со всеми

окрестными селами. Тогда переселилось сюда из Астрахани немало татарских семейств. Их потомки и предлагали Пожарскому свою помощь. Пожарский обнял и крепко поцеловал татарского старшину, приведшего к нему своих всадников. Старшина с глубоким поклоном объявил Дмитрию Михайловичу, что татары давно ждут нижегородцев» [Костылев 2012: 270]. Писатель несколько раз в романе подчеркнул важность объединения всех народностей во время Смуты, которая была более похожа на гражданскую войну, чем на интервенцию. Русские, татары, чуваша, украинцы, мари (черемисы) и мордва объединились и победили поляков, покончили с внутренними войнами и разрухой, переломили ситуацию и начали возрождать страну.

Еще один топоним, связанный с именем Кузьмы Минина, – это *Василёва слобода*, *Василёво* (с 1937 года – город Чкаловск), название населенного пункта, расположенного в 67 километрах от Балахны. Его связывают с именем князя Василия, сына великого князя Юрия Долгорукого (XII в.) [см.: Пospelов 2000: 465], таким образом, компонент ойконима *Василевъ* образован от личного имени *Василий*, *Василь* как посессивное прилагательное с суффиксом –*евъ* [Нерознак 1983: 37]: «Следующая остановка была в любимой Кузьмою Василевой слободе, вотчине Василия Шуйского. На высоком берегу, над Волгой, раскинулась она в соседстве с дремучим лесом. Направо, налево – волжские просторы, ширь, величественные дали. Минин стоит на откосе, смотрит вдаль и вспоминает, как он ходил сюда в детстве из Балахны к тетке» [Костылев 2012: 266]. Можно, конечно, усомниться в этой детали – слишком большое расстояние для прогулки пешком, да и то, что Кузьма Минин родился в Балахне, окончательно не доказано.

В.И. Костылев показал правильность принятого ополченцами решения идти не через Суздаль, а через Ярославль: «Дорога через Суздаль и Владимир, по словам Пахомова, опасна для похода. Шайки поляков, шаткость тамошних служилых людей, даже духовенства, обнищание и голод – все это затруднит передвижение полков по этой дороге» [Костылев 2012: 237]. Хотя Суздаль был ключом «ко всему правобережному волжскому замосковному краю» [Костылев 2012: 228], воротами на пути из Нижнего в Москву, войска Д. Пожарского двинулись на

север, делая «остановки в селе Реише, Кинеише, на Плесе и Костроме. А там уже и Ярославль!» [Костылев 2012: 271].

Топоним *Кострома* употребляется в тексте 27 раз, гидроним *Кострома* – 2 раза. Существует две версии происхождения названия. По наличию конечного элемента *-ма* допускается финно-угорское происхождение. Но поскольку основа *костр-* не типична для дорусской гидронимии Костромской области, то было выдвинуто предположение о славянском происхождении этого названия. В русской мифологии *Кострома* олицетворяла плодородие и весну. *Костра* – «луб, волокно», *кострома* – «прутья, солома, сорные травы» [Поспелов 2000: 107]. Название выступает и как антропоним *Кострома* [Нерознак 1983: 97].

С топонимом *Кострома* в произведении появляются топонимы *Верхние и Нижние Дебры*, отражающие рельеф местности. Писатель употребляет их со словом *уступы* вдоль Волги: «*Ратники, устроившись на ночлег, пошли засветло погулять по городу, расположенному частью на возвышениях при устье реки Костромы, частью на двух уступах вдоль Волги... Костромичи называли эти уступы Верхнею и Нижнею Дебрами. Остальная, большая часть города расположена была на возвышенной ровной поверхности*» [Костылев 2012: 290]. Известен факт, что в 1260-х гг. костромской князь Василий Ярославич вырубил на территории современной Костромы сосновый бор (дебрю). Сохранилась улица в Костроме с названием *Нижняя Дебря* (историческое название улицы – Дебринская или Верхне-Дебринская) и церковь *Воскресение-на-Дебре* [Нижняя ...: электр. рес.].

В тексте романа встречаются топонимы *Устюжна-Железнопольская* и *Великая Устюжна*. В.А. Никонов, объясняя топоним *Устюжна*, обратил внимание на такую его этимологию – из *Усть-Ижина*, т.е. устье реки *Ужины*. Первое упоминание *Устюжны* в 1252 году встречается под названием *Железный Устюг*, которое связано с тем, что *Устюжна* – это место древней разработки железной болотной руды. Населенный пункт расположен на так называемом *Железном Поле*, который изобиловал болотной железной рудой, истари используемой местным населением [см.: Поспелов 2000: 436]. В XVI веке в

исторических документах встречается *Устюжна Железнопольская* [Никонов 1966: 440]. Что касается топонима *Великая Устюжна*, то в топонимических словарях такое сочетание не встречается. Город *Великий Устюг* тоже посылал свою дружину, но автор романа этот топоним не упоминает. Возможно, топоним *Великая Устюжна* употреблен автором, во-первых, под влиянием существования реального топонима *Великий Устюг*, во-вторых, для того, чтобы подчеркнуть значимость мастеров устюжского литья «вологодской и устюжскойковки» [Костылев 2012: 254], прославившихся своими колоколами и крепостными орудиями. В Ярославле мастера литейного дела из Вологды помогали ополченцам. М. Фасмер однозначно относит происхождение названия топонима *Вологда* к финно-угорскому «белый город» [Фасмер 1996: т. 1, 340]. Однако Е.М. Пospelов допускает более древнее происхождение, что не позволяет считать название окончательно понятым [Пospelов 2000: 74].

Реальные топонимы, которые употребляет В.И. Костылев, легко узнаваемы. Однако писатель употребляет топонимы, которые имеют в своей основе реальные топонимы, но при этом подвергнуты авторскому изменению. Таков, например, топоним *Красные Холмы*. «Но вот пришли отрадные вести от Черкасского из Красных Холмов. Неприятеля удалось выбить из Антониева монастыря. Воры в страхе побежали на юг. Отряды Заруцкого из-под Углича тоже были изгнаны, многие казаки побратались с ополченцами» [Костылев 2012: 309]. В.И. Костылев употребляет реальный топоним *Красный Холм* во множественном числе – *Красные Холмы*. Подтверждения этому в исторических документах нет. Первое упоминание о селе *Спас-на-Холму* относится к началу XVI века, когда князь Симеон Иоаннович пожаловал это село Краснохолмскому Антониеву монастырю. Встречается в документах полное название села – *Преображение Спасово да Живоначальные Троицына Холму*. Во время польского нашествия 1611 года монастырь был разгромлен. Предположительно с 1776 г. село *Спас-на-Холму* начинает называться селом *Красный Холм* и в том же году преобразуется в город *Красный Холм* [Пospelов 2000: 224]. Ср: «близ Красного холма, 30-ть верст от

Бежецка» [Забелин 1883: 84]. Сегодня – это населенный пункт *Красный Холм* в Тверской области.

Топоним *Погост*, который появляется на страницах романа, с одной стороны, реален, а с другой стороны – не понятно, о каком именно населенном пункте *Погост* идет речь: «*Однажды под вечер на муромских путях к Нижнему, в селе Погост, произошёл великий переполох. Прибежали две женщины к старосте, закричали в голос. Оказалось, они видели в лесу многих польских всадников, пробиравшихся к Погосту*» [Костылев 2012: 19]. Топоним *Погост* образован от апеллятива, обозначающего тип поселения, и прежде чем стать именем собственным, «прошел через ступень индивидуализации, способствовавшей превращению нарицательного имени в собственное имя данного конкретного объекта» [Суперанская 1984:65]. Часто такое название имеет при себе слово, обозначающее тип объекта. На карте Российской федерации существует несколько названий населенных пунктов со словом *погост*, например: *Погост Старая Никола* (Владимирская область), деревня *Михайлов Погост*, село *Николо-Погост* (Нижегородская область) и др. Писатель использовал топоним *Погост* в романе, вероятно, зная, что *погостами* назывались населенные пункты на Руси. Со временем слово стало обозначать деревню, село с приходской церковью и кладбищем при ней [см.: Мурзаев 1984: 442; Даль 1995: т.3,156.], и это сохранилось в названиях многих населенных пунктов. Таким образом, выбор автором топонима *Погост* оправдан историческим характером произведения.

Топоним *Мугреево* связан с именем князя Д. Пожарского: «*Набрел на Мугреево, вотчину Пожарского... Ранен он, князь-то... Привез его Буянов, знаешь Михайлу-то из Ландеха?*» [Костылев 2012: 115]. «Мугреево было исконной отчиной князей Рязанских, а первоначальным владением князей Пожарских была волость Пожар» [Монякова 2011: 9]. Этимология топонима неясна. Можно сделать некоторые предположения, исходя из корневой основы, слова о тюркском, финно-угорском и южнославянском происхождении топонима. Так, в удмуртском языке есть слово *мугри*, диал. от *мукули* “молодые побеги полевого хвоща” [Удмуртско-русский...: электр. рес.]. В республике Абхазия

(Дагестан) существует несколько сел со словом *мугри*: села *Новое Мугри*, *Старые Мугри*, *Мугри*. В абхазском языке слово *мугъ* означает “спина, хребет, спинка”; “горбатая спина”, *мугірул* – “горный” [Аварско-русско...: электр. рес.]. В македонском языке *мугри* означает “зори”, например, «Белые зори» – «Бели мугри» [Шешкен 2008: 12]. Не мог писатель не употребить топоним *Ландех*, поскольку он связан с передвижением ополчения во время Смуты и с именем Д. Пожарского. В связи с этим В.И. Костылев топонимы *Ландех* и *Мугреево* использует в тексте в качестве связующих меток. На современной карте сел с такими названиями не существует, но они являются основой современных топонимов: *пгт Верхний Ландех* [Численность ...2010: 13], *село Нижний Ландех* [там же: 79], *село Мугреево-Никольское*, *село Мугреево-Дмитриевское*, *пгт Мугреевский* [там же: 11], *поселок Мугреевский Бор* [там же: 78].

Национально-исторический реализм романа «Кузьма Минин», написанного В.И. Костылевым, обусловлен включением в его онимическое пространство реальных географических названий, достоверно воссоздающих историческую действительность времен Смуты XVII века в рамках художественного произведения. Писатель оставил за собой право авторского имятворчества и имяупотребления топонимов. Это позволило ему внести изменения в реальные топонимы, сохранить исторические названия, соответствующие описываемой эпохе, и создать вымышленные топонимы, которые органично влились в нить повествования. Онимические единицы романа «Кузьма Минин» передают последовательность событий в подлинном историческом времени и пространстве. Автору удалось, основываясь на употреблении большого числа топонимов, создать пространственно-временную художественную картину мира, которая подвергается символическому осмыслению и позволяет читателю увидеть в топонимическом пространстве произведения мощь и размах зарождающегося Российского государства.

3.2.2. Топонимы в романах В.И. Костылева «Питирим», «Жрецы»

Действие романов «Питирим», «Жрецы» В.И. Костылева происходит в отдаленных друг от друга районах Нижегородской области: в самом Нижнем Новгороде, в Макарьеве, известном своей ярмаркой, в лесах Заволжья.

Хотя действие романов «Питирим» и «Жрецы» разворачивается в Нижегородской губернии, значимость и влияние государственной власти проявляется в употреблении топонима, связанного со столицей Российского государства описываемого времени – Санкт-Петербургом. В.А. Никонов приводит мнение Б.Г. Унбегауна, касающееся топонимии России XVIII – XIX вв., который делил этот период на три волны, тесно связанные с основными политическими тенденциями своего времени. Во время первой волны, выводя Россию на уровень передовых европейских государств, Петр I и в топонимию, как и в другие стороны жизни, внес западноевропейские черты. Новые города получали иноязычные названия, например, с компонентом *Burg* «город» немецкого происхождения: *Санкт-Петербург* (1703г.) [см.: Никонов 2011: 32-33]. В.И. Костылев употребляет название столицы в разных вариантах. Так, в «Питириме» применяются варианты: *Питербурх* (28 раз), *С.-Питербурх* (1 раз), *Санкт-Питербурх* (1 раз), *Питербух* (1 раз), *Питер* (33 раза). «В источниках первой четверти XVIII в. оно [название города – Е.М.] встречается более чем в 30 вариантах. Разнобой касался всех компонентов названия: <...> Питербурх (17.V.1706) <...> Санкть Питербурх (13.1.1720)» [Поспелов 1998: 365-366] и др. В «Жрецах» вариантный «разнобой» не отражается и употребляется окончательно закрепившееся название столицы Российской империи во время правления Елизаветы I – Санкт-Петербург (12 раз). И в «Питириме», и в «Жрецах» автор употребляет народное название Санкт-Петербурга – *Питер*, усеченное от старинной формы официального названия Санкт-Питер-Бурх. «Неофициальное название города *Питер*, широко употребляющееся в настоящее время, получило распространение до 1724 г.» [Поспелов 1998: 366]. Если в «Питириме» топоним *Питер* встречается 33 раза, то в «Жрецах» – 13. Так автор через акт

закрепленности предпочтительного варианта астионима подчеркивает, что государственная власть усилилась, а столица приобрела более значимый статус.

Вторым по государственной значимости городом в романах В.И. Костылева выступает *Нижний Новгород*. В нем сосредоточена региональная власть, и по частоте употребления топоним занимает главенствующее положение в романах. Это связано и с тем, что основные события разворачиваются на территории Нижегородской губернии. Топонимы с компонентом *Нижний* в этих двух романах встречаются 304 раза. В.П. Нерознак относит топоним *Нижний Новгород* к конструкции с предложным повтором между компонентами сложного имени. По его мнению, название города является оппозитом к названию *Новгород Великий*, но не в смысле “находящийся внизу, ниже других”, а в значении “меньший по величине” [Нерознак 1983: 125]. В.А. Никонов, анализируя появление названий поселений в целом, приходит к выводу, что жители в ту пору «не нуждались в особом названии, существуя почти замкнутым мирком, еле связанные с большим миром. Когда же в ряду других деревень название потребовалось, имя нарицательное, означавшее род объекта, приняло функции отсутствующего собственного» [Никонов 2011: 18]. Появление топонима *Нижний Новгород* – это тоже превращение имени нарицательного «новый город» в собственное. Позже он получил определение *Нижний*, чтобы отграничить от подобных названий. Н.Д. Русинов выдвинул другую версию происхождения топонима *Нижний Новгород*. Он считает, что наименование *Нижний Новгород* возникло вследствие «топонимической закономерности возникновения названий населенных пунктов по рекам с уточнителями Нижний и Верхний» [Русинов 1999: 143], то есть Нижний по отношению к Городцу Радилову. Впоследствии компонент *Нижний* стал неофициальной формой названия *Нижнего Новгорода* [Смолицкая 2002: 231]. В.И. Костылев, создавая в произведениях подлинную, живую атмосферу жизни народа, вводит речевую форму названия *Нижнего Новгорода* – *Нижний*, которая встречается в текстах романов «Питирим» и «Жрецы» соответственно 144 и 121 раз. Автор употребляет топоним *Нижний Новгород* в «Питириме» 4 раза и в «Жрецах» 8 раз при подаче для убедительности

повествования текстов указов и других официальных документов. Автор употребляет также древние названия *Нижнего Новгорода–Нижний Нов-Град*– 17 раз, *Нов-Град* – 1 раз, *Нижний град* – 1 раз, которые, помимо создания исторического колорита, вписываются в поэтическую окрашенность фрагментов текста романа, например: «*Нижний Нов-Град страж Москвы, оборонитель ее от понизовской и "крыющейся в лесах голытьбы"*» [Костылев1993 б: 155]. «*По небу пробегали огненные змейки и с треском и хлопаньем осыпались золотистой пылью вниз на Нижний Нове-Град. За ними побежали, обгоняя один другого, синие, зеленые, голубые шары, взрывались вверху и облетали разноцветными ленточками. Жутко было смотреть "православным христианам" на эту ночную "огненную потеху"*» [там же: 394]. Вариант *Нижний Нов-град* относится к устаревшим на время написания романов и характерным для описываемого времени. Источник названия *Нижний Нов-Град* автор приводит сам в романе «Питирим»: «*Тридцатое мая было днем великого торжества в Нижнем Нове-Граде. Петр праздновал пятидесятилетнюю годовщину своей жизни. В этот же день праздновалось по церквам и приуроченное к сему торжеству минувшее пятисотлетие Нижнего Нове-Града, об основании коего у летописца сказано: "...Древле низовскою землею владели идолопоклонники Мордва. Благочестивый великий князь, ныне духом в бозе, а нетленным телом своим в граде Владимире почивающий, Юрий Всеволодович Суздальский, дабы оградить владения свои от набегов оной Мордвы (и Булгар), заложил в 6729 году на устье Оки-реки град и нарече имя ему Нижний-Нов-Град и постави в нем церковь во имя святого архистратига Михаила деревянную, а в 6736 году и каменну соборную"* [там же: 400]. Текст воспроизведен автором практически полностью, что доказывает, насколько тщательно писатель работал с историческими документами при написании романов. Для сравнения приводим текст нижегородского летописца конца XVII в.: «*Велікий князь Юрій Всеволодовичъ, заложилъ градъ на устьѣ рѣки Оки, и нарече имя ему Новъ Градъ Нижний: и церковь поставилъ въ немъ соборную Архістратіга міхаила деревянную, и владѣли тою землею поганіи Мордва*» [Нижегородка...1875: 1]. В.И. Костылев употребляет еще одно название

Нижнего Новгорода – *Нижний город* (3 раза) и топоним-прозвище *Соль-город*: «*Недаром Нижний прозвали повсеместно Соль-городом*» [Костылев 1993 в: 38]. Такое название Нижнего Новгорода связано с тем, что город являлся в ту эпоху перевалочным пунктом соляных караванов с низовьев Волги на пути в Петербург и Москву.

В одном из фрагментов текста автор романа сосредоточил три топонима, связанные с сюжетом романа «Питирим»: «*Питирим должен спуститься до Макария, а там пройти по Керженцу до села Пафнутьева лесом*» [там же: 165].

Топоним *Макарий* вряд ли будет понятен тем, кто не живет в Нижегородской области. Предложно-падежные формы этого названия в романе подсказывают, что оно означает определенное место: «*под Макарием разбойники пять стружков ко дну пустили*», «*ожидает его цыган Сыч у Макарья на ярмарке*», «*на Макарье колокол стукнул*», «*они намерение имели спуститься после Макария*», «*до Макария*», «*плыви к Макарию, в становище ватажников*», «*версты за две от Макария остановились*», «*один старичок у монастырских ворот Макария*» [там же: 230, 72, 102, 104, 203, 161, 326]. Автор употребляет топоним *Макарий* 26 раз, обозначая историческое место, которое становится топонимическим обозначением передвижений героев романа. На географической карте такого названия не существовало и не существует. *Макарий* – это народное название места, которое объединяет и поселение, и монастырь, и Макарьевскую ярмарку. Народное название сохранилось до сегодняшнего дня. Сегодня можно встретить такие записи: «Впервые оказался я под Макарием (как по старинке называют его нижегородцы, а настоящее название населенного пункта – Макарьево)» [Соколов 2013: электр. рес.]. Возвращаясь к карте, уместно привести слова А.В. Суперанской о том, что «карта, как правило, фиксирует официально принятые формы топонимов, не всегда совпадающие с теми, которые употребляет местное население» [Суперанская 1984: 19]. В тексте романа «Питирим» произошел разрыв между топонимическим контекстом географической карты – населенный пункт *Макарьев(о)* и его вариантом в речи местного населения – *Макарий*. Слобода под названием *Макарьево*, которое в тексте романа

употребляется 1 раз, возникла при основанном в XV веке преподобным Макарием у озера *Желтые воды* Святотроицком монастыре, известном под названием *Макарьевский Желтоводский монастырь*. Писатель опускает определение *Желтоводский* и оставляет название *Макарьевский монастырь*, употребляя его в тексте 7 раз. В 1779 году слобода была преобразована в город Макарьев, названный по имени основателя (в тексте романа употребляется 7 раз). Для обозначения места происходящих в романе событий писатель употребляет оба варианта – и официальное название (*под Макарьевом*), и народный вариант названия (*под Макарием*), хотя события в романе происходят задолго до переименования этого поселения. Сейчас это поселок городского типа Макарьево. Топонимический формант названия меняется в реальной жизни по мере развития населенного пункта от статуса слободы, села к статусу города. В романе это происходит не столь явно: есть топонимы с формантами *-ево* (1 раз) и *-ев* (7 раз). Мы понимаем, что для автора это не имеет большого значения. Несмотря на эту небольшую путаницу, перед читателем возникает образ символичного для народных повстанцев места, которому автор дает красочное описание: «*Макарий, вынырнув стенами и башнями из воды, одобрительно поглядывал в Волгу, расплывался белыми пятнами в ее темных водах, поглядывал кругом, как удачливый монах в своей лукавой улыбке*» [Костылев1993 б: 160-161]. Писатель выделяет название *Макарий* как одно из центральных в романе, которое в зависимости от контекста в произведении функционирует и как топоним-прозвище, и как топоним-экклезионим.

Чуть выше Макарьевского монастыря вверх по Волге находится устье реки *Керженец*, которая является левобережным притоком Волги. По мнению Л.Л. Трубе, название *Керженец* состоит из нерусского корня *-керж-*, который является топоосновой, и русского суффикса-топоформанта *-енец-*. Оним происходит от мордовского слова *керж* «левый» (левый приток Волги) или от марийского *кѳрж* “серьга”, так как река сильно петляет. «Второе объяснение более вероятно, поскольку многие реки в Заволжье имеют марийские названия, тогда как мордовских там нет» [Трубе 2000: 26]. Н.В. Морохин, вслед за

Н.Д. Русиновым, приводит и такую этимологию названия: оно «также возводится к марийскому *-керге-* «черный дятел», к индоевропейскому корню *-кер-* «поток» [Морохин 1997: 104]. Есть предположение, что слово «Керженец» в основе своей имеет древнерусский корень *-крч-*, означающий «кузнечное ремесло» [Лаптев 2007: 745].

Ученые-топонимисты М.В. Горбаневский и Э.М. Мурзаев пришли к единому выводу о роли рек в жизни наших предков, названия которых возникли гораздо раньше других топонимов – наименований городов, деревень, поселков: «Реки издавна служили людям проводниками и путями, направлениями массовых переселений. Помимо этого, поселения людей обязательно возникали поблизости от воды <...>. Сначала возникало название реки, а потом уже наименование появившегося на ее берегу селения» [Горбаневский 1987: 77]. «В прошлом именно реки сближали людей, сплачивали их в сообщества» [Мурзаев 1995: 35].

Название *Керженец* (встречается в романе «Питирим» 78 раз) обозначает два объекта. С одной стороны, это гидроним, название реки в Нижегородской области, который является ориентиром для читателя в тексте романа: *на берегах Керженца, с верховья Керженца, приплыть по Керженцу*. С другой стороны, *Керженец* – это территория, по которой протекает река, один из центров раскольнической веры. «Был ли Керженец провинцией? – вопрос риторический: он, как и Выг, был другой столицей, столицей иного мира, иного мироощущения, в другой системе временных координат» [Сизинцева 2012: 84-91].

Именно это имел в виду писатель, сосредоточивая внимание читателя на названии *Керженец*: «Всем им Варсонофий поведал о намерении епископа в скором времени приехать на Керженец для размена вопросами и ответами с расколоучителями» [Костылев 1993 б: 143]. Глухие керженские леса служили приютом раскольников, укрывавшихся от преследований. Здесь были их скиты (небольшие монастырского типа поселения). Поэтому старообрядцев стали называть кержаками, и небольшой *Керженец* (длина около 300 км) прославился на всю Россию, благодаря роману П.И. Мельникова-Печерского «В лесах». Но в романе В.И. Костылева «Питирим» этноним *кержаки́* как название

этнографической группы русских старообрядцев отсутствует. Вместо него автор употребляет *керженцы*: «*Большим уважением пользовался среди керженцев олонецкий воитель за правду.<...> Раскрыли рты изумленные керженцы*» [там же: 12]. В.И. Костылев и не мог, вероятно, употребить этноним *кержаки*, поскольку он имел распространение в Сибири, после того, как раскольники были переселены туда после событий, описанных в романе. «Жители старообрядческих сел <...> именуют себя кержаками, «выходцами с реки Кержа» <...>. По рассказам старожилов этих сел, старообрядцы насильственно были переселены в Забайкалье из Нижегородской губернии» [Архипова 2011: 35]. Археографическая экспедиция сектора древнерусской литературы в Горьковскую область в 1957 году подтвердила тот факт, что до расправы государства в лице нижегородского архиепископа Питирима над раскольниками в Керженских лесах насчитывалось до 77 скитов старообрядцев. Исторически река *Керженец* сплотила так называемых керженских раскольников, главными идеологами и лидерами которых являлись старцы диакон *Александр, Авраамий, Варсонофий, Иосиф и Герасим*.

Именно сюда на Керженец, в село Пафнутьево, устремился Питирим для диспута «в районе наибольшего распространения старообрядчества между Узолой и Керженцем, где к тому времени стояло множество скитов и тайных зимниц-заимок, в которых скрывались беглые солдаты и монахи» [Филатов 1999: 93]. По мнению Н.Ф. Филатова, название *Пафнутово* произошло от имени первопоселенца *Пафнутия* в период активного освоения территории лесного Заволжья. Ойконим *Пафнутьево*, который в романе встречается 28 раз, – это антропотопоним, то есть топоним, образованный от антропонима, личного имени *Пафнутий*, распространенного среди раскольников в XVII веке, перешедшего в топонимический ряд. Спустя более ста лет после описываемых в романе событий, в списке населенных мест, по сведениям 1859 года, зафиксировано село *Пафнутово (Пахмутово)* при реке *Линде* [Нижегородская ... 1863: 123]. На современной карте зафиксирован топоним *Пафнутово*.

О достоверности изложения исторических событий в романе В.И. Костылевым можно судить, сравнив три отрывка с названием этого села, взятых из разных источников:

1. «А приехав, он, епископ, из Нижнего со многими солдаты в Дрюковскую волость, село Пафнутьево, октября первого, повелел многих людей собрать и велел подписать им же составленные ответы» [Костылев 1993 б:306].

2. «1 октября 1719 года при многочисленном собрании народа в селе Пафнутьево Балахонского уезда Дрюковской волости Питирим и раскольничьи старцы разменялись вопросами и ответами» [Соловьев 1851-1879: кн. 4 т. 16. гл. 3, 254].

3. «1719 года, Сентября в 29 день, преосвященный Питирим прибыл в Балахонский уезд, в Государеву дворцовую Дрюковскую волость, в село Пафнутово, и повелел <...> собраться в Пафнутово Октября 1-го, ради слышания разглагольствия» [Есипов 1861: 627].

Таким образом, название населенного пункта в приведенных текстах варьируется. В романе «Питирим» писатель использовал название села, зафиксированного С.М. Соловьевым в «Истории России с древнейших времен», – *Пафнутьево*, вариант *Пафнутово* – более поздний.

Топонимы, употребленные В.И. Костылевым в романах «Питирим» и «Жрецы» в значительной степени являются реальными топонимами. Они зафиксированы на современной географической карте Нижегородской области: *Нижний Новгород, Терюшево, Лысково, Оранки, Муром* и др.

Наряду с ними В.И. Костылев акцентирует внимание читателя и на таких сочетаниях, как: «*позаволжским лесным деревням и починкам*» в романе «Жрецы», «*в дереvушках и глухих починках*» в романе «Питирим». Эти сочетания включают названия часто встречающихся типов поселений Нижегородской губернии в XVII – XVIII веках. *Починок* – исторический термин, которым в России до XX века обозначалось вновь возникшее сельское поселение. *Починок* в один двор (выселок из деревни) мог разрастись в многодворное поселение. Топоним происходит от древнерусского *починок* – «новое поселение, деревня на

вновь расчищенном участке» [Поспелов 1998: 338], в древнем лесу для поселений делались прорубы и почины. Постепенно слово *починок* закрепилось за многими населенными пунктами уже в качестве топонима. В Нижегородской области существует несколько деревень с названием *Починки*. В.И. Костылев употребляет топоним *Починки* в романе «Питирим» один раз: «*Поп и тут вылез, оглянулся с опаской кругом и тихо сообщил: – Нонче проходил у нас из «Починок» один, побывал он в Питербурхе*» [Костылев 1993 б: 152]. Вероятно, это и есть село *Починки* (до 1922 года город *Починки*), которое является административным центром Починковского района Нижегородской области. В начале XVII века на месте города находилась мордовская деревня, носившая название починок *Келеушта-Новый или Анудемир*. «Жители покинули деревню по неизвестным причинам <...>. В 1647 г. пустошь была куплена боярином <...> Морозовым, поселившим тогда здесь русских крестьян. <...> Вновь возникшее село стало называться Починком» [Семенов-Тянь-Шанский 1873: 200-201]. Населенный пункт *Починки* не принадлежит к числу древнейших поселений Нижегородской области. «Починки до образования наместничества принадлежали в значении села к Пензенской провинции <...> и состояли в ведомстве лейб-гвардии Конного полка» [Нижегородская... 1863: XXIV].

В романе употребляются сочетания микротопонимов *лесной починок "Убежище"* [кавычки В.И. Костылева – Е.М.] и *починок Прудиче*. В списке населенных мест, по сведениям 1859 года, зарегистрирован населенный пункт – деревня и три варианта ее названия – *Убежище (Церковное Убежище), Убежицы* [Нижегородская... 1863: 89]. На современной карте названия *Убежище* нет, а осталось *Убежицы*. Ю.А. Карпенко, анализируя топонимы, показывает, что они подвергаются самым значительным изменениям: «Мало найдется лексических пластов, которые были бы такими подвижными, такими неустойчивыми, как подавляющее большинство собственных географических названий» [Карпенко 1967: 24-25].

Починок *Прудиче* также зарегистрирован в списке населенных мест по сведениям 1859 года, и на современной карте Нижегородской области есть село

Прудници. Изменение автором окончания реального топонима *Прудници* на *Пруднице*, а также использование исчезнувшего названия *Убежище* позволило писателю поместить в романе топонимы *починок Пруднице* и *починок Убежище* в другое место на карте Нижегородской области, а именно в район реки *Керженец*: «А на другой день пропали из Пафнутаева и Авраамий и поп Иван <...> на починок Пруднице напали воры. Отец Авраамий ночевал эту ночь в починке» [Костылев 1993 б: 272]. «К вечеру Питиримов отряд остановился недалеко от Пафнутаева, в лесном починке "Убежище"» [там же:189]. Здесь автор намеренно употребил название топонима *Убежище*, сделав его ассоциативным и символическим. Вся территория реки *Керженец* служила убежищем для раскольников, пытавшихся сохранить свою веру в эпоху правления Петра I. Л.А. Климкова отмечает, что «за ним (микротопонимом) всегда стоит конкретная ситуация, конкретный событийный ряд. Этим микротопоним отличается от нарицательного имени, и, возможно, данное обстоятельство объясняется тем, что формирование и употребление микротопонимов имеет в основном обозримое временное пространство (в целом – обозримый хронотоп)» [Климкова 2008 а:21].

Похожая ситуация отличает топоним *Рыхловка*, который появляется в романе «Жрецы» и связан с одним из главных героев романов, *Филькой Рыхлым* – *Филиппом Павловичем Рыхловским*. Это естественно сложившийся топоним, образованный по русской модели на территории Нижегородской области. Топоним *Рыхловка* образован от основы прозвания *Рыхлый* (опосредованно от основы глагола *рыхлить* или прилагательного *рыхлый*) при помощи топоформанта *-овка*. Появление этого топонима в тексте связано с событиями, описанными в романе, а именно с созданием в произведении образа «полупромышленника и полудворянина». В исторических документах не нашлось подтверждения существования человека по имени *Филипп Павлович Рыхловский*, хотя автор очень убедительно и правдоподобно вводит этот персонаж в свои романы «Питирим» и «Жрецы»: «В 1724 году самим Петром Первым за успехи в промыслах ему [Филиппу Рыхловскому – Е.М.] пожалована была земля на реке Суре (земля, отторгнутая у чувашей). Двадцать лет спустя, особым указом

императрицы Елизаветы Петровны за участие в свержении с российского престола младенца Иоанна VI Антоновича и его матери Анны Леопольдовны Брауншвейгской была пожалована земля на реке Кудьме сыну его Петру Рыхловскому, произведенному в числе некоторых солдат гвардии Преображенского полка в офицерский чин и дворянское достоинство» [Костылев 1993 в: 24].

Поселение *Рыхловка*, о котором идет речь в романе «Жрецы», в разные периоды истории принадлежало разным губерниям, поскольку находится на пограничной территории по реке *Суре* на юге Нижегородской области. В 1859 г. деревня *Рыхловка* (22 двора) при реке *Арьевке* входила в состав Курмышского уезда Симбирской губернии [Список ... 1863: 54]. В 1884 году деревня *Рыхловка* (35 дворов) входила в состав Бортсурманской волости Курмышского уезда Симбирской губернии [Список ... 1863: 106]. В 1925 году она входит в состав Сергачского уезда Пильненской волости Нижегородской губернии [Алфавитный ... 1925: 171] и сегодня является населенным пунктом Пильнинского района Нижегородской области. Именно об этом населенном пункте пишет В.И. Костылев в романе: *«Филипп Павлович немедленно же обменялся своею сурскою землей с одним дворянином на угодье при Кудьме-реке. Тем самым он избавился от чувашей, с которыми жил в постоянной вражде. Он соединил оба пожалованные угодья в единую вотчину Рыхловку. Но <...> уйдя от чувашей, он попал в соседство к мордве»* [Костылев 1993 в: 24]. Здесь в тексте романа появляется еще одна *Рыхловка*, которой в действительности не существовало и не существует на карте Нижегородской области: *«Недалеко от Рыхловки находилось село Терюшево. Село большое, шумное, слывшее "столицею" терюханской мордвы, расположенное на богатых землях обширнейшей вотчины царевича Грузинского Бакара Вахтангеевича. Жители Терюшева, осведомленные чувашами о разных "подвигах" Рыхловского на реке Суре, встретили нового своего соседа не особенно приветливо»* [там же: 24]. Чтобы убедиться в достоверности связи топонима *Терюшево* и исторического антропонима *Бакар Вахтангеевич*, употребленных в романе В.И. Костылевым, обращаемся к исторической справке.

В 1700 году, выехавшему первым в Россию царю Арчилу и сыну его Александру царем Петром Алексеевичем были «...пожалованы в Нижегородской губернии дворцовые волости – Терюшевская, Белогородская и Лысковская с принадлежащими к ним селами и деревнями, с пустошами и крестьянами в род их недвижимо...» [Переписная книга Белогородской...: электр. рес.]. После гибели царевича Александра в шведском плену, смерти Арчила и его жены царицы Кетеван во главе всех Грузинских дел в Москве встала дочь Арчила Дареджан. Она же унаследовала и Нижегородское имение. У Дареджан не было прямых наследников – она «избрала в наследники себе двоюродного племянника своего Бакара Вахтанговича» [там же: электр.рес.].

Территория, ограниченная реками *Волга, Сура, Пьяна* и *Кудьма*, охватывает область поселения мордвы в Нижегородской губернии в XVIII веке. «Письменные источники <...> много говорят о мордве, занимавшей почти всю ее территорию между Окой и Сурой» [Трубе 1962: 50]. Этому соответствует и представление В.И. Костылева о заселенной мордвой территории в то время: «*Чам-Пас, защитник мордовского народа, Чам-Пас, помилуй нас! Ты слышишь проклятия человека, несущиеся с берегов Волги, Суры, Кудьмы и Пьяны...*» [Костылев 1993 в: 83].

Ойконимы *Березняки, Исады, Лубянцы (Лубенцы)* (по некоторым версиям и *Арманиха*) являются русскими по происхождению. Ойконимы *Арманиха, Вармалей, Лубенцы* и *Березняки*, называющие села, которые находятся в относительной близости друг от друга, употребляются только в одном фрагменте текста, когда обсуждается один из моментов восстания: «*Из деревни Вармалеи от мал до велика пришли... Из Березняков Иларион Косолапов пятнадцать мужиков привел. Из села Суроватихи приперли не только мужики, но и бабы. Из Арманихи и Лубенцев восемь душ*» [Костылев 1993 в: 273].

В основе ойконима *Арманиха* (другое название *Романиха* [Нижегородская... 1859: 10]) лежит патроним *Роман* [Морохин 1997: 57]. Автор употребляет название села *Арманиха*, хотя исторически во время описываемых событий село имело название *Романиха*. Ойконим *Лубянцы* (в тексте

произведения *Лубенцы*) имеет русский корень -луб-. Название указывает на мочальный промысел местных жителей. В реках и озерах мочили луб, а в деревнях вили веревки [Морохин 1997: 125; ср.: Трубе 1962: электр. рес.]. Ойконим *Березняки* мотивирован апеллятивом березник (березняк) [ср.: Морохин 1997: 64], возле березника и возник населенный пункт. Оним имеет живую внутреннюю форму. Ойконим *Исады* совпадает с нарицательным именем “исады”, означающим «место высадки на берегу, рыбацья слобода, поселок у берега» [Даль 1995: т. 1, 48].

(См.: п. 3.4. об ойконимах финно-угорского происхождения)

Таким образом, топонимическое пространство романа В.И. Костылева «Жрецы» включает разноязыковые по происхождению единицы: в основном финно-угорские гидронимы, некоторые комонимы и в основном синкретичные или русские (славянские) ойконимы. Эта ситуация соответствует признанию: «Писатель подбирает либо конструирует не только личные имена, но и все компоненты ономастического пространства произведения» [Карпенко 1984: 36].

В целом топонимический материал романов В.И. Костылева «Питирим» и «Жрецы» показывает, что писатель использует топонимы, реальные для изображаемого в романе исторического периода. Топонимическое пространство романа, таким образом, соответствует реальному пространству, на котором происходят описываемые события с участием представителей разных этносов, проживающих здесь. Иначе говоря, онимы в романе выполняют этносоциохронотопическую функцию [см.: Климкова 2007: 241-287, 312-313].

3.3. Периферия онимического пространства романов В.И. Костылева «Кузьма Минин», «Питирим», «Жрецы»

Периферию онимического пространства (или поля) романов образуют онимические единицы, «имеющие структурное разнообразие и обладающие чертами апеллятивно-онимического пограничья» [Супрун 2000: 6]. В произведениях В.И. Костылева периферийные онимы составляют большую группу, отличаясь разнообразием.

Реалионимы как названия реально существующих или существовавших объектов, задействованные в онимическом пространстве романов, представлены, прежде всего, документонимами, эргонимами, хрематонимами.

Документонимы – ИС отдельных (важных для народа или народов) документов [см.: Подольская 1988: 57]: *Соборное Уложение* [Костылев 1993 в: 20], грамота «*О всенародном ополчении городов...*» [Костылев 2012: 300], закон «*Духовный регламент*» («Питирим»). Как видно из примеров, в основе документонима лежит ИН, которое отражает политическую ситуацию и идеологию государства. К документонимам примыкают именованья двух рукописных книг: книга *Пращица*, полное название «*Пращица против вопросов раскольнических*» (1721 г.) и сочинение «*Врата*». Пращица, или праща, пращ (от прать? пря?) – это “сложенный петлею ремень, вервь, иногда с донцем, куда кладется камень, который мечут с большой силою” [Даль 1995: т. 3, 382]. В произведении автор не только употребляет документоним *Пращица*, но и исходный апеллятив: «*Словно из пращи поразил бы я их*» [Костылев 1993 б: 201], тем самым дав возможность читателю понять смысл названия книги – удар по раскольникам с целью ослабления их веры. Автор связал два эти документонима в романе, показав, что диалог власти с народом при помощи письменных обращений был наиболее продуктивным и понятным для всех. Книга *Пращица* стала своеобразным ответом на сочинение «*Врата*», которое встречается в начале романа «Питирим»: «*Царю нужны деньги на войну, царь приказал подушную перепись произвести, а некоторые расколоучители в керженских лесах пошли*

против: учат народ бежать от переписчиков, как от "уловителей антихристовых". И многие раскольничьи толки царя на молитве не поминают и крестьянам внушают о царе не молиться. Рубить для кораблей лес тоже не идут. <...> По деревням ходит сочинение "Врата", в котором написано, что не надо платить даже и податей» [Костылев 1993 б: 26]. Диалог власти с раскольниками через письма, послания, книги говорит о стремлении Петра I воздействовать в первую очередь силой убеждения, что и показывает писатель.

Исторический компонент художественной картины мира в романах В.И. Костылева представлен также эргонимами. См.: *эргоним* – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 151]. У Костылева сюда входят названия таких объектов прошлого, как: *приказы – Архиерейский, Духовный, Монастырский, Преображенский («Питирим») Восточный, Кормовой, Стрелецкий, Пушкарский, Посольский, Дворянский, Поместный, Разрядный, Судный, Духовный розыскной приказ («Кузьма Минин»); дворы – Гостиный, Денежный; Московская Тайная контора; Главная полицеймейстерская канцелярия; Тайная канцелярия; Камер-коллегия; Земской совет; Совет всея земли; Вселенский собор («единоцарственный»), который воплощалидею демократии («Кузьма Минин»).* Высокая частотность употребления эргонима *Духовный приказ* (65 раз) в романе «Питирим» связана с сюжетом: активной деятельностью государства в процессе установления единой власти, устранения разногласий, в том числе религиозных. Особая группа ИС, которая входит в разряд *эргонимов* – это *ойкодомонимы*, т.е. «здания, в которых размещаются <...> организации, носят то же ИС, что и сама организация» [Подольская 1988: 151]: *избы – Земская, Съезжая, Таможенная, Воеводская («Кузьма Минин»).*

В романе «Кузьма Минин» встречается три объекта Москвы, которые были наречены именами собственными из-за их уникальности. Возможно, молодому читателю понадобится объяснение хрематонима пушка «Дробовик» (*хрематоним* – ИС предмета «материальной культуры, произведенного или добытого руками

человека, в том числе название оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, предмета утвари, драгоценного камня» [Подольская 1988: 146]). Автор употребляет хреватоним *Пушка-великан Дробовик*, которая была отлита в 1586 году А. Чоховым: «В древности Царь-пушку долгое время называли еще и «Дробовиком Российским», хотя на самом орудии в литой надписи она названа «пушкой». <...> Для стрельбы из этого орудия мог быть применен главным образом «дроб» – «картечь» [Портнов 1990: 3]. В.И. Костылев сохранил индивидуальное, старинное название оружейной пушки – *Дробовик*: «Грозным чудовищем выдвинулась из мрака пушка-великан Дробовик» [Костылев 2012: 31]. Писатель употребляет также разговорный вариант хреватонима *колокольня Ивана Великого* – *Иван Великий*: «Иван Великий порозовел, окутанный серебристыми облаками дыма...» [Костылев 2012: 105]. В.И. Костылев родился в Москве и употребление хреватонима без апеллятива *колокольня* для него естественно. Хреватоним *Красное крыльцо* продолжает ряд именований исторических объектов. Важным элементом композиции в древнерусском зодчестве каменных жилых хором было *Красное крыльцо*, которое служило главным входом в здание [см.: Гращенков 2008: 102]. В романе – это *Красное Крыльцо* Грановитой палаты Московского Кремля.

Немногочисленны в романах писателя *астронимы*. См.: астроним – ИС «отдельного небесного тела, в т.ч. звезды, планеты, кометы» [Подольская 1988: 41]: *Млечный путь*, *Песья звезда*: «Пес с ней и с Песьей звездой, особливо с питиримовской» [Костылев 1993 б: 252]. *Песья звезда* в романе это звезда *Сириус*: «Сириус греки именовали псом» [Карпенко 1981: 66]. Сейчас уже никто не назовет звезду *Сириус Песьей звездой*, но в XVII веке был принят переводной вариант именования звезд, возможно потому, что его было легче произносить и употреблять: «На небѣ нѣкоторая звѣзда есть, которая нам на земли наибольшею между всѣми прочими быть кажется, и Зиркус, Каникула или песия звѣзда называется. <...> В великом Псѣ песия звѣзда или Сириус. Календ. 1734» [Фундаментальная ...: электр. рес.].

Едини́чен зоо́ним. См.: зоо́ним – ИС (кличка) «животного, в т.ч. домашнего, содержащегося в зоологическом саду, «работающего» в цирке, в охране, подопытного или дикого» [Подольская 1988: 59]. Автор употребляет зооним *пес Берецилло* для иллюстрации рассуждений о человеческой несправедливости: «*Меделянский пес Берецилло получал за это жалованье, как и человек, по два реала в месяц. И по смерти оной собаки, отменно хорошо выученной тиранить людей, в армии генерала Сото наложен был траур! Сильный истязает слабейшего, а весь христианский мир смотрит на оное и молчит*» [Костылев 1993 в: 152].

Особую группу периферийных онимов в произведениях В.И. Костылева представляют *мифонимы*, сакральные именованья – *теонимы*. См.: теоним (вид мифонима) – ИС «божества в любом пантеоне» [Подольская 1988: 124]. «Понятия святости и сакральности всегда были важными для сознания верующего человека. Поэтому в процессе устроения и организации жизни, при ономастической номинации людьми движут осознанные ментальные, духовно-нравственные представления» [Бугаева 2006: электр. рес.]. С древних времен люди пытались защитить себя и своих близких от злых духов, освящая свой окружающий мир, что нашло отражение в текстах писателя. Л.А. Климкова отмечает тот факт, что у русского человека «в целом сакральное имеет два проявления: относящееся к православию и языческое. Второе приняло вид оппози́та священному» [Климкова 2008 а: 57].

В текст романа «Жрецы» автор ввел теонимы, относящиеся к язычеству народов Поволжья, прежде всего – мордвы: *Чам-Пас*, богиня-мать *Анге-Патяй*, богиня судьбы *Нишкенде-Тевтярь*, дева *Нишке*, *Пичеозаис*, *Шотьрань-Озаис*, *Кирень-Озаис*, *Шайтан*; чувашей: *Тора*; черемисов: *Юма*. Хотя прявты, возяты (мордовские жрецы) и народ мордвы продолжали поклоняться своим языческим богам, но в их молитвах уже использовались христианские теонимы.

Примером молитвы мордвы своим божества с употреблением мифонимов, а также христианских агионимов, может послужить отрывок из романа «Жрецы», в которой мордвин пытается совместить родные языческие верования с

привнесенными, свидетельствующими о возрастающем христианском влиянии: «Турустан начал молиться, боязливо озираясь по сторонам. Не подглядывает ли кто? Нет ли поблизости попа Ивана Макеева, который крестил его, Турустана, силою и угрозами? И теперь Турустан растерялся. Он молился и богу христиан и своим богам. Да разве один он? Многих сбивали православные попы, и Турустан маливался "Христосику", "Христосиковой матушке", "дедушке Илкаше", "Егорию Храброму", "Фролу и Лавру", но не забывал он и всемогущего Чам-Паса, не забывал и богиню-мать Анге-Патяй... А как же он мог забыть заступницу в несчастьях, богиню судьбы Нишкенде-Тевтярь, деву Нишке? И разве мог он сравнить своих богов с христианскими? Эти – свои, те – чужие» [Костылев 1993 в: 31].

Мордва «веровали в единого верховного бога, от которого зависит весь видимый и невидимый мир. Эрдзяды, терюхане и каратаи называли его *Пас*, или *Чам-Пас* (верховный бог) [см.: Мельников 1909: 431]. В.И. Костылев, употребляя теоним *Чам-Пас* (34 раза), мог основываться на работе П.И. Мельникова-Печерского «Очерки мордвы». Н.Ф. Мокшин считает, что П.И. Мельников-Печерский неточно называет верховного Бога мордвы теонимом *Чам-Пас*. По его мнению, его следует называть «*Чи-Паз (Ши-бавас)*» [Мокшин 2005: 84]. Теоним *Анге-Патяй* (буквально: мать-богиня) соответствует православной Богородице, которую мордвин *Турустан* называет *Христосикова матушка*. Хотя в произведении присутствует теоним *Христосик*, но нет его мордовского аналога – *Нишке-Паса*. Трижды появляется теоним *Нишкенде-Тевтярь*, дева *Нишке*. По П.И. Мельникову-Печерскому, «*Нишкинде-Тевтярь* (сестра *Нишки-Паса*, слово в слово: "девка *Нишки*")» [Мельников 1909: 434] является старшей из рожденных матерью богов богинь (*Патяй*). В теонимах *Нишке-Пас*, *Нишкенде-Тевтярь*, дева *Нишке* присутствует звуковой комплекс, возможно, формант *-ик-*, который может быть связан со словом *икай* "бог". П.И. Мельников-Печерский возводил этимологию теонима *Нишке* к мордовскому *нешке* "улей". Некоторые исследователи предлагали и предлагают другие версии происхождения теонима *Нишке*. «Как убедительно показал Х. Паасонен, теоним мордовского

дохристианского верховного бога *Нишке* произведен из мордовских слов *инее* (великий) и *икай* (бог). Эту этимологию разделял и У. Харва» [см.: Мокшин 2005: 106]. Еще одна мордовская молитва, которая встречается в произведении, звучит следующим образом: «*Много раз в священной роще было сказано "Пичеозаис, дай нам избы!" Или "Шотьрань-Озаис, дай нам бревен для изб!", "Кирень-Озаис, дай нам лубьев!"*» [Костылев 1993 в: 61]. Выбирая эти теонимы, В.И. Костылев, вероятно, основывался также на «Очерках мордвы» П.И. Мельникова-Печерского, в которых имя духа-покровителя деревьев во второй своей части имеет слово *озаис*. Н.Ф. Мокшин подвергает сомнению эту часть теонимов, связанных с верованиями мордвы в духов-деревьев. По его мнению, «озаис», вероятно, неверно записанное Мельниковым слово «озск», означающее “моление” (моляны). На эту ошибку указал еще М.Е. Евсеев, отметивший, что Мельников моленья (т.е. озксы) принял за божества [см.: Мокшин 2005: 61].

В одной из молитв звучит теоним *Салаох* (трансформированное Саваоф): «*Восподь Салаох, Чам-Пас – велик и всемогущ, и защитит мордву ото всех несчастий!*» [Костылев 1993 в: 80]: «Самого Чам-Паса, своего верховного бога, Мордва отождествила с Господом Саваофом и в молитвах к нему называла его: „Свят Господь Саваоф”» [Мельников 1909: 444].

Активно использует В.И. Костылев в своих романах теоним *Иисус Христос* (или просто *Христос*), а также *агионимы*, имена православных святых: *Мати пречистая*, *Матушка Параскева Пятница*, *Микола Чудотворец*, *Николай Чудотворец*, *Апостолы Павел и Петр*. Эти единицы функционируют в речи священнослужителей, простых людей, представителей высшего сословия либо как цитаты из библии: «*Книга, мол, Номоканон глаголемая, ясно речет: "Иже не крестит двема перстома, яко же и Христос, да будет проклят!"*» [Костылев 1993 б: 74], либо в молитвах, либо в составе идиоматического выражения и проявляют религиозность народа, желание защитить себя, найти смысл жизни: «*Пускай ответит нам епископ: ходил ли Христос на собеседование к книжникам и фарисеям с воинами и мушкетами?*» [там же: 196], «*...Мати пречистая, спаси нас!*» [там же, 120], «*Отец Гурий открыл глаза и сказал: "Спаси Христос!"*» [там

же: 157], «*Правильно! Христос показал нам пример. И воры тоже имеют сердце...*» [Костылев 1993 в: 149], «*Истинно Христос!*» [там же: 183], «*Матушка, Христос с тобой!*» [Костылев 2012: 332], «*Матушка Параскева Пятница накажет тебя... Соришь ты ей пылью глаза... Пятница гневается на не празднующих ее дня*» [там же: 140].

С теонимами и агнионимами как видами мифонимов связаны еще два разряда ИС, входящих в периферийную зону онимического пространства анализируемых романов В.И. Костылева. Так, проявляют православие как религиозную составляющую духовности русского народа и других этносов Поволжья геортонимы – ИС «любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля» [Подольская 1988: 45]: *Цветное (Вербное) воскресенье* – обиходное наименование праздника, где опорным компонентом является существительное *воскресенье* ‘день недели’, а определяющими словами – препозитивные прилагательные *Вербное* и *Цветное*; другое именование этого праздника в романе «Кузьма Минин» – *Вход в Ерусалим*. Автор описывает события борьбы против польской интервенции в Смутное время, и один из событийных моментов связан с геортонимом *Вербное воскресенье*. В 1611 году патриарх Гермоген по обычаю того времени совершил торжественное шествие, во время которого он сидел на осле: «*В этот день Вербного воскресенья, семнадцатого марта, московские жители еще нагляднее показали свое единомыслие. На Пожар-площади, кроме духовенства, кремлевских дворян, польских и немецких латников, не было ни души. Выехав на площадь на своем «осляти», которого вели поочередно бояре, патриарх Гермоген сразу увидел, как он одинок. Около него были попы, служилые люди и поляки. Народ, к которому он хотел обратиться с призывной речью, отсутствовал*» [Костылев 2012: 92-93]. В конце XVII века этот обычай исчез. Автор употребляет название другого православного праздника – *Красная Горка* (справлялась в первое воскресенье после пасхи), иллюстрируя народный русский обычай периода свадеб: «*Придет "красная горка" – все одно женюсь на тебе*». «*Свадьбу решил Филька справить на Красной горке*» [Костылев 1993 б: 364].

Геортонимы, встречающиеся в произведениях В.И. Костылева, являются простыми производными от официальных названий праздников и служат дополнительными ориентирами во временном пространстве, помогают следить за разворачиванием исторических событий, поскольку даты в романах встречаются редко. В.И. Костылев употребляет в своих романах такие названия православных праздников, как *Покров*, *Спас* («*Медовый Спас*», *первый Спас*), *Благовещение*, созданные на основе апеллятивов, подвергшихся онимизации, «без дополнительных дифференциаторов и определителей» [Бугаева 2010: 36]. Автор ни разу не употребляет полных названий церковных праздников, так как употребляются они в основном в речи персонажей.

Общеизвестно, что в христианизации и в целом славянизации Поволжья большую роль сыграли монастыри, поэтому естественно, что в рассматриваемых романах представлены *экклезионимы*, причем связанные именно с православием, хотя содержание термина *экклезионим* шире: это – «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии, в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [Подольская 1988: 149]. В романах автор употребляет большое количество именовании монастырей, церквей, храмов, а также названия нескольких обителей, одной лавры, двух скитов, отражая тот факт, что церковь принимала активное участие в жизни страны, являлась связующим звеном во многих исторических событиях. В.И. Костылевым называются: монастыри – *Оранский*, *Чудов*, *Макарьев-Желтоводский*, *Печерский*, *Девичий монастырь Зачатия* («*Жрецы*»); *Макарьев*, *Муромский*, *Печерский*, *Крестовоздвиженский*, *Благовещенский*, *Духов*, *Спасский Девичий*, *Девичий монастырь Зачатия* («*Питирим*»); *Чудов*, *Ипатьевский*, *Ивановский*, *Воздвиженский*, *Благовещенский*, *Андроньев*, *Духовский*, *Девичий*, *Троице-Сергиев*, *Покровский*, *Девичий-Георгиевский*, *св. Саввы* («*Кузьма Минин*»); соборы – *Покровский* («*Жрецы*»), *Духов*, *Троице-Сергиев*, *Спасо-Преображенский* («*Питирим*», «*Кузьма Минин*»), *Благовещенья*, *Архангельский* («*Питирим*»), *Михайло-Архангельский* («*Кузьма Минин*»); церкви – *Похвалинская*, *Предтеченская*, *Казанская*, *Ильи Пророка*, *Всех святых*, *Покрова (Василия*

Блаженного) («Кузьма Минин»), *Рождества*, («Питирим»); храмы – *"Рождества Иоанна Предтечи"* («Питирим»); лавры – *Троице-Сергиева* («Кузьма Минин»); скиты – *Шарпанский* («Жрецы»), *Оленевский* («Питирим»); обители – *Макарьева* («Питирим»), *Оранская*, *Макарьевская Желтоводская* («Жрецы»).

Экклезионимы в романах автора, как правило, представлены двухкомпонентными словосочетаниями, такими, как *Макарьев монастырь*, *церковь Рождества*. Использование автором разговорных форм экклезионимов (*Илья Пророк*, *Крестовоздвижение*, *Покров*, *Иван Великий*) требует от читателя для понимания их употребления знания культуры и истории страны. Они встречаются как в речи персонажей: «С *Благовещенского собора да с Крестовоздвиженья колокола уже стянули на пушки*» [Костылев 1993 б:123], «Еще понастроят, а вот *Успенского собора, да Ивана Великого, да Покрова не построишь*» [Костылев 2012: 369], так и в авторской речи: «Вот уж не только *Илья Пророк, но и Казанская, и Предтеченская, и другие окрестные церкви забили в колокола*» [Костылев 2012: 157].

Таким образом, на периферии онимического пространства художественной картины мира, представленной в романах В.И. Костылева, доминируют ИС, связанные с ее религиозной составляющей. Они имеют значительную функциональную нагрузку, отражая этап формирования этнической духовности на базе православия, способствующего единению народов Поволжья и всей Руси, России.

По сути дела, можно говорить о том, что антропонимы религиозного компонента языковой картины мира, занимающие в узусе периферийного онимического пространства в художественной картине мира, созданной В.И. Костылевым, тяготеют к центру в силу своей функциональной нагруженности, идейно-тематической обусловленности.

3.4. Этническая составляющая онимического пространства романов «Питирим», «Жрецы», «Кузьма Минин»

В.И. Костылев употребляет в романах как *собственно этнонимы*, обозначающие реальные этнические общности, так и *псевдоэтнонимы*, обозначающие общности других типов (классификация М.А. Членова). *Истинные этнонимы* выполняют ключевую функцию при создании многоликой полиэтнической картины края в эпоху, охватывающую исторические события XVII – XVIII веков в России, подчеркивают полиэтнический характер территории. Данное обстоятельство проявляется даже в отдельных текстовых фрагментах, зарисовках. Так, в романе «Кузьма Минин»: *«Пожарский решил собрать ополченцев. Пестрая, рваная, полураздетая толпа сошлась на базарной площади. Тут и русские, и украинцы, и татары, мордва, чувашки, черемисы, вотяки»* [Костылев 2012: 181]; в романе «Жрецы»: *«Чувашки, черемисы и мордва после смерти Питирима вышли из повиновения, приободрились, стали гнать дубьем от себя попов и бродячих архиерейских проповедников»* [Костылев 1993 в: 17]; в романе «Питирим»: *«Снова бунт хотят поднять там. А главное – мордва, чувашки и прочие иноверцы за них»* [Костылев 1993 б: 231].

Автор вводит устаревшие этнонимы или их формы *вотяки, черемисы, татарове, черкасы* и т. д.), которые сейчас можно встретить лишь в летописях, исторических актах или исторических романах. Писатель в этом случае использует исчезнувший этноним для достоверности описания эпохи. Примечательно, что этнонимы в романах В.И. Костылева функционируют в формах множественного числа или единственного числа мужского рода при отсутствии форм женского рода, за исключением номинанты *мордовская девушка Мотя*. Такая гендерная избирательность обусловлена активностью в освободительной борьбе именно мужчин.

Этнонимы	Представитель народа, народности
в романе «Кузьма Минин»	
<i>Вотяки 3</i>	-
<i>Литовцы 4, литва 1</i>	<i>Литвин 2</i>
<i>Мордва 8</i>	<i>Мордвин 15</i>
<i>Немцы 16</i>	<i>Немец 3,</i>
<i>Поляки 100</i>	<i>Поляк 4</i>
<i>Русские 9, россияне 2, русский народ 6, русские люди 1</i>	<i>Русский 1, россиянин 1</i>
<i>Татары 22, татарове 3</i>	<i>Татарин 3</i>
<i>Черемисы 6, черемисия, черемисе 1</i>	<i>Черемис 1</i>
<i>Черкасы 6, украинцы 6</i>	<i>Черкас 1, украинец 3</i>
<i>Чуваши 17, чуваше 1</i>	<i>Чувашин 3</i>
<i>Шведы 6</i>	<i>Швед 3</i>
<i>Башкиры, калмыки, киргизы, хохлы, турки, румыны, марийцы, удмурты, евреи по 1 разу</i>	
в романе «Питирим»	
<i>Татары 3</i>	<i>Татарин 3</i>
<i>Мордва 16, мордвины 1</i>	<i>Мордвин 5</i>
<i>Чуваши 5, чувашины 2</i>	<i>Чувашин 2</i>
<i>Черемисы 4</i>	-
<i>Цыгане 1</i>	<i>Цыган 93</i>
<i>Шведы 3, немцы 1, литовцы 1, евреи 1</i>	
в романе «Жрецы»	
<i>Башкиры 10</i>	<i>Башкирец 10, башкир 2</i>
<i>Евреи 15</i>	<i>Еврей 36, еврейка 4</i>
<i>Иудеи 6</i>	<i>Иудей 1</i>
<i>Жиды 2</i>	-
<i>Мордва 290</i>	<i>Мордвин 55, мордвинушка 2</i>
<i>Немцы 34</i>	<i>Немец 39, немчин 4</i>
<i>Русские 15, россияне 2, русские люди 4, русский народ 6</i>	<i>Русский 20, россиянин 1</i>
<i>Татары 16</i>	<i>Татарин 5</i>
<i>Терюхане 44, терюханская мордва 4</i>	<i>Терюханин 1</i>
<i>Цыгане 1</i>	<i>Цыган 74</i>
<i>Черемисы 20</i>	<i>Черемис 1</i>
<i>Черкасы 2, украинцы 1</i>	-
<i>Чуваши 8, чувашины 1</i>	<i>Чувашин 7</i>
<i>Англиканы 1, французы 1, поляки 3, шведы 3, калмыки 3, хохлы 1, турки 1</i>	

Относительно небольшое количество употреблений в текстах романов В.И. Костылева этнонимов *русский, русские* объясняется доминированием русского населения и на фоне этого доминирования представленность других этносов более выражена.

Этническую составляющую онимического пространства романов «Питирим», «Жрецы», «Кузьма Минин» наполняют этноантропонимы и этнотопонимы.

○ *Этноантропонимы*

Структуры именований представителей разных этносов в романах В.И. Костылева представлены однокомпонентными и двухкомпонентными единицами: именованиями, говорящими об этнической принадлежности, в том числе русскими мирскими и каноническими личными именами, при этом для людей простого сословия применяются одно- и двухкомпонентные именования.

В «Питириме» и «Жрецах» употребляются личные имена и фамилии представителей мордвы. Это связано с тем, что действие романов происходит в XVII и XVIII веках, в Нижегородской губернии, которая была местом расселения финно-угорских этносов (здесь вплоть до начала второго тысячелетия самым обширным этносом была мордва). В период XVI и XVII веков шла активная христианизация мордвы, которую начал Иван Грозный и продолжил Петр I. С середины XVI века «мордва окончательно вошла в состав русского государства, начинается процесс ее слияния с русской народностью. Первым средством к этому было обращение ее в христианство» [Смирнов 1895: 92]. Однако русские дохристианские имена появились в мордовской среде гораздо раньше, примерно с конца X века, когда началось проникновение славян на территорию Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья.

В романах «Питирим» и «Жрецы» употребляются следующие именования мордвинов:

– *Несмеянка Кривов* (историческое лицо) – двухкомпонентное именование, состоящее из популярного среди мордвы нехристианского древнеславянского личного имени *Несмеянка* и фамильного прозвания. Ср.: «Главный виновник

бунта Несмеялко Кривой увезен был в Москву и сожжен в срубе живым» [Кузнецов 1912: 54]. Ср.: *Несмеян* – популярное русское нехристианское имя среди мордвы в XVII веке: «Постоянное соседство мордвы со славянами, а потом русскими привели к тому, что еще среди «языческой» мордвы стали распространяться древнерусские «языческие» же имена, которые, несмотря на крещение, начавшееся в 988 году, не выходили из употребления. Из русских нехристианских имен наиболее популярными у мордвы были: <...> *Дружина*, <...> *Несмеян*, <...>» [Статейнов 2011: 126] и др. Двухкомпонентное именование персонажа состоит из личного неканонического имени и фамилии, которая преобразована из прозвища В.И. Костылевым, потому что, как мы видим, реальный человек носил личное имя *Несмеялко* и прозвище *Кривой*. Дважды автор употребляет трехкомпонентное именование для этого персонажа – *мордвин Несмеянка, Васильев сын, Кривов* и другой его вариант – *Несмеянка Васильев Кривов*. От древнеславянского имени *Несмеян* при помощи форманта *-ко*, *-кабыла* образована трансформация *Несмеялко(а)*. «В мордовских языках существовал финно-угорский формант *-ка* из *-кка* в значении ограничительности, принадлежности к определенной группе (на него указал Б.А. Серебренников), с ним смешался заимствованный русский суффикс *-ка*» [Никонов 1988: 129];

– *Федор Догада* (историческое лицо), новокрещенец-мельник, и мордовский певец *Иван Рогожа* – двухкомпонентные именования, состоящие из канонических, принятых при крещении личных имен *Федор*, *Иван* и прозваний *Догада* и *Рогожа*. *Догада* – древнерусское личное имя и его варианты *Догад*, *Догадко* “догадливый, сметливый” [Баженова 2006: 147] стало основой прозвания. Прозвание *Рогожа* произошло от слова *рогожа* “ткань волосяная” [Даль 1995: т. 4, 96];

– *Мазоват (Нарушев)* – личное имя *Мазоват* включает корень *-маз-*, означающий “краса, красивый”, ср.: женское мордовское имя *Мазава* (красивая). «Имен, которые давались молодушкам, – констатировал М.Е. Евсеев, мордовский ученый начала XX века, – у эрзи было шесть: *Мазава* (красивая женщина) <...>» [Мордовские ...: электр. рес.]. Мужское имя *Мазоват* не

зафиксировано в списках мордовских имен Н.Ф. Мокшина, А.П. Статейнова, В.А. Никонова и др. Что касается имени или прозвища *Наруш*, то, возможно, в его основе лежит заимствованное из персидского языка слово *nar* – мужественный, храбрый, от данной основы *nar* + -уś образуется ласкательная форма *Naryś* [Баскаков 1979: 102]. В пользу этой этимологии говорит совпадение гласных и согласных в составе этимона и фамилии *Наруш+ев*, где -ев – характерный русский суффикс в составе мордовских фамилий. Ср.: *Наруш* / *Нарыш* – от *нарамс* ‘стричь’ или *нар* ‘дёрн’ [Мужские имена эрзян: электр. рес.];

– *Петруня Танзаров* – двухкомпонентное именование, состоящее из ст.календ. личного имени *Петруня* от *Петрун* [Суперанская 2005: 272] с характерным для мордовских имен формантом -я и прозвания *Танзаров*, в котором нет мордовских корней. Возможно происхождение этой фамилии от татарского личного имени *Тансар* (*Тансары*) “свет утренней зари” [см.: Галиуллина 2008: 202];

– *Турустан Бадаев* – двухкомпонентное именование, включающее имя, по аналогии с мордовскими именами на -ан (*Туштан*), и фамилию от прозвища *Бадай* “повеса” [Федосюк 2002: 24];

– *Тамодей Чинаев, Сустат Пиюков, Лобка Чанаев, Ишта Ортин, Сеска Китаев, Есмук Надеев, Нардян Кажаяев, Сеся Петров, Дружинка Мясников* – двухкомпонентные именования, состоящие из мордовских дохристианских личных имен *Тамодей, Сустат, Сеска, Нардян*, личных дохристианских русских имен *Дружинка, Лоб* [Тупиков 1903: 229], нехарактерного для мордовского именования личного имени *Ясмук* (чечевица) и прозваний с русскими формантами -ев и -ов, имеющих мордовские корни. Личное имя *Сустат* происходит из староэрзянского *сустамс* «шить». Личное имя *Нардян* происходит из староэрзянского «крепкий, прочный», *Сеска* (*Сеся*) – возможно, от *сеське* “комар” [Мужские имена эрзян...: электр. рес.]. Личное имя *Ишта* не встречается среди мордовских имен и не характерно для мордовского именования. Это личное имя ближе к башкирским именам. Ср.: *Иштуган, Иштимир*, где *иш* означает “друг, товарищ” [Кусимова 2005: 55]. Фамилии *Чинаев* и *Пиюков*, возможно,

имеют происхождение из прозвищ от мордовского слова *чиней* «вонючий, пахнущий» [Цыганкин 2004: 406] и слова тюркского происхождения *пиюк* «сын врага» [Адыгские ...: электр. рес.]. Фамилия *Кажаяев*, возможно, произошла от личного дохристианского имени *Кажара* [Морошкин 1867: 96] или тюркского личного имени *Кожай* [Баскаков 1979: 204]. Фамилия *Ортин* образована от *Ортя* – *Артамон* [Леонтьев 2000: 48]. В романе «Жрецы» *Несмеянка Кривов* в борьбе против существующего режима, против непомерных податей опирается на возмущение терюхан насильственным введением христианства и старается привлечь на свою сторону «жрецов» мордвы – *Тамодея* (антропоним в тексте встречается 17 раз) *Чинаева* (1 раз) и *Сустата* (антропоним используется 38 раз в тексте) *Пиюкова* (41 раз): «Постоянным головою молян у терюхан был не кто иной, как Тамодей Чинаев. <...> Священнодействовал на молянах главный жрец – возатя. По указанию Тамодея возатей был выбран Сустат Пиюков» [Костылев 1993 в: 81]. Автор сам вносит пояснения мордовской языческой терминологии: «Прявт (собственно значит "голова") не был жрецом. Он не приносил жертв, не возглашал молитв, но был старшим из предстоявших на молитве. Главный жрец на общественных молениях у эрдзядов и терюхан назывался возатя; он читал молитвы, он распоряжался и жертвоприношением» [там же: 447].

Этническими знаками является и антропонимы (персонимы) представителей чувашского, башкирского, черкасского, татарского этносов в романе «Кузьма Минин».

Имя представителя чувашского этноса – *Пуртас* в романе «Кузьма Минин» употребляется 12 раз: «Весело приветствовал он рукой Пуртаса, сидевшего на низенькой волосатой лошаденке впереди чебоксарских всадников. Пуртас был храбрый и умный воин» [Костылев 2012: 258]. Именование персонажа *Пуртас*, вероятно, образовано автором из этнонима *буртас* (*партас*). Ср.: «В летописях Пургас – мордовский князь, 1228 г.» [Веселовский 1974: 261]. «Буртасы, партасы – народ (племя) <...> на Правобережье Волги. Исследователи А.П. Смирнов, П.Н. Третьяков и другие разделяют мнение, что часть буртасов была ассимилирована булгарами и влилась в 13-14 вв. в состав формирующегося

чувашиского этноса» [Чувашиская энциклопедия... 2006: 265]. В романе «Жрецы» писатель напрямую дает имя персонажу – представителю чувашиского этноса от этнонима *буртас*: «В Терюшево с поля битвы явился раненый ватажник чувашиин *Буртас*» [Костылев 1993 в: 281].

Представитель башкирского этноса имеет однокомпонентное именование – *Хайридин*. Автор употребляет этот этнический персоним 40 раз: «*Хайридин не захотел жить в неволе у царских купцов и ушел на Волгу*» [Костылев 1993 в: 101] «Хайретдин – арабский – *хайри* – добро, благодеяние + *-дин* вера, религия» [Кусимова 2005: 114].

Украинский (черкасский) этнос представлен в романе «Кузьма Минин» персонажем с именованием *Зиновий* (встречается в романе 34 раза). Личное имя *Зиновий* каноническое и давалось при крещении. Поскольку Зиновий является одним из самых распространенных украинских имен: Захар, Зенон, Зіновій, Зорян, Зосим, Зот [Скрипник 2005: 60], то выбор автора оправдан.

Татарский этнос представлен либо личными именами, например, *Абдул*, из арабского “слуга, раб Божий”, *Ахмет* – из тюркского “похвальный”, *Юсуф* – из др.-евр. “Бог преумножит”, в русском языке Иосиф, Осип [Баскаков 1979: 31,114], либо фамилиями, например, *Байбулатов* – *бай* из тюркского “богатый” [там же: 32] и “нецерковного мужского личного имени *Булат*, в прошлом частого у татар, от персидского *булат* «сталь»» [Никонов 1974: 21], *Гиреев* – фамилия произошла от *Гирей*, имени династии крымских ханов [Унбегаун 1989: 293]. В романе употребляется именование исторического персонажа – *Дмитрий Мамстрюкович Черкасский*, боярин и московский воевода. «Татарское его имя было Каншов-мурза; отец его – известный князь Мамстрюк Темрюкович Черкасский» [Русский...1910: 210]. Фамилия *Черкасский* «произошла от укоренившегося в средневековой литературе названия северокавказских адыгейских племен – черкесов (черкасов в русских источниках) [Славянская ... 2003: 626].

Этноним *еврей* через церковнославянский язык восходит к греч. эбрайос (“еврей”), в свою очередь восходящему к ивритскому *иври* (“перешедший через что-либо”). Русский этноним *еврей*, как и однокоренные англ. *Hebrew*, франц.

Hebreu, нем. *Hebraer*, относится к книжной библейской традиции. В исторических документах эпохи, описанной в романе, этноним *еврей* не употребляется. Вместо него встречается другое название этноса – *жид*. Русское *жид* было заимствовано из польского языка и «с середины 19 века превратилось в уничижительное или архаичное обозначение евреев» [Членов 1994: 152]. Видимо поэтому автор вводит в текст романа этноним *еврей*. *Жид* употребляется дважды в романе. Один раз в разговоре Шувалова с Елизаветой I: «– На Гостином дворе... *Жиды* привезли... *Купцы* ихние... И такую же именно *табакерку* видели мои сыщики у известного вам *лейб-компанца* *Грюнштейна*... *еврея*...» [Костылев 1993 в: 140] и в указе Елизаветы I о высылке «как из великороссийских, так из малороссийских городов, сел и деревень всех *жидов*, какого бы кто достоинства и звания ни был, со всем их имением за границу и о невпуске оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять христианскую веру греческого исповедания» [Костылев 1983 б: 141]. Ср.: «О высылке как из Великороссийских, так и из Малороссийских городов, сел и деревень, всех *Жидов* <...>, кроме желающих принять Христианскую веру Греческого вероисповедания» [Леванда 1874: 17]. Евреям, принявшим православную веру, разрешалось остаться – указ основывался не на национальной нетерпимости а, на религиозной, которая к русским старообрядцам была еще сильнее. А.И. Солженицын считал, что указ императрицы остался «неисполненным или мало исполненным» [Солженицын 2001: 28]. В.И. Костылев употребляет этноним *иудей* (7 раз), не акцентируя внимание на том факте, что *еврей* – это этнический термин, а *иудей* – религиозный, хотя это различие имеет в виду: «Нельзя вступать в законный брак с лицами иноплеменными по вере, какой бы красоты они ни были, – ни с язычниками, ни с мухометанами, ни с *иудеями*» («Жрецы») [Костылев 1983 б: 242].

Еврейские личные имена представлены одно- и двухкомпонентными именованиями персонажей еврейского этноса, в частности:

– имя некрещеного еврея – *Залман Гринберг*, имена его детей – *Рувим* (*Рувимка*) и *Рахиль* («Жрецы»), имя крещеного еврея «лейб-компанца» – *Юрий*

Грюнштейн («Жрецы»), участника бескровного дворцового переворота времен Елизаветы I.

Двусоставные фамилии *Гринберг* и *Грюнштейн* имеют в первой основе слово “зеленый” от идишского слова *грин* и от немецкого слова *grün*.

Вторую основу фамилии *Гринберг* составляет слово “гора” от немецкого *Berg* “зеленая гора”. Б.О. Унбегаун относит фамилию *Grünberg*, которая образовалась от прозвища, и к идиш, и к немецкому языку [Унбегаун 1989: 266]. «Четкой разделительной линии между элементами идиш и немецким нет, так как первый возник на основе средневековых немецких диалектов, в основном рейнских <...>. Такая близость позволяла легко адаптировать немецкие имена к произношению идиш» [там же: 255-256]. Изначально фамилия *Гринберг* произошла от названия населенного пункта Грюнберг [см.: Происхождение фамилии Гринберг: электр. рес].

Вторую основу фамилии *Грюнштейн* составляет слово “камень” от немецкого *Stein* [см.: Происхождение фамилии Грюнштейн: электр. рес]. Личное имя *Юрий*, вероятно, было принято Гринштейном при крещении в православную веру.

Употребление автором еврейских именований отражает положение еврейского этноса в России, как в высших слоях общества, так и среди простого народа. Бригадир *Юрий Грюнштейн* (исторический персонаж) – находился в ближайшем окружении императрицы, пользовался ее благосклонностью, ради этого принял православие, но, как и многие русские царедворцы, в какой-то момент попал в немилость. Более того, автор связывает указ императрицы о высылке евреев из России с интригами вокруг Грюнштейна: «Вельможи-сенаторы, возглавлявшие "русскую партию", вели в кибитках секретный разговор о необходимости начать самую жестокую борьбу с лейб-компанией<...>. И главный из них, самый упрямый и смелый – нахальный красавец еврей Грюнштейн. Царица явно ему покровительствует. Этому надо положить конец. Мыслимое ли дело, чтобы еврей в коронационных торжествах всюду красовался в списке

почетных родовитых офицеров, сопровождавших царицу?» [Костылев 1993 в: 118].

В.И. Костылев вводит в сюжет романа «Жрецы» представителей еврейского этноса из простого народа – *Залман Гринберг*, его дети *Рувим* и *Рахиль*, против которых также был направлен указ Елизаветы I: «Вчера один русский мелкий торговец потихоньку передавал Залману, что в Нижний пришел какой-то приказ против евреев» [там же: 141]. Этим приказом незамедлительно воспользовался именитый купец *Филип Рыхловский*, уничтожив тем самым своего врага по торговле – нижегородского меховщика *Гринберга*. Автор описывает смерть еврея и его посмертное крещение представителями власти: «В это время к умирающему подошли два солдата и поп, который достал из-под своего балахона большой крест и Евангелие и скороговоркой стал читать отходную Залману. Затем перекрестил его и достал из кармана привязанный на веревку нательный крест. Солдаты приподняли Гринберга... Поп намеревался накинуть петлю с крестом на его шею. Вдруг Штейн сорвался со своего места и, оттолкнув попа, пронзительно выкрикнул: – Прочь, негодяй! Прочь! <...> поп тем временем торопливо надел на Залмана крест. Утром тюремный поп донес епископу: "Колодник Захар Гринберг умре по-христиански" [Костылев 1993 в: 214]. После его смерти его детям *Рувиму* и *Рахили* ничего не оставалось, как перейти на сторону восставшей мордвы: «Сын-то его *Рувим* в шайке разбойников самый грамотей, и писарем там он у них состоит» [там же: 202].

Личное имя *Рувим* образовано от ст.календ. *Рувин* – из др.-евр. *рэу-бен* “смотрите – сын!” [Суперанская 2005: 288]. Автор употребляет русифицированный вариант личного имени *Рувим* – *Рувимка*, образованного при помощи русского форманта *-ка*. Личное имя *Рахиль* образовано из греч. *Рахель*, от др.-евр. *рахел* “овечка” [там же: 428]. Личное имя *Залман* произошло в средние века, является производным от имени *Шломо* [Словарь личных ...: электр. рес.].

К однокомпонентным именованиям представителям немецкого этноса относятся:

– *Штейн*, *Лютер* («Жрецы»), *Штроус* («Кузьма Минин»). Немцы поселились в Нижегородской губернии издавна, чему есть подтверждение в Писцовой и переписной книге 1621 года: «дворишко Немчина Мартынка Олитова, истари Неметцкое место <...> иноземцовъ, Литвы и Немець, на той Благовещенской земле <...> за старымъ острогомъ двory Немецкихъ людей» [Писцовая ...1896: 166,353,354]. Именование прусского подданного, заводчика и купца немца Штейна (от нем. Stein “камень”) в романе «Жрецы» употребляется 96 раз. Он, так же, как и еврей Гринберг, попадает в немилость к властям и впоследствии уходит к повстанцам. В именовании *Лютер* присутствует ассоциация с именем немецкого реформатора Мартина Лютера (от германского имени *Luther*, которое восходит к *liut* “люди, племя” и *heri* “армия” [Hanks, Hodges: электр. рес.]). Испытывая гонения со стороны властей, Штейн, на глазах которого погиб Гринберг, после того как его выпустили из тюрьмы, берет на себя заботу о его дочери: *«Я тайно увезу тебя в вотчину господина Лютера, что в Девичьих Горах, между Сергачом и Лукояновом... Лютер близок канцлеру и состоит под личной опекой нашего короля Фридриха... Никто не посмеет вторгнуться туда. Об этом знают все начальники Казанской и Нижегородской губерний»* [Костылев 1993 в: 235]. Совпадение именования исторического лица и вымышленного автором персонажа указывает на то, что автор употребляет именование образно, как фамилию немца-лютеранина. Лютеране жили во многих городах России, а с 1580 года в Нижнем Новгороде существовала постоянная община с собственным проповедником. С 1622 года в Нижнем Новгороде в собственном доме постоянно жил лютеранский пастор [Бойченко: электр. рес.].

Писатель использует именование исторического персонажа капельмейстера *Штроуса* (нем. Strauß, Strauss) так, как оно зафиксировано в историческом документе: «Всенижайше вашего величества всемилостивейшей государыни императрицы прошу меня нижайшего милостиво указать принять и определить в службу вашего величества музыкантом против протчих: вашего величества нижайший раб музыкант андреяс Георгий Штроус февраля дня 1724 Году. <...> Что вышеписанной музыкант Андреяс Георгий Штрауз с нами в музыкантах быть

достоем и на всех инструментах играет засвидетельствуем» [Порфирьева 1975: 181]. Музыкант Штроус (Штраус) был известен в Петербурге как “Юрья Штраус”. «По своем восшествии на престол Елизавета сделала Штрауса капельмейстером придворной капеллы» [там же: 181]. Три значения немецкого слова *Strauß* могли стать основой фамилии Штроус (Штраус): *Strauß* “букет”, *Strauß* высок.устарев. ”бой”; ”поединок”, *Strauß* “страус” (*Struthio* с латинского). Разница в написании *Штроус* – *Штраус* могла быть связана с особенностями передачи в устной речи в русском языке иностранного имени. Автор выбрал вариант Штроус, тем самым, отличая его от традиционного варианта написания немецкой фамилии Штраус в русском языке. На примере функционирования фамилии Штраус в русском языке мы можем наблюдать процесс перехода безэквивалентного, малоизвестного иностранного имени собственного в имя, имеющее постоянное соответствие в русском языке, когда «окказиональный эквивалент перешел в узуальный» [Бархударов 1975: 94].

Польский этнос представлен в романе «Кузьма Минин» однокомпонентными именованиями: *гетман Жолкевский, пан Гонсевский, Лисовский, пан Доморацкий*. Это фамилии персонажей, не являющихся русскими подданными. Такие иноязычные фамилии позволили автору создать собирательный образ польских захватчиков. Для указания этнической принадлежности автор употребляет слово *пан* в значении господин. Однако употребление В.И. Костылевым слова *пан* в сочетании с русскими личными именами придает иронический оттенок описанию восхождения на престол королевича Владислава, сына Сигизмунда и отражает особенности периода междуцарствия в России: «*Пан Михаил (Салтыков)*» «*пан Хворостинин, «печатник Грамотин», «пан князь Мещерский», «пан Иван Зубарев», «пан Чичерин», «пан Грязной», «пан князь Масальский», паны «Иван Иванов, сын Юрьев да Кирилл Сазонов, сын Коробейников*». Ср.: распределение должностей московской администрации в 1610 году: “Лист на уряды: пану Ивану Мих. Салтыкову на приказ Стрелецкий; кн. Юрью Дм. Хворостинину на приказ Пушкарский; <...> кн. Ф. Мещерскому в Большой Приход; Ив. Зубареву на

приказ на Земский Двор; И. Чичерину на дьяковство думное в Поместный приказ; <...> Т.В. Грязнову на приказ Монастырский; Ивану Иванову сыну Юрьеву да Кириллу Созонову сыну Коробейникову дано дьячество на Казенном Дворе; кн. В.М. Масальскому на дворчество» [Платонов 1994: 303].

Некоторые именованья в связи с усилением связей между разными этническими группами в XV – XVI веках имеют неясную этимологию и могут восходить к разным языкам – польскому, литовскому, белорусскому, украинскому. В романе «Кузьма Минин» к ним относятся:

– *Николай Струсь* от укр. *струсь*, польск. *strus* “страус” [Фасмер 1996: т.3,785];

– *Самуил Маскевич* (*Maskiewicz*, поручик польского королевского гусарского полка), *Маскевич* – фамилия белорусского происхождения и ее вариант *Москович* от личного имени *Моска* [Бірыла 1969: 287];

– *Хоткевич* (гетман) – уменьшительное *Хатко* от *Хота*, от *хотеть* [Бірыла 1969: 433], от древнерусского личного имени *Хот*, *Хотко* – [Тупиков 1903: 417, 809]. Образование фамилий на *-ич*, наиболее распространенных в белорусском языке, показал Н.В. Бирилло на многочисленных примерах трехкомпонентных именованний (типа *Богдан Сенкович Страцевич*, 1528 г.) с патронимичной формой на *-ович* (*-евич*), *-ич* (*-инич*) [Бірыла 1966: 295];

– *Осип Будила* (хорунжий), *Юзеф Будзило*. Личное имя *Осип* (*Юзеф*) происходит от др.-церк. *Иосиф* “Бог прибавит” [Суперанская 2005: 198]. Фамилия *Будила* произошла от прозвания *Будзіла*, которое восходит к *будило* ‘кто будит, не дает спать’ [Даль 1995: т.1, 136]; русск. фамилия в XVII веке – *Будило*, *Будилко* [Тупиков 1903: 67]; белорус. фамилия *Будзіловіч* в XVI – XVII веках [Бірыла 1969: 64]. В Писцовой и переписной книге XVII века по Нижнему Новгороду также встречается именованья *Будило* (*Будилка*) в качестве личного имени и фамилии: «Литовськіе полоняники Будило с товарищи», «посадцкого человека Будила Лукьянова сына Парасытова», «дворишко Будилка Пароеньева» [Писцовая ...1896: 69, 157, 186].

○ *Этнотопонимы*

В 1895 году И.Н. Смирнов высказал мнение о том, что «если мы, установивши типы мордовских названий, обратимся к карте для того, чтобы на основании их определить более точным образом границы Мордвы, то нас поразит то обстоятельство, что типических названий селений донельзя мало, а названия вод относятся все к мелким речкам. Ни одна более или менее крупная река в пределах губерний Нижегородской<...> не носит типичного мордовского названия <...> Ока, <...> Кудьма в Нижегородской, Сура в Симбирской – чужды мордовскому языку по своему составу, а главным образом по окончаниям» [Смирнов 1895: 7].

Сами гидронимы, их этимология говорят об этническом составе населения края во время, изображенное в романе.

В современной топонимике существуют разные мнения по поводу происхождения рек Нижегородской области. Так, некоторые исследователи гидроним *Волга* считают славянским по происхождению, от слова *влага* – *волога* (в верхнем течении она протекает среди болотистых, увлажненных мест), отсюда и *волглый* в смысле "влажный" [Морохин 1997: 77, 13; ср.: Русинов 1994: 57-58]. Отмечается также, что «в областях с пестрым этническим населением, говорящим на разных языках, может быть местная синонимическая номенклатура: р. Волга в мордовском – Ра, в тюркском – Итиль, в марийском – Йул» [Мурзаев 1979: 14; ср.: Морохин 1997: 77; Русинов 1994: 57]. Гидроним *Волга* также исторически связывается с марийским словом *волгыдо* "светлый"; есть версия и о его балтийском происхождении [Русинов 1994: 57-58]; как уже сказано, соотносится он и с известным мордовским названием реки в древности – Ра, «это же происхождение имеет и современное мордовское название Волги Рав, Рава» [Поспелов 1998: 102]. Ср.: Ра «Волга» – греческое иранского происхождения [Русинов 1994: 83].

Название реки *Пьяны*, левого притока *Суры*, часто связывают со словом *пьяный* из-за ее извилистого течения (это сближение есть в романе П.И. Мельникова-Печерского «На Горах») или с преданием о битве 1377 года,

когда «возле современного Сергача большое число русских воинов погибли и будучи пьяными, из-за собственной беспечности» [Морохин 1997: 163]. Однако Н.Д. Русинов сближение гидронима *Пьяна* с апеллятивом *пьяный* считает ложной этимологизацией [Русинов 1994: 57-58] и предлагает сопоставление с таджикским *поёноб* «низовья реки» и санскритским метатезированным *paniua* «вода» [Русинов 1994: 81]. Мордовские топонимисты, в частности Д.В. Цыганкин, считают, что *Пьяна* – «гидроним сложного образования: *пи* является финно-угорским наследием <...>, значение которого соотносимо с самодийским *би* (*бы*) «вода, река» + *яна, янка*.<...> Слово *янка* (*янга*) известно в северорусских говорах в различных, но близких значениях – «болото», «сырое место» [Цыганкин 2004: 286-297].

Существует несколько этимологических версий гидронима *Сура*: от древнемордовского *сар/сур* «развилка, ответвление» [Филатов 1999: 355]; от иранского *суура* – «полынья», от тюркского *су* – «вода» и *ра* – древнего гидроформанта; от чувашского *сюр* – «мутная», ср.: марийское – Шур [Морохин 1997: 182; ср.: Русинов 1994: 83]. Это может быть и мордовское слово, которое означает "просо" (сокращенно от Суралей – Просяная река). В доказательство этого приводится информация о том, что "первой культурой, которую возделывала мордва в присурских местах, было просо" [Трубе 1962: электр. рес.]. Гидроним *Сура* употребляется в романе «Жрецы» 17 раз, указывая на место поселения мордвы и на место действий разбойничьей ватаги атамана *Зари*, например: «*Заря надумал по ту сторону реки Суры, вблизи мордовских деревень, заслон поставить, сторожевую охрану. Она должна служить местом встречи с окрестными жителями, с чувашами и мордвой, и для разведки*» [Костылев 1993 в: 122].

Не вызывает сомнений мордовское происхождение гидронима *Кудьма*: «В основе его лежит мордовское слово *кудо* (дом, жилище); а часть *ма* свойственна многим финно-угорским наименованиям рек, переводится как «земля, край» [Трубе 2000: 28]. В анализируемом произведении гидроним *Кудьма* употребляется девять раз в двух вариантах: *Кудьма* и *Кудьма-река*.

Местность, ограниченная реками *Кудьма*, *Волга*, *Сура*, Окско-Волжско-Сурское междуречье (Мордовская возвышенность) – особая географическая, в целом историко-культурная зона, была заселена с древних времен мордвой, поэтому здесь есть ойконимы мордовского происхождения. Однако уже с конца X века на эту территорию началось проникновение славян, усилившееся в феодальный период. Применительно к XVIII веку, к периоду, изображенному в романе В.И. Костылева «Жрецы», следует говорить о смешанной демографической картине, в основном о русско-мордовском этническом составе населения края. Об этом свидетельствуют и ойконимы, точнее их разновидность – комонимы (названия сельских поселений, в отличие от городских). На территории, где протекает река *Кудьма*, расположены встречающиеся в романе села *Большое Терюшево*, *Сарлеи(й)*, *Большое Сескино*, *Суроватиха*, *Арманиха*, *Вармалей*, *Лубяницы*, *Березняки* и др. Для названия жителей упомянутых населенных пунктов писатель использует этнонимы *мордва*, *терюхане*, *терюханская мордва*. *Терюхане* – как этнографическая группа сформировалась из родов обрусевшей мордвы в Терюшевской волости Нижегородского уезда Нижегородской губернии (современного Дальнеконстантиновского района), и которая на сегодняшний день уже не существует. Термин *терюхане* связан с наименованием центра их проживания – села *Терюшева*, происходящего от мордовского языческого мужского имени – *Теряй*, *Терюш* [Морохин 1997: 186]. Здесь мы наблюдаем тот факт, что часто население обозначают по местности, в которой оно обитает. «В семантической классификации топонимов такие названия относят к топографическим; этот термин законно приложить и к этнонимам» [Никонов 1970: 21]. *Терюхане* оказались в изоляции от соседних родственных мордовских племен, проживавших на территории Окско-Волжско-Сурского междуречья, поэтому постепенно обрусели, утратив свой язык, обряды, верования. «До середины XVIII века терюшевская мордва всемерно противилась крещению, что совершенно не мешало ее контактам с православными русскими на бытовом уровне» [Карабельников 2009: 16]. Профессор Н.В. Морохин отметил, что последний старик терюханин, знавший свой язык и обряды, ушел из жизни на

рубеже 1960-х - 1970-х годов, а народность исчезла еще в первой половине XX века. Восстание мордвы 1741-1745 гг. вошло в историю как *Терюшевское*, по топониму *Терюшево*.

Во всех трех романах автор употребляет ойконим *Мурашкино* (5 раз). Это одно из древнейших сел Нижегородского края, которое оказалось в центре многих исторических событий XVI и XVII веков. Во время Петровской эпохи деревоземляная крепость села перестала быть «центром беспокойного края» [Филатов 1999: 205]. Во время описываемых событий в романе это было уже обычное село. «*Крестьяне села Мурашкина навезли ему, еврею, для продажи в прошлом году целые воза рукавиц, тулупов и шапок, <...> Мордва и чувашки, как назло, тоже только Гринбергу и тащат звериные шкуры*» [Костылев 1993 в: 26]. Есть несколько версий происхождения этого топонима. «Первопоселенцами считаются братья Мурашки (или один из братьев Мурашка), имя может быть производным от Мурай (морд.) или Мурат (морд. или тат.). В исторических документах упоминается как владелец территории к юго-востоку от Н.Новгорода Муранчик. <...> Не исключено происхождение от названия р. Мурашки» [Морохин 1997: 137].

В основе базового компонента ойконима *Сескино* лежит мордовское мужское языческое имя *Сеска* “комар” [Морохин 1997: 175]. Он употребляется в тексте произведения девять раз, например: «*Иван Макеев двинулся с женой, сыном и причтом в село Большое Сескино собирать с новокрестьянцев, с русских мужиков и с мордвы языческой деньги, скот и овчины, а буде что подвернется иное – также и то <...>. Дом этот стоял на самой окраине села и принадлежал новокрестьянину мордвину Несмеянке, Васильеву сыну, Кривову*» [Костылев 1993 в: 127].

В составных компонентах *Большое Сескино*, *Большое Терюшево*, *Большое Мурашкино* при базовых компонентах с финно-угорскими корнями зависимый компонент, прилагательное *Большое*, является русским (восточнославянским); кроме того, они включают и русские отфамильные форманты *-ев(о)*, *-ин(о)*, то есть имеют двумерную синкретичность.

Вместо зафиксированного на современной карте топонима *Сарлей* В.И. Костылев употребляет топоним *Сарлеи* (четыре раза), который зафиксирован в списке населенных мест 1859 года [Нижегородская... 1859: 11], что соответствует исторической действительности. Этот вариант функционирует в современной разговорной речи жителей региона.

Топоним *Сергач* имеет несколько версий происхождения названия: от личного имени мордвина-первопоселенца *Саргаса*; от названия речки на дне оврага в центре города, которое могло звучать в прошлом *Сергаса* аналогично *серга* с прибавлением финно-уг. гидроформанта *са/га* – «речка»; или от тюрк. *сары* – «желтый», *агач* – «дерево», так как, кроме мордвы, в окрестностях города *Сергача* и в нем самом с момента основания живут татары; также название *Сергач* может быть связано с престолом церкви *Сергия*: в XVII веке оно было известно как с. Сергеево или Сергачово [см.: Морохин 1997: 174].

Топоним *Ветлуга* восходит к марийскому слову «*вѣтла*, имеющего в переводе два значения: "ветла" и "чайка"» [Трубе 1962: электр. рес.].

Ойконимы *Сарлей* (*Сарлеи*), *Керлей*, *Вармалей* (*Вармалеи*) имеют характерный для мордовского языка компонент *-лей*, означающий «река», «речка». Села, имеющие в своем составе формант *-лей*, возникли при речках, которых в настоящее время может и не быть [Трубе 2000: 24]. Но есть и другой вариант этимологии: от мордовского слова *сэрей* – «высокая» или *сары* – «болотистая» и *лей* – «долина» [Морохин 1997: 171]. Керлей (э.) – «речка, овраг» [Цыганкин 2004: 147]. Ойконим *Вармалей* или *Вармалеи* [Нижегородская... 1859: 13] произошел от эрзянского *варма* – «ветер» и *лей* – «овраг» [Морохин 1997: 70], ср.: от эрзя-моркшанского *варма* – «ветер» [Русинов 1994: 33]. Автор употребляет название села так, как оно зафиксировано на современной карте, а не так, как в списке населенных мест по сведениям 1859 года.

Ойконим *Суроватиха* (употребляется четыре раза) включает в себя славянский формант *-их(а)*, а предсуффиксальная его часть имеет мордовское происхождение: от «мордовского, мужского языческого имени *Суроват*», в народе связывают его со словами *сырой* и *суровый*, что якобы указывает на

особенности места» [Морохин 1997: 182]. Ойконим *Суроватиха* является синкретичным, потому что включает в себя русский формант *-их(а)*.

Таким образом, этническая составляющая онимического пространства романов В.И. Костылева отражает полиэтничность территории, на которой происходят описываемые действия, события.

Использование В.И. Костылевым этнонимных обозначений в целом подчинено идее создания писателем реалистической картины мир, исторической достоверности событий многонациональной освободительной борьбы народов Поволжья в описываемую эпоху.

Выводы

В.И. Костылев вошел в русскую литературу как мастер патриотического исторического романа, поэтический ономастикон которого основывается на исторических антропонимах и реальных географических названиях, характерных для описываемой эпохи. Переплетение реальных, полуреальных и вымышленных антропонимов, географических названий, созданных по общим, узуальным моделям, помогает автору воссоздать исторически достоверную атмосферу жизни русского общества в XVII – XVIII веках.

Стремление писателя к исторической достоверности, к передаче онимических традиций эпохи сказалось на процессе его авторского имятворчества: лишь небольшое количество антропонимов, топонимов трансформировано, придумано самим автором, но по аналогии с исторически достоверными именами и закономерностями, характеризующими общее состояние ономастикона русского народа и других этносов изображаемого периода, в частности на территории Окско-Волжско-Сурского междуречья. Своеобразие индивидуальной художественной картины мира писателя состоит в характере употребления имен собственных как поэтонимов. Большой творческой заслугой автора является умелое сочетание реальных и вымышленных имен в тексте произведений. Смысловая нагрузка онимических единиц в значительной степени определяется контекстом произведения, а в целом – позицией, интенциями, идейно-тематической направленностью творчества писателя.

Ключевыми единицами текстов романов В.И. Костылева являются антропонимы. Участвуя в создании художественной языковой картины мира, они воспроизводят национально-культурное пространство. Функционирование личных имен, фамилий и прозвищ в исторических произведениях писателя отражает особенности исторического развития русского народа и народностей Поволжья.

Наряду с большим количеством именовании персонажей реальных общественных исторических лиц (например, *Иван Грамотин*, *Шереметев Федор Ивановичи* др.) писатель вводит в сюжет романов именовании лиц, известных только в регионе и встречающиеся в Писцовой и переписной книгах по Нижнему Новгороду XVII века, тем самым подтверждая его стремление к исторической достоверности. Таковы именовании: *Ресницын Федор*, *Первушка Карпов* («Питирим»), *Олешка Микитин* («Жрецы») и др.

Употребление автором мирских имен отражает процесс противопоставления официальных и неофициальных форм личных имен, *Ждан Болтин*, *Томила Луговской* и др. Автор использует онимическую формулу: неканоническое имя – фамильное прозвание. В именовании типа *Ждан* (в исторических документах *Корнилий*) *Петрович Болтин* и *Томило* (в исторических документах *Флор*) *Юдич Луговской* именовании отражена типичная для XVII – XVIII веков антропонимическая структура, включающая по два персонима: христианские *Корнилий*, *Флор* и народные, мирские *Ждан*, *Томило*. Употребление мирских имен в романах подтверждает неустойчивость онимической системы XVII – XVIII вв.: использование их наряду с каноническими именами, при чем часто на втором месте, после канонических персонимов, тем самым отражает процесс вытеснения мирских имен христианскими как ступень формирования прозвищ на базе мирских имен (*Любимка*, *Лобка*, *Несмеянка*, *Обрезка* и др.).

Русский язык подверг канонические личные имена изменению, активно используя, например, суффикс -к, что нашло отражение в романах писателя: *Ванька*, *Назарка*, *Питиримка*, *Филька*, *Филатка* и др. Уменьшительно-уничижительный суффикс -к подчеркивает зависимость человека, его низкий социальный статус. Деминутивные формы с суффиксами -ушк-, -еньк- являются ласкательными: *Куземушка*, *Митенька*, *Нефедушко*, *Степанидушка* и др.

Антропонимические поля романов В.И. Костылева «Питирим», «Жрецы» включают большое количество старинных в восприятии современного читателя, характерных для церковной среды. К ним относятся личные имена раскольников и священнослужителей: *отец Паусий, архиерей Варлаам, епископ Анфиноген, игумен Феодорит, поп Патрикий* и др. (духовное звание + однокомпонентный антропоним), наряду с именованиями типа *дьяк Иван Спиридонов, поп Иван Андрееви* др. (духовное звание + двухкомпонентный антропоним).

В описываемый период появление отчества диктовалось необходимостью уточнения личного имени. Отчество обычно образовывалось из канонического именования отца (*Иван Васильевич*) или мирского именования отца (*Антон сын Истомин*). Характерная для этого периода омонимичность отчества и фамилии прослеживается на примере именований персонажей *Кузьма Минин: Минич, Минин* и *Фома Демьянов: Демьяныч, Демьянов*. Особенностью речи персонажей является именование собеседника только по отчеству, причем для выражения почтения к нему: *Иваныч, Андреич, Трифоныч* и др. В этом случае в отчестве суффиксы *-ович, -евич*, заменяются на *-ич, -ыч*.

Первые русские фамилии восходят к родовым прозваниям. Они образовывались при помощи различных формантов: *-ов(ев)* (*Вельяминов, Дмитриев* и др.), *-ин* (*Болтин, Гагарин* и др.), *-ской* (*Шаховской, Луговской* и др.), *-ский* (*Одоевский, Масальский* и др.), *-цкой* (*Трубецкой, Друцкой* и др.), *-ой* (*Мясной, Грязной* и др.). В романе мы находим подтверждение, что носители этих фамилий принадлежат к знатым родам и имеют трехчленную формулу именования. Люди незнатного происхождения, посадские люди и зажиточные крестьяне, имеют двухчленную формулу именования: *Илья Гнутов, Пашка Прокофьев* и др. Малоимущие, как правило, фамилий не имеют, что и отражено в романах: *крестьянин Прокл, цыган Сыч, татарин Абдул, казак Обрезка, Любимка-сапожник* и др.

К немногим вымышленным именам относятся именования следующих персонажей: *Буянов* – “буйный, буй, смелый, храбрый, дерзкий” («Кузьма Минин»); *Рыхлый (Рыхловский)* – “слабый, хилый человек” («Питирим», «Жрецы»), *Халдей* – ‘ряженный шут и скоморох’.

В романах функционируют так сказать “наполовину” реалионимы, с введением в именование реального лица дополнительного компонента персонима – *Ирина Салтыкова*; сконструированные именованья реальных лиц, не названных в исторических документах – *Марфа Борисовна Янгальчева*. Они соответствуют русскому имянаречению и органично вписываются в ткань исторического повествования, а оставшиеся в истории без имен женщины приобрели вполне конкретные черты и характер благодаря авторскому вымыслу.

Некоторые именованья персонажей подвергаются автором многократному изменению. Так, например, именование персонажа атамана ватаги Софрона – *Софрон, сын Андреев, Пономарев – Михаил Заря – Михаил Артамонов* меняется автором с целью обострения интриги романа.

В онимическое пространство реалистических произведений В.И. Костылева входят (при доминировании русских) финно-угорские, тюркские, еврейские, немецкие, польские, литовские имена.

В романе «Жрецы» употребление автором иноязычных ИС было продиктовано стремлением автора показать широкую полиэтническую картину Поволжья в XVII веке. Так, например, автор наряду с историческими этническими именованьями: *мордвины Несмеянка Кривов, Федор Догада*, вводит вымышленные именованья представителей этносов: *мордвин Тамодей Чинаев, чувашин Буртас, башикир Хайридин, еврей Залман Гринберг, немец Штейн* и др.

В романе «Кузьма Минин» без персонажей с иноязычными именами невозможно было описать борьбу с польскими и литовскими интервентами: *Лисовский, Жолкевский, Маржерет* и др. Некоторые именованья в связи с усилением связей между разными этническими группами в XV – XVI веках имеют неясную этимологию и могут восходить к разным языкам – польскому, литовскому, белорусскому, украинскому. В романе к ним относятся: *Николай Струсь, Самуил Маскевич, Хоткевич, Осип Будила* и др.

Этническая составляющая онимического пространства романов В.И. Костылева включает и топонимы: гидронимы *Сура, Кудьма* и др., ойконимы *Сарлей, Сескино, Суроватиха* и др., имеющие финно-угорское происхождение.

Ономастикон романов В.И. Костылева (как в целом, так и в отдельных своих элементах) ассоциативен, причем его ассоциативность, ассоциативное

значение заключается в оживлении или создании у читателя соответствующих фрагментов фоновых знаний, в сопряжении имени собственного с информацией национального, исторического, политического характера. Исторические ассоциации, связанные с именем собственным, обладают большой силой воздействия на отдельного человека, поколение, весь народ.

В целом рассмотренное онимическое пространство романов В.И. Костылева реалистически отражает общую картину полиэтнического, разносоциального состава Московского государства эпохи Смутного времени, правления Петра I и Елизаветы I, то есть выполняет единую этносоциохронотопическую функцию.

Заключение

Имя собственное, которое выделяет, актуализирует, идентифицирует, дифференцирует объект, является единицей категории проприальности, находящейся в оппозиции к категории апеллятивности. Совокупность онимических единиц, которая входит в общую систему языка со множеством структурных компонентов, изучает ономастика.

Система онимов, функционирующих в художественном произведении, составляет его онимическое пространство, онимическую картину мира. Онимическое пространство исторического романа как система имен собственных, представляющих множество онимических полей, употребляемых в языке народа в отображаемый период для именования реальных и гипотетических объектов, определяется соответствующей этнической моделью мира.

При изучении художественных произведений, в том числе литературной ономастики ученые разграничивают категории *идиолект* и *идиостиль*. Наиболее целесообразной, по нашему мнению, является точка зрения, по которой *идиолект* писателя включает в себя все созданные им художественные произведения, а *идиостиль* – это специфические особенности языка писателя при знании им богатства национального языка и умении его использовать. Идиостиль формируется под воздействием эпохи, в которой живет писатель, и складывается из множества вербальных составляющих.

Принцип формирования онимического пространства исторических романов В.И. Костылева может быть квалифицирован как реалистический. Вопрос выбора именований для персонажей исторических романов решался писателем одновременно с поиском обозначения мест действия также с целью выполнения ими функции этносоциохронотопа. Особенности исторического романа потребовали от писателя точности в подборе персонимов и названий географических объектов.

В романах В.И. Костылева прослеживается, как утверждение русской государственности, освоение новых территорий, привело к образованию смешанной славяно-неславянской антропонимии и топонимии.

Ономастикон, созданный В.И. Костылевым, раскрывает индивидуальный подход писателя к изобразительным возможностям имен собственных,

При детальном рассмотрении поэтического ономастикона исторических романов В.И. Костылева, выявляется тот факт, что центр их онимического пространства занимают антропонимы (реальные, полуреальные, трансформированные, созданные автором) и топонимы. Остальные разряды ИС находятся на периферии онимического пространства художественной картины мира, созданной писателем.

В число персонимов, употребленных автором в романах, входят:

	«Кузьма Минин»	«Жрецы»	«Питирим»
«Исторические» персонимы	164	61	51
их варианты	267	99	97
количество их словоупотреблений	2 330	769	1 964
«Неисторические» персонимы	76	75	46
их варианты	114	109	134
количество их словоупотреблений	998	1408	2118

Это соотношение объясняется разным диапазоном описываемых событий, количеством исторических источников и обращенности к избранному автором событию со стороны историков и писателей. Здесь прослеживается закономерность: чем более исследовано историческое событие, чем оно значимее для русской истории, тем большее количество реальных исторических имен

вводит в сюжет писатель. И, наоборот, чем меньше исторических свидетельств, на которых основывается автор, тем активнее он заполняет сюжетное пространство романа вымышленными, не принадлежащими истории именами.

Антропонимическое пространство отражает процесс формирования структуры именования русского человека, перенесенной затем и на представителей других этносов в России: от однокомпонентной до трехкомпонентной (через стадию двухкомпонентности разного содержания), свидетельствуя тем самым о социальной структуре общества в описываемый период – об этносоциохронотопе. В романах «Питирим» и «Жрецы» трансформация именования в связи с изменением социального статуса персонажа прослеживается, например, на цепочке ИС кузнеца *Фильки Рыхлого*: *Филька – Филипп Рыхлый – Филипп Павлов сын – Филипп Павлов сын Рыхлого (Рыхловского) – Филипп Павлыч – Филипп Павлович Рыхловский*.

Топонимические единицы в романе В.И. Костылева в целом совпадают с названиями географических объектов на современной карте России за исключением некоторых топонимов, подвергшихся историческим изменениям: *Питербурх, Нижний Нов-Град, Василева слобода* и др. или авторским: *Красный Холм – Красные Холмы, Устюжна – Великая Устюжна* («Кузьма Минин»), а также трансформированных языковой средой и временем реальных топонимов: *Макарьево – Макарьев, Пафнутьево – Пафнутово* («Питирим») и др.

Топонимическое пространство в романах В.И. Костылева, раскрывает индивидуальный подход писателя к использованию реальных топонимов. Единицы реального топонимического пространства, используемые писателем, придают черты узнаваемости исторических мест и событий в его произведениях, предстают исторически, художественно и ассоциативно нагруженными.

Периферия онимического пространства в романах В.И. Костылева дополняет художественную картину мира произведений писателя. В романах писателя представлены: документонимы, хрематонимы, зооним, астронимы, мифонимы, сакральные именования – теонимы, агнионимы, геортонимы, эkkлезионимы.

Читатель произведений В. И. Костылева, опираясь на характер имени как этнический показатель в целом или в отдельных формантах, воспринимает даже отдельный антропоним или топоним как индивидуализирующий знак определенного лица или места и как знак сигнал фоновых знаний о них.

Собственные имена, функционирующие в текстах романов В.И. Костылева и составляющие онимическое пространство художественного текста, представляют уникальный по своему составу и характеристикам пласт лексики, который связан с языковым сознанием народов, отражают исторические события в России в XVII – XVIII веках и, как важная часть целостной языковой картины мира, требует дальнейшего исследования.

Таким образом, степень реализма в исторических романах В.И. Костылева определяется, в том числе онимической системой, где ИС являются элементами организованной системы языковых знаков, несущей развернутую информацию об эпохе Смутного времени, эпохе Петра I и Елизаветы I. Поэтический ономастикон историко-патриотических романов нижегородского писателя способствует хранению и передаче информации об истории родного края последующим поколениям, то есть выполняют кумулятивную функцию, помогает воспитывать читателей в духе патриотизма, уважения к прошлому своей страны, своего народа.

Перспективы данного диссертационного исследования заключаются в дальнейшем изучении онимического пространства исторических романов В.И. Костылева, включая трилогию «Иван Грозный», в сопоставительном аспекте функционирования онимов в исторических произведениях других романистов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 413 с.
2. Алешина Л.В. Антропонимическое пространство повести А.Н. Апухтина «Дневник Павлика Дольского» // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы: Материалы Всероссийской научной конференции (15-16 мая 2015 года). – Орел: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, – 2015. – С. 76-83.
3. Алешина Л.В. Антропонимическое пространство словаря новообразований Н.С. Лескова // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13-16 сентября 2016 г.). – Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 436-440.
4. Алешина Л.В. Семантический объем антропонимов в языке и речи // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 4 (73). – С. 98-102.
5. Античные теории языка и стиля / Под общей ред. О.М. Фрейденберг. – М.: Изд-во ОГИЗ, 1936. – 342 с.
6. Аринина Е.П. Структурные особенности русских экклезионимов // Вестник Самарского государственного университета. Языкознание. – 2008. – № 5/2 (64). – С. 39-43.
7. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 1112 с.
8. Архипова Н.Г. Восточнославянское взаимодействие в лексике старообрядческих говоров Амурской области // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе /под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2011. – С. 34-41.

9. Бакастова Т.В. Имя собственное в художественном тексте // Русская ономастика: сборник научных трудов / отв.редактор Ю.А. Карпенко. – Одесса: ОГУ, 1984. – С. 157-160.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
11. Баскаков, Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. – 279 с.
12. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
13. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе (очерки по исторической поэтике) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-408.
14. Белинский В.Г. О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» // Полное собрание сочинений. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 123-178.
15. Белинский В.Г. Основания русской грамматики // Полное собрание сочинений. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 579-690.
16. Беляева О.К., Агеева Е. А. Александр диакон // Православная энциклопедия. Том 1 (А-Ал). – М.: Изд-во «Церковно-научный центр Православная энциклопедия», 2000. – 752 с.
17. Березович Е.Л. К построению комплексной модели топонимической семантики // Известия Уральского гос. университета. – 2001. – № 20. – С. 5-13.
18. Березович Е.Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т.60. – М.: Изд-во “Наука”, 2001. – № 6. – С. 34- 45.
19. Березович Е.Л.Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Под ред. А.К. Матвеева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 328 с.
20. Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. – Мінск: Навук і тэхніка, 1969. – 508 с.

21. Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. – Мінск: Навук і тэхніка, 1966. – 328 с.
22. Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева, А.А. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль // Под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: ТГУ, 2001. – 331 с.
23. Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных // Восточнославянская ономастика: Исслед. и материалы / АН СССР, Ин-т языкознания [Редкол.: А.В. Суперанская (отв. ред.)]. – М.: Наука, 1979. – С. 333-345.
24. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учеб.пособие. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
25. Борек Г. Восточнославянские топонимы с форматом *-ьн-* // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 90-144.
26. Бугаева И.В. Наименование праздников в православном социолекте // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2007. – № 53. – Вып. 14. – С. 84-92.
27. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 2010. – 48 с.
28. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Часть вторая. – М.: В Университетской Типографии (Катков и К), 1863. – 374 с.
29. Варенцова Л.Ю. Политический деятель России конца XVI – первой половины XVII в. И.Т. Грамотин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 12-18.
30. Васильева Н.В. Собственное имя в тексте: интегративный подход: автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 2005. – 46 с.
31. Верховин С.С. Количественные критерии авторизации текста как проблема теоретической лингвистики: автореф. дис. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2013. – 20 с.
32. Веселовский, С.Б. Ономастикон. – М.: Наука, 1974. – 384 с.

33. Виноградов В.А. Идиолект // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
34. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: Гослитиздат, 1961. – 614 с.
35. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Рус.яз., 2001. – 720 с.
36. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
37. Виноградов В.В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 3-26.
38. Виноградов В.С. Имена собственные в оригинале и в переводе // Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – С. 149-180.
39. Винокур Г.О. Дискуссия под названием: "Правда и вымысел в художественном историческом произведении" // Контекст 1985: Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1986. – С. 272-295.
40. Винокур Г.О. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т.Г. Винокур; Предисл. В.П. Григорьева. – М.: Высш. шк., 1991. – 448 с.
41. Волкова Е. Ф. Козьма Минин и князь Д. Пожарский : исторический очерк из времен лихолетия 1611-1613 гг. – СПб.: Издание Вятского товарищества "Народная библиотека", 1913. – 98 с.
42. Востоков А.Х. Русская грамматика. – СПб.: В типографии И.Глазунова, 1831. – 408 с.
43. Гайда Г.Ф. Украина и Малая Русь: Окраина и Центр // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Том XVI. – М.: Издатель Модест Колеров, 2014. – С. 97-108.
44. Галиуллина Г.Р. Космологические воззрения в татарской антропонимической картине мира // Ученые записки Казанского

государственного университета. Том 150. Кн. 2. Гуманитарные науки. – Казань: КГУ, 2008. – С. 197-204.

45. Галкина-Федорук Е.М. Слово и понятие. – М.: Учпедгиз, 1956. – 54 с.
46. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
47. Гациский А.С. Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду. – Нижний Новгород: Типография губернского правления, 1875. – 182 с.
48. Гациский А.С. Нижегородский летописец. – Нижний Новгород: Типография губернского правления, 1886. – 137 с.
49. Георгиевский Г.П. Смутное время: Очерки и рассказы. – М.: Товарищество Владимир Чичерин, 1903. – 373 с.
50. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. - 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – 303 с.
51. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург: УГПУ, 1998. – 232 с.
52. Горбаневский М.В. В мире имен и названий. – М.: Знание, 1987. – 208 с.
53. Горбаневский М.В. Москва: кольца столетий. Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы. – М.: Олимп, АСТ, Астрель, 2007. – 448 с.
54. Гордина Е.Н. Роль исторического романа советских писателей в утверждении в массовом сознании официальной концепции отечественной истории в 1930-е - первой половине 1940-х годов: автореф. дис. докт. истор. наук: – Нижний Новгород, 2012. – 34 с.
55. Горький А.М. Письмо В.И. Костылеву // Литературная газета. – № 4, от 10 января 1956 г.
56. Гращенков А.В. Красное крыльцо – главный вход во дворец // Наука и жизнь. – 2008. – № 4. – С.102-106.

57. Греч Н.И. Пространная грамматика русского языка. Том первый, издание второе исправленное. – СПб.: Тип. Издателя, 1830. – 407 с.
58. Григорьев В.П. Идиолект. Идиостиль // Литературный энциклопедический словарь / Под общ.ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 114-115.
59. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник Т.1. – М.: Художественная литература, 1984. – 383 с.
60. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Лекция № 8. Человек. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 399 с.
61. Дарков В.В. В. И. Костылев. Критико-биографический очерк. – Горький: Горьк. кн. изд-во, 1959. – 148 с.
62. Добродомов И.Г. Этимология этнонима «буртас» // Ономастика Поволжья. Межвузовский сборник научных трудов. – Саранск: ФГБОУ ВПО "Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва", 1986. – С. 119-129.
63. Добролюбов Н.А. О русском историческом романе. Собрание сочинений в 9-и томах. Т.1. – М.-Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961. – С. 89-98.
64. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.
65. Есипов Г.В. Раскольниковы дела XVII столетия. – СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова. Общественная польза, 1861. – 654 с.
66. Ефремов Ю.К. Московских улиц имена. – М.: Бене, 2006. – 512 с.
67. Жучкевич В.А. Общая топонимика. Изд. 2-е, испр. и доп. – Минск: Вышэйшая школа, 1968. – 432 с.
68. Забелин И.Е. Минин и Пожарский: прямые и кривые в Смутное время. – М.: Типография В.О. Рихтер, 1883. – 336 с.
69. Захидова Л.С. Специфика идиостиля Ю.Полякова (лексико-семантический аспект): автореф. дис. канд. филол. наук. – Абакан, 2009. – 21 с.
70. Зинин С.И. Антропонимистический мир Гринландии: имена собственные в произведениях А. Грина // Восточнославянская ономастика :

исследования и материалы : [сборник] / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, Пол.акад. наук, Ком. славистов; [редкол.: А.В. Суперанская (отв. ред.), С.Роспонд, В.Э. Сталтмане]. – М.: Наука, 1979. – С. 317-329.

71. Зинин С.И. Введение в русскую антропонию (пособие для студентов-заочников). – Ташкент: ТашГУ, 1972. – 278 с.

72. Зинин С.И. О личных именах в произведениях Д.И. Фонвизина // Вопросы истории русского языка. Научные труды Ташкентского гос. Университета. Выпуск 317. – Ташкент: [б. у.], 1967. – С.106-124.

73. Зинин С.И. Русские отчества // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с.

74. Зинин С.И. Формант *-ский, -ской* в русских фамилиях // Очерки по русскому языку. Ученые записки Калининского гос. пед. института им. М. И. Калинина. Т. 66. Ч. I. – Калинин: КГПИ, 1969. – С. 254-258.

75. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Ономастичні науки. – 2006. – № 1. – С. 81-89.

76. Калинин В.М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.

77. Карабельников Д.В. "Откуда есть пошла земля" терюшевская: Образование и расселение мордвы-терюхан "на горах" Нижегородчины // Нижегородский музей. – 2009. – № 18. – С. 12-18.

78. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

79. Карпенко М.В. Русская антропонимика: Конспект лекций спецкурса. – Одесса: Изд-во Одесск. ун-та, 1970. – 42 с.

80. Карпенко М.В. Семантическая группировка литературных антропонимов // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции 17-20 июня 1970 г. – Минск: БГУ, 1970. – С. 88.

81. Карпенко О.Ю. Когнітивна ономастика як напрямок пізнання власних назв.: дис. д-ра філологічних наук. – Київ, 2006. – 412 с.

82. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34-40.
83. Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. – М.: Наука, 1981. – 184 с.
84. Карпенко Ю.А. Специфика ономастики // Русская ономастика. Сб. научных трудов / отв. редактор Ю.А. Карпенко. – Одесса: ОГУ, 1984. – С. 3-16.
85. Карпенко Ю.А. Топонимия Буковины: автореф. дис. докт. филол. наук. – Киев: Изд-во АН УССР, 1967. – 41 с.
86. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дис. докт. филол. наук. – Москва, 2008 а. – 65 с.
87. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: дис. докт. филол. наук. – Москва, 2008 б. – 534 с.
88. Климкова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте // Филологические науки. – 1991. – № 1. – С.45-54.
89. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография / науч. ред. И.А. Ширшов; МПГУ. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
90. Климкова Л.А. Региональная онимия в лингвогеографическом аспекте // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров: материалы межвузовской конференции. – Арзамас: АГПИ, 1996. – С. 52-55.
91. Климкова Л.А. Типология текстов в составе микротопонимических комплексов // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 145-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: материалы международного научного семинара (19-20 сентября 2013, г. Петрозаводск). – Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. – С. 78-81.
92. Климкова Л.А. Инокомпонентное слово в художественном тексте // Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова Материалы международной научной конференции / отв. редактор Л. Л. Шестакова, Н.В. Патроева. – М.; Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. – С. 65-68.

93. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр " Научная книга", 2014. – 447 с.
94. Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.
95. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: Структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX – XX вв.): автореф. дис. канд. филол. наук.: – М.:, 1986. – 21 с.
96. Корсакова В.Д. Шереметев Федор Иванович // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 23: Шебанов – Шютц. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1911. – С. 211-215.
97. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. 6: Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Т. 3: Московское разоренье. – СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова. Типография К. Вульфа, 1868. – 344 с.
98. Костылев В.И. Моя работа над «Иваном Грозным» // Огонек. – 1944. – № 22. – С.11.
99. Костылев В.И. Далекие времена // Слово писателя: Сб. высказываний сов. писателей к XVIII съезду ВКП(б). – М.: Гослитиздат, 1939 а. – 320 с.
100. Костылев, В.И. Козьма Минин (отрывок из романа) // Смена – № 317. – М: Типография газеты «Правда» имени Сталина, 1939 б. – С.13-15.
101. Котюрова М.П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.П. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 95-99.
102. Котюрова М.П. Языковая личность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.П. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 660-661.

103. Кретов А.В. Роль Русской Православной Церкви в освободительном движении в эпоху Смутного времени начала XVII в.: дис. канд. истор. наук: – Н. Новгород, 2000. – 156 с.
104. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. – М.: Никитинские субботники, 1931. – 32 с.
105. Кузнецов С.К. Русская историческая география. Мордва. – М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1912. – 73 с.
106. Кульбицкая И.В. Имена и фамилии. Происхождение и значение. – СПб.: Питер, 2009. – 192 с.
107. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 253-266.
108. Курс К.Ю. Имена собственные в поэзии М.В. Исаковского: структурно-семантический и функциональный анализ: автореф. дис. канд. филол. наук. – Смоленск, 2013. – 26 с.
109. Курс К.Ю. Проблема классификации имен собственных в поэтическом тексте с учётом особенностей идиостиля поэта (на примере творчества М.В. Исаковского) // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13-16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас - Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 450 – 454.
110. Кухаренко В.А. Имя заглавного персонажа в целом художественном тексте // Русская ономастика сборник научных трудов / отв. редактор Ю.А. Карпенко. – Одесса: ОГУ, 1984. – С. 109-117.
111. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
112. Лавров А.В. Колдовство и религия в России. 1700-1740 гг.. – М.: Древлехранилище, 2000. – 573 с.
113. Лаптев А.С. История географических названий Руси. – М.: Наука, 2007. – 250 с.

114. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в). – СПб.: «Авалонь», Издательский Дом «Азбука-классика», 2005. – 416 с.
115. Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова: средства номинации и предикации: дис. докт. филол. наук. – Москва, 2000. – 481 с.
116. Леонтьев Н.Н. Что в имени тебе моем? – Вологда: Издательский центр Вологодского института развития образования, 2000. – 59 с.
117. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С.74-87.
118. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
119. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. Труды по филологии 1739-1758. – М.: Наука, 2011. – 860 с.
120. Лукач Г. Современный буржуазно-демократический гуманизм и исторический роман // Литературный критик. – М.: Гослитиздат, 1938. – № 8. – 320 с.
121. Магазаник Э.Б. Имя собственное в художественной литературе // Русская речь. – 1968. – № 3. – С. 23-24.
122. Магазаник Э.Б. Ономапоэтика, или "говорящие имена" в литературе. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с.
123. Магазаник Э.Б. Ономастика // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Сов.энциклопедия, 1968. – С. 442-445.
124. Макаренко В.В. Из истории названий городов и сел, связанных со становлением и развитием Государства Российского. – М.: НП АКЦ "Страдиз-Аудиокнига", ООО "Минувшее", 2012. – 184 с.
125. Матвеев А.К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 5-10.
126. Медведкова Е.С. Антропонимы в историческом романе В.И. Костылева «Питирим» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2012. – № 4 (11). – С. 38-44.

127. Медведкова Е.С. Единицы реального топонимического пространства в романах В.И. Костылева // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2014. – № 1 (15). – С. 42-48.

128. Медведкова Е.С. Имя собственное в заглавиях исторических произведений В.И. Костылева // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2014. – № 3 (16). – С.51-59.

129. Медведкова Е.С. Идиостиль и идиолект автора исторического романа (на примере произведений В.И. Костылева) // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. В 2-х томах. Том 1. – 2016. – № 1(20). – С. 124-132.

130. Медведкова Е.С. Антропонимикон романов В.И. Костылева через призму хронотопа // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13-16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас - Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 426-431.

131. Медведкова Е.С. Иностранные имена собственные в исторических романах В.И. Костылева // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XIII Международной научной конференции. – Тольятти: Изд-во Волжского университета им. В.Н. Татищева, 2016. – С. 75-280.

132. Медведкова Е.С. Теонимы в историческом романе В.И. Костылева «Жрецы» // Н.П. Огарев: историко-культурное измерение творческой личности : сб. материалов Всерос. науч.конф. с междунар. участием. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – С. 218-220.

133. Мельников П.И. (А. Печерский) Очерки Мордвы // Полное собрание сочинений. Издание второе. Том 7. Приложение к журналу «Нева». – СПб.: Издание товарищества А.Ф. Маркс. 1909. – С. 410-486.

134. Мельников-Печерский П.И. Автобиография // Собрание сочинений в 6 т. Том 1. – М.: Правда, 1963. – С. 177-178.

135. Мельников-Печерский П.И. Очерки мордвы // Собрание сочинений в 6 т. Том 1. – М.: Правда, 1963. – С. 318-327.

136. Михайлов В.Н. О роли собственных имен в литературном творчестве (на материале антропонимов в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин») // Вопросы русской литературы. – Львов, 1976. – Вып. 2 (28). – С.67-76.

137. Михайлов В.Н. О специфике литературной ономастики // Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи: Межвуз. науч.сб. (вып.22). – Саратов: Изд-во Сарат.ун-ва, 1988. – С. 3-19.

138. Михайлов В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 1956. – 20 с.

139. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. –1966. – № 2. – С. 54–66.

140. Мокшин Н.Ф. Мордва // Системы личных имен у народов мира. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. – С.216-219.

141. Мокшин Н.Ф. Тайны мордовских имен: Исторический ономастикон мордовского народа. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – 112 с.

142. Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н. Мордва и вера. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. – 532 с.

143. Монякова О.А. Князья Пожарские и Ковровская земля // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 6 / К 400-летию создания ополчения К. Минина и князя Д.М. Пожарского / Ред.-сост. А.Е. Лихачев. – Иваново: ООО ИИТ «А-Гриф», 2011. – С. 7-12.

144. Мурзаев Э.М. География в названиях. – М.: Наука, 1979. – 167 с.

145. Мурзаев Э.М. Топонимика и география. – М.: Наука, 1995. – 304 с.

146. Назаревский В.В. Патриарх Гермоген, народные ополчения Д.М. Пожарского и К.З. Минина и избрание на царство Михаила Феодоровича Романова: К трехвековым юбилеям 1912 и 1913 гг. – М.: Тип.т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 104 с.

147. Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. – М.: Наука, 1983. – 207 с.

148. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб.пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр Академия, 2003. – 256 с.
149. Никольский А.А. Рязанские топонимы в художественной литературе: материалы и комментарии. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2007. – 48 с.
150. Никонов В.А. География фамилий. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
151. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
152. Никонов В.А. Введение в топонимику. – Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.
153. Никонов В.А. Личные имена в современной России // Вопросы языкознания. –1967. – № 6. – С. 109-111.
154. Никонов В.А. На пути к теории имен собственных // Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. – Рига: Зинатне, 1966. – С. 12-13.
155. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы: сб. статей / отв. ред. В.А. Никонов. – М.: Наука, 1970. – С. 5-33.
156. Новиков Л.А., Преображенский С.Ю. Грамматический аспект описания идиостилей: Синтаксическая доминанта // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль / под ред. В. П. Григорьева. – М.: Наука, 1990. – С. 56-58.
157. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55-73.
158. Отин, Е.С. Русская ономастика в русской энциклопедии // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 7-11.
159. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль / Под ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука, 1990. – 304 с.
160. Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. – СПб.: Юна, 1999. – 520 с.
161. Пасхалов А.П. Удивительная этимология. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2007. – 176 с.

162. Пеньковский А.Б. Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира // Язык русского фольклора: межвуз. сборник / редкол.: Е.Б. Артеменко [и др.]. – Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т им. О.В. Куусинена, 1988 . – С. 34-38.

163. Платонов О.А. Бич божий. Величие и трагедия Сталина (Эпоха Сталина). – М.: Изд-во “Алгоритм”, 2005. – 416 с.

164. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI - XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / отв. ред. Я.Н. Щапов, ст. Е.В. Чистяковой. 5-е изд. – М.: Памятники исторической мысли, 1994. – 470 с.

165. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М.: Высш.шк., 1993. – 736 с.

166. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С.40-53.

167. Подольская Н.В., Суперанская А.В. Терминология ономастики // Вопросы языкознания. – 1969. – № 4. – С. 140-146.

168. Полиевктов М.А. Минин и Пожарский. Нижегород. губ.учен. арх. комис. – Нижний Новгород: Тип. Г. Искольдского, 1909. – 11 с.

169. Портнов М.Э. Царь Пушка и Царь Колокол. – М.: Московский рабочий, 1990. – 48 с.

170. Порфирьева А.Л. Легенда о капелле герцога Голштинского и подлинная история придворного оркестра в 1702-1728 гг. // Памятники культуры. Новые открытия: письменность. Искусство. Археология: Ежегодник / [Рос.акад. наук. Науч. совет по истории мировой культуры]. – М. : Наука, 1975. – С. 168-185.

171. Пушкин А.С. Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1962. – С. 242-243.

172. Пыляев М.И. Старая Москва. Из былой жизни Первопрестольной столицы. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1891. – 575 с.

173. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 536 с.

174. Рогалев А.Ф. Теория языкознания и философия языка: монография. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2012. – 312 с.

175. Роспонд С. Перспективы развития славянской ономастики // Вопросы языкознания. – 1962. – № 4. – С. 9-19.

176. Роспонд С. Структура и стратификация древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика: сборник статей / АН СССР, Ин-т языкознания; ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1972. – С. 9-90.

177. Русинов Н.Д. Нижний Новгород // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. Трубачева. – М.: Пресс, 1999. – 288 с.

178. Русинов Н.Д. Углич – древнейший русский город на берегах Волги // Материальная и духовная культура феодальной России. Межвуз. сб. – Горький: Изд-во ГГУ, 1990. – С. 33-44.

179. Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. – Н.Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. – 202 с.

180. Русская грамматика. Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология // Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – 788 с.

181. Садовский А.Я. Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук; Новый документ о протопопе Савве Еуфимьеве. – Н. Новгород: Издание Нижегородской ученой архивной комиссии, 1916. – 16 с.

182. Сизинцева Л.И. Пространство и время провинции. Лабиринт // Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 3. – С. 84-91.

183. Силаев Е.Н. Минин Кузьма Минич: материалы к биографии великого гражданина России: Мининские чтения. – Н.Новгород: Изд-во НИЭР, 1999. – С.15-18.

184. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). – Воронеж: Воронежский государственный университет; Научная книга, 2007. – 302 с.

185. Смирнов, Н.И. Мордва. Историко-этнографический очерк. – Казань: Типография императорского университета, 1895. – 291 с.
186. Смирнов С.К. Биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского. – М.: В Университетской типографии, 1852. – 136 с.
187. Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
188. Соколов А.И. Русские имена и прозвища в 17 веке. – Казань: Типография императорского университета, 1891. – 16 с.
189. Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795 – 1995) // Часть I. Исследования новейшей русской истории. – М.: Русский путь, 2001. – 512 с.
190. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Книга 4. Сочинения. Тома 16-20. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1851-1879. – 1656 с.
191. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Книга 2. Сочинения. Тома 6-10. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1851-1879. – 1726 с.
192. Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография. – М: Наука, 1989. – 114 с.
193. Статейнов А.П. Имена народов России. – Красноярск: Буква Статейнова, 2011. – 288 с.
194. Степанова А.С. Философия древней Стои. – СПб.: Алетеия: Изд-во КН, 1995. – 272 с.
195. Суперанская А.В. Имя – через века и страны. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 192 с.
196. Суперанская А.В. О русских фамилиях. – СПб.: «Авалонъ», Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 288 с.
197. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984. – 182 с.
198. Суперанская А.В. Групповые обозначения людей в лексической системе языка // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 59-66.

199. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
200. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований. Монография // отв. ред. А. П. Непокупный. – 2-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
201. Суперанская А.В., Суслова А.В. О русских фамилиях // отв. ред. А.П. Непокупный. – 2-е изд. – СПб.: «Авалонь», Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 288 с.
202. Супрун В.И. Вклад Л.А. Климковой в развитие отечественной ономастики и диалектологии // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. научных трудов, посвященный юбилею доктора филол. наук, проф. Л.А. Климковой / отв.ред. Е.Ю. Любова, АГПИ им. А.П. Гайдара. –Арзамас: АГПИ, 2011. –С.70-79.
203. Супрун В.И. Исследования нижегородской микротопонимии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 7. – С. 163-165.
204. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2000 а. – 171 с.
205. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. докт. филол. наук в форме науч. докл. – Волгоград, 2000 б. – 76 с.
206. Супрун В.И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 8. – С. 133-138.
207. Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. /под ред. С. Н. Валка, М.Н. Тихомирова; Акад. наук СССР; Ин-т истории, Ленингр. отд-ние.Т.6. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1966. – 434 с.
208. Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. – 1961. – № 2. – С.3-11.
209. Топоров В.Н. Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С.3-13.

210. Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М.: Наука, 2005. – 286 с.
211. Трубе Л.Л. Достопримечательные географические названия земли нижегородской. – М.: Стольный град, 2000. – 88 с.
212. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
213. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Пер. с англ. // под общ.ред. Б.А. Успенского. – М.: Прогресс, 1989. – 443 с.
214. Успенский В.А. Избранные труды. Том 2. Язык и культура. – М.: Изд-во «Гносис», 1994. – 688 с.
215. Успенский В.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). – М.: Гносис, 1994. – 240 с.
216. Успенский Л.В. Загадки топонимики. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 267 с.
217. Уфимцева А.А. Лексическая номинация: первичная, нейтральная // Языковая номинация: виды наименований / под ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – С. 5-86.
218. Филатов Н.Ф. Веси Нижегородского края: Очерки истории сел и деревень Поволжья. – Нижний Новгород: Типография Нижегородского госуниверситета, 1999. – 311 с.
219. Филатов Н.Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV - начала XX в. – Нижний Новгород: Изд-во «Нижегородские Новости», 1994. – 256 с.
220. Филатов Н.Ф. Патриот земли русской // В.И. Костылев. Кузьма Минин. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1986. – С. 295-316.
221. Фоменко Е.Г. Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса: дис. докт. филол. наук. – Запорожье, 2006. – 445 с.
222. Фомин А.А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопросы ономастики. – 2004. – № 1. – С. 108-120.
223. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. – Л.: ЛГУ, 1990. – 104 с.

224. Фролов Н.В. "Неизвестный Пожарский". – Владимирская областная общественно-политическая газета "Призыв". – № 43(26938) от 02.11.2011. – 32 с.
225. Ханичев Р.З. Сопоставительная характеристика процессов деонимизации в русском и английском языках: автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 15 с.
226. Храмцовский Н.И. Исторический очерк Кунавина и современное его состояние. Перепеч. Из Нижег. Губ. Вѣд. неофф. Части № № 40, 41, 42 и 49, 1865. – 25 с.
227. Чепасова А.М. Существительные в современном русском языке: учебное пособие. – М.: Флинта, 2012. – 273 с.
228. Членов М.А. Евреи // Народы России: энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. – С. 152-157.
229. Членов М.А. О некоторых индонезийских этнонимах (К вопросу об этнонимической классификации) // Этнонимы: сб. статей / отв. ред. В.А. Никонов. – М.: Наука, 1970. – С. 87-102.
230. Шапошников В.Н. Историческая этнонимика: учеб.пособие. – СПб.: Рос.гос. пед. ун-т им А. И. Герцена, 1992. – 121 с.
231. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над "Русским семантическим словарем" // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3-16.
232. Шешкен А.Г. Македонская литература XX века. Особенности формирования и развития: автореф. дис. докт. филол. наук. – М.:, 2008. – 42 с.
233. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
234. Шумовский Т.А. Странствия слов. – СПб.: ООО «Протей», 2004. – 336 с.
235. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике / отв. ред. М.И. Матусевич. Т. 1. – Л.: Изд-во Ленигр. ун-та, 1958. – С. 54-92.

236. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Избранные работы по русскому языку / Акад. наук СССР. Отд-ние лит-ры и языка. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР, 1957. – С. 97–109.

237. Щетинин Л.М. Слова. Имена. Вещи: Очерки об именах. – Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 1966. – 222 с.

238. Яшкін І.Я. Слоўнік лінгвастылістычных і тэксталагічных тэрмінаў. – Магілесў: УА «МДУ імя А.А. Куляшова», 2012. – 284 с.

239. Bach A. Deutsche Namenkunde / Bd. 1. Die deutschen Personennamen [T.1]. Einleitung. – Heidelberg DE, 1952. – 335 S.

240. Mill J.S. A System of Logic. – New York: Harper and Brothers, Publishers, Franklin Square, 1882. – 659 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Аварско-русско-англо-турецко-арабский онлайн словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionary.maarulal.ru/index.php/list/2-avarsko-russkii-slovar-/41,%D0%9C.xhtml> (дата обращения 16.05.2017)

2. Адыгские мужские личные имена [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tamge.ru/index.php?newsid=798> (дата обращения 15.12.2016)

3. Бакастова Т.В. Типы и функции семантизации имени собственного в художественном тексте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/bakastova-semantiz.html> (дата обращения 16.05.2017)

4. Благой Д.Д. Исторический роман [Электронный ресурс] /// Словарь литературных терминов: в 2-х т. / Под ред. Н. Бродского и др. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-3351.htm> (дата обращения 16.05.2017)

5. Соколов Д. За хищником на чебоксарское водохранилище [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fishblog.info/tourism/mid->

volga/za-khishchnikom-na-cheboksarskoe-vodokhranilishche.html (дата обращения 12.10.2015)

6. Бойченко Я. И. Вклад немцев-лютеран в культуру Нижегородского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gorbibl.nnov.ru/luterane> (дата обращения 16.05.2017)

7. Бугаева И.В. К вопросу о структуре сакрального ономастикона [Электронный ресурс] // Вестник МГУЛ. – Лесной Вестник: Препринт № 100, 070706. – М., 2006. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42536.php> (дата обращения 16.05.2017)

8. Европейские имена: значение и происхождение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kurufin.ru/> (дата обращения 16.05.2017)

9. Зинин С.И. Введение в поэтическую ономастику [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://imja.name/poehtonimy/termin-poehticheskaya-onomastika.shtml> (дата обращения 16.05.2017)

10. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. (сост.) Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymologyterms.pdf> (дата обращения 19.05.2016)

11. Моленко О. (отец) Почему после смерти мужа святая Ксения Петербургская отреклась от своего имени? [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.omolenko.com/> (дата обращения 16.05.2017)

12. Мордовские имена. Традиционные личные имена и обычаи имянаречения у мордвы. По материалам Н.Ф. Мокшина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zubova-poliana.narod.ru/history-names.htm> (дата обращения 16.05.2017)

13. Мужские имена эрзян. [Электронный ресурс] / Пурнынзе Маризь Кемаль. Саезь "Чилисемань" 5-це номерстэ, 2004-це ие. Режим доступа: <http://goloserzi.ru/etnos/istoriya/muzhskie-imena-erzyan-erzyan-tseran-lemt/> (дата обращения 16.05.2017)

14. Неуструев С.П. Словарь волжских судовых терминов [Электронный ресурс]. – Нижний Новгород: Электро-типография Г. Искольдского, 1914. Режим доступа: <http://www.oldriver.ru/Page.php?PID=29&MID=851#26>. (дата обращения 16.05.2017)
15. Нижняя Дебря, ул. / Памятники истории и культуры Костромы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enckostr.ru/showObject.do?object=1805156649> (дата обращения 16.05.2017)
16. Парфенова Н.Н. Личные имена в малых фольклорных жанрах в аспекте лингвокультурологии [Электронный ресурс] / По материалам конференции «VII Знаменские чтения», СурГПУ, г. Сургут, 2008. – С.56-74. Режим доступа: <http://uchebana5.ru/cont/2758197.html> (дата обращения 16.05.2017)
17. Переписная книга Белгородской волости села Катунки, уточнения к разделу имения между Грузинским, Бакаром и Георгием, состоявшемуся в 1748 году НГОУНБ им. Ленина, Ф.6, оп.1, ед.хр.15.– Копия с роздельных книг царевичей Грузинских; там же, Ф. 6, оп.1, ед.хр.14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.convdocs.org/docs/index-20268.html> (дата обращения 16.05.2017)
18. Переписная книга Лысковской волости, сделанная для Дарьи Арчиловны Имеретинской. ГАНО, Ф.639, оп.125, дело 7539, НГОУНБ им. Ленина, Ф.6, оп.1, ед.хр.5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.convdocs.org/docs/index-20268.html> (дата обращения 16.05.2017)
19. Происхождение фамилии Гринберг [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jewage.org/wiki/ru/Article%20Происхождение_фамилии_Гринберг (дата обращения 16.05.2017)
20. Происхождение фамилии Гринштейн [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jewage.org/wiki/ru/Article:Происхождение_фамилии_Гринштейн (дата обращения 16.05.2017)
21. Род Нестеровых. Краткая историческая справка о роде Нестеровых. Выписка из Общего Гербовника, V часть, N 119, 1 отделение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nesteroff99.narod.ru/> (дата обращения 16.05.2017)

22. Родословная роспись князей Пожарских [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://genealogia.ru> (дата обращения 16.05.2017)
23. Словарь личных имен [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/personal_names (дата обращения 16.05.2017)
24. Трубе Л.Л. Как возникли географические названия Горьковской области [Электронный ресурс]. – Горький: Горьковское книжное изд-тво, 1962. – 192 с. Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/148096/lev-trube-kak-voznikli-geograficheskie-nazvaniya-gorkovskoy-oblasti-31.php> (дата обращения 16.05.2017)
25. Удмуртско-русский словарь онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/perevodzik-mk.php> (дата обращения 16.05.2017)
26. Фатеева Н.А. Идиостиль (индивидуальный стиль) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/idiostil_individualni_stil.html?page=0,5 (дата обращения 16.05.2017)
27. Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор" ПЕ́СИЙ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/16/slj17904.htm> (дата обращения 16.05.2017)
28. Хайретдинов Д.З. Подворья Золотой Орды в великокняжеских столицах – Москве и Нижнем Новгороде [Электронный ресурс] / Д.З. Хайретдинов. Режим доступа: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/3/hist_hairetdinov.htm (дата обращения 16.05.2017)
29. Численность и размещение населения Ивановской области. Итоги всероссийской переписи населения на 14 октября 2010 года, том 1. [Электронный ресурс] / – Иваново, 2010. – 117с. / Режим доступа: http://ivanovo.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ivanovo/resources/4ce371004da3f783837cf741cd117b4b/itogi_vpn2010_table_volume_1.pdf (дата обращения 16.05.2017)
30. Широкоград А.Б. Князь Дмитрий Пожарково-Стародубский. Глава 16 // Тайны великой смуты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e->

[reading.club/chapter.php/1032901/17/Shirokorad - Tayny Velikoy smuty.html](http://reading.club/chapter.php/1032901/17/Shirokorad_-_Tayny_Velikoy_smuty.html) (дата обращения 16.05.2017)

31. Щетинин Л.М. Субъективный фактор в образовании антропонимических текстов [Электронный ресурс] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 45.– 1986. – № 2. – С. 159-165. Режим доступа: <http://www.familii.ru/onomastika/antroponimica/5830-kak-podobrat-imya-rebionku> (дата обращения 16.05.2017)

32. Blonar V. Proper Names in the Light of Theoretical Onomastics [Электронныйресурc] 90-157 pp.translated by David J. Shearman and Adriana Shearman. Режим доступа: http://www.namenkundliche-informationen.de/pdf/95_96/articles/NI%2095_96_2009_Blonar.pdf (дата обращения 16.05.2017)

33. Gardiner A. The Theory of Proper Names: A Controversial Essay. – London, Oxford university press, 1940. – 67 p. Режим доступа: <https://ru.scribd.com/doc/35840949/Alan-Gardiner-The-Theory-of-Proper-Names-A-Controversial-Essay>(дата обращения 16.05.2017)

34. Russell B. The problems of philosophy Chapter V. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description [Электронныйресурc]/ B. Russell.1912. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/5827/5827-h/5827-h.htm> (дата обращения 16.05.2017)

35. Hanks P. & Hodges F. (1988). "A dictionary of surnames." New York: Oxford University Press [Электронный ресурс] / P. Hanks&F. Hodges. Режим доступа: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/48364>(дата обращения 16.05.2017)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.

3. Баженова А.И. Славян родные имена (Словарь исторических родокоренных имен и прозваний славян и русов). – М.: Ладога-100, 2006. – 592 с.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь, том XXIII а: Петропаловский – Поватажное. – СПб.: Типо-Литография, 1898. – 960 с.
5. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь, том XIa : Евреиновы – Жилон. – СПб.: Типо-Литография, 1894. – 956 с.
6. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Дополнительный том. – СПб.: Типог. Акц. Общ.Брокгауз – Ефрон, 1905. – 958 с.
7. Глинкина Л.А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка. – М.: Мир энциклопедий Аванта +, 2008. – 432 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1995.
9. Кусимова Т.Х., Биккулова С.А. Башкирские имена. – Уфа: Китап, 2005. – 224 с.
10. Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв.. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. – 672 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва "Советская энциклопедия", Ин-т языкознания АН СССР]; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
12. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Иностранная литература, 1960. – 439 с.
13. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. – Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. – 216 с.
14. Морошкин М. Славянский именослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – СПб.: Типография Е.И.В. Канцелярии, 1867. – 213 с.
15. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

16. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. – 514 с.
17. Никонов В.А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л. Крушельницкий; Предисл. Р.Ш. Джарылгасиновой. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
18. Петровский Н.А. Словарь личных русских имен. – М.: Русский язык, 1966. – 384 с.
19. Плеханова Е.О. Словарь костюма, текстильного и ювелирного искусства. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 218 с.
20. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
21. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
22. Полякова Е.Н. Из истории русских имен и фамилий. – М.: Просвещение, 1975. – 160 с.
23. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь; отв.ред. Р.А. Агеева. – М.: Русские словари, 1998. – 503 с.
24. Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. – М.: Профиздат, 2000. – 224 с.
25. Русский биографический словарь: Бетанкур-Бякстер / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. Т. 3. – СПб.: Тип. Главного упр. уделов, 1908. – 699 с.
26. Русский биографический словарь: Жабокритский-Зяловский / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1916. – 588 с.
27. Русский биографический словарь: Лабзина-Ляшенко / Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н. Д. Чечулина и М. Г. Курдюмова. Т. 10. – СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914 [2]. – 846 с.
28. Русский биографический словарь: Плавильщиков-Примо / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. Т. 14. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1910 [2]. – 800 с.

29. Русский биографический словарь: Сабанеев-Смыслов / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. Т. 18. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1904. – 673 с.
30. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Том IV. Императорское Русское Географическое общество. – СПб.: Изд-во: Тип. В. Безобразова и Комп., 1873. – 873 с.
31. Славянская энциклопедия. XVII век. Киевская Русь – Московия: (в 2 томах). Т. 2 (Н - Я) / Автор-составитель: Богуславский В.В. – М.: Издательство Олма-Пресс, 2003. – 816 с.
32. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1989. – 624 с.
33. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь центральной России. – М.: Армада-Пресс, 2002. – 416 с.
34. Скрипник Л. Г., Дзятківська Н.П. Власні імена людей: слов.-довід. / за ред. В. М. Русанівського. - 3-тє вид., випр. – Київ: Наукова думка, 2005. – 334 с.
35. Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. – 1600 с.
36. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 544 с.
37. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь личных русских имен. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 736 с.
38. Тупиков Н.И. Словарь древнерусских личных собственных имен. – СПб.: Типография Скороходова, 1903. – 857 с.
39. Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник / ответственный редактор Е.М. Пospelов. – М.: Издательский центр «Наука, техника, образование», 2003. – 336 с.
40. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. –Т.1. Т.2. Т.3.Т.4 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – СПб.: Терра – Азбука, 1996.

41. Федоров В.С. Костылев Валентин Иванович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: в 3 томах. Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – 720 с.
42. Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 240 с.
43. Хигир Б.Ю. Восточные имена народов России. – М.: Яуза: Эксмо, 2007. – 288 с.
44. Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т.2: Л-С / Ред.кол.: С.С. Аверинцев (гл.ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – 671 с.
45. Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск: Республиканская тип. «Красный Октябрь», 2004. – 432с.
46. Чувашская энциклопедия: в 4 томах / [В.А. Абрамов и др.]; [редкол.: В.С. Григорьев и др.]. Т. 1. – Чебоксары: Чуваш.кн. изд-во, 2006. – 590 с.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

1. Алфавитный список населенных пунктов Нижегородской губернии в границах на 1-е января 1925 года. – Нижний Новгород: Изд-во не указано, 1925. – 187 с.
2. Бескровный Л.Г. Атлас карт и схем по русской военной истории. – М.: Издательство народного комиссариата вооруженных сил Союза ССР, 1948. – 88 л.
3. Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649-1873 г.: извлечение из полных собраний законов Российской Империи. – СПб.: Типография К.В. Трубникова, 1874. – 1184 с.
4. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о межгосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в

царствовании благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году: Собрано из древних тех времен описание. – СПб : [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1771. – 386 с.

5. Москвитянин. Учебно-литературный журнал. Т.1. / изд. М. Погодиным. – М.: В типографии Степановой и В.Готье, 1852. – 1010 с.

6. Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и Нижегородской ярмаркѣ. А.С. Гациского. – Нижний Новгородъ: Типографія губернскаго правленія, 1875. – 182 с.

7. Нижегородская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1863. – 186 с.

8. Нижний Новгород в XVII веке. Сборник документов и материалов к истории Н. Новгорода и его округа / Под редакцией проф. С.И. Архангельского. Составитель Н.И. Привалова. – Горький: Горьковское книжное изд-во, 1961. – 463 с.

9. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) "О политике партии в области художественной литературы" 18 июня 1925 г. // Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917-1953 гг. / Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. – М.: Международный фонд "Демократия" (МФД), 1999. – С. 57.

10. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные археологической комиссией . – СПб.: Синодальная типография, 1896. – 464 с.

11. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Ед. 69. Л. 112.

12. Список населенных мест Симбирской губернии. – Симбирск: Издание Симбирского губернского правления, 1884. – 186 с.

13. Список населенных мест Симбирской губернии по сведениям 1859 г. – СПб.: Издан Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел, 1863. – 99 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М.А. Оперные либретто / Минин и Пожарский. Составление, вступительная статья и комментарии Н.Г. Шафера. – Павлодар: НПФ ЭКО, 1998. – 210 с.
2. Костылев В.И. Кузьма Минин: Роман. – М.: Домодедово: ВАП, 1993 а. – 336 с.
3. Костылев В.И. Питирим. – Домодедово: ВАП, 1993 б. – 413 с.
4. Костылев В.И. Жрецы: Роман. – Домодедово: ВАП, 1993 в. – 319 с.
5. Костылев В.И. Кузьма Минин: роман. – М.: Вече, 2012. – 400 с.
6. Костылев В.И. Минин и Пожарский. – М.: Детская литература, 2007. – 88 с.
7. Островский А.Н. Козьма Захарьич Минин-Сухорук (драматическая хроника (1611-1613 гг.). В пяти действиях в стихах). – М.-Л.: Искусство, 1950. – 130 с.
8. Толстой Л.Н. «Война и мир»: В двух книгах // Книга вторая. Т. 3-4. – М.: Современник, 1978. – 768 с.

Приложения

Приложение 1

Сокращения и условные обозначения

1. белорусск. – белорусский
2. высок. – высокое
3. греч. – греческий
4. диал. – диалектный
5. др.-евр. – древнееврейский
6. др.-рус. – древнерусский
7. др.-церк. – древнецерковный
8. ИС – имя собственное, имена собственные
9. ИН – имя нарицательное, имена нарицательные
10. исп. – испанский
11. нем. – немецкий
12. пгт – поселок городского типа
13. польск. – польский
14. сокращ. – сокращенный
15. ст.календ. – старокалендарный
16. укр. – украинский
17. устар. – устаревший
18. финно-уг. – финно-угорский
19. фр. – французский
20. электр. рес. – электронный ресурс

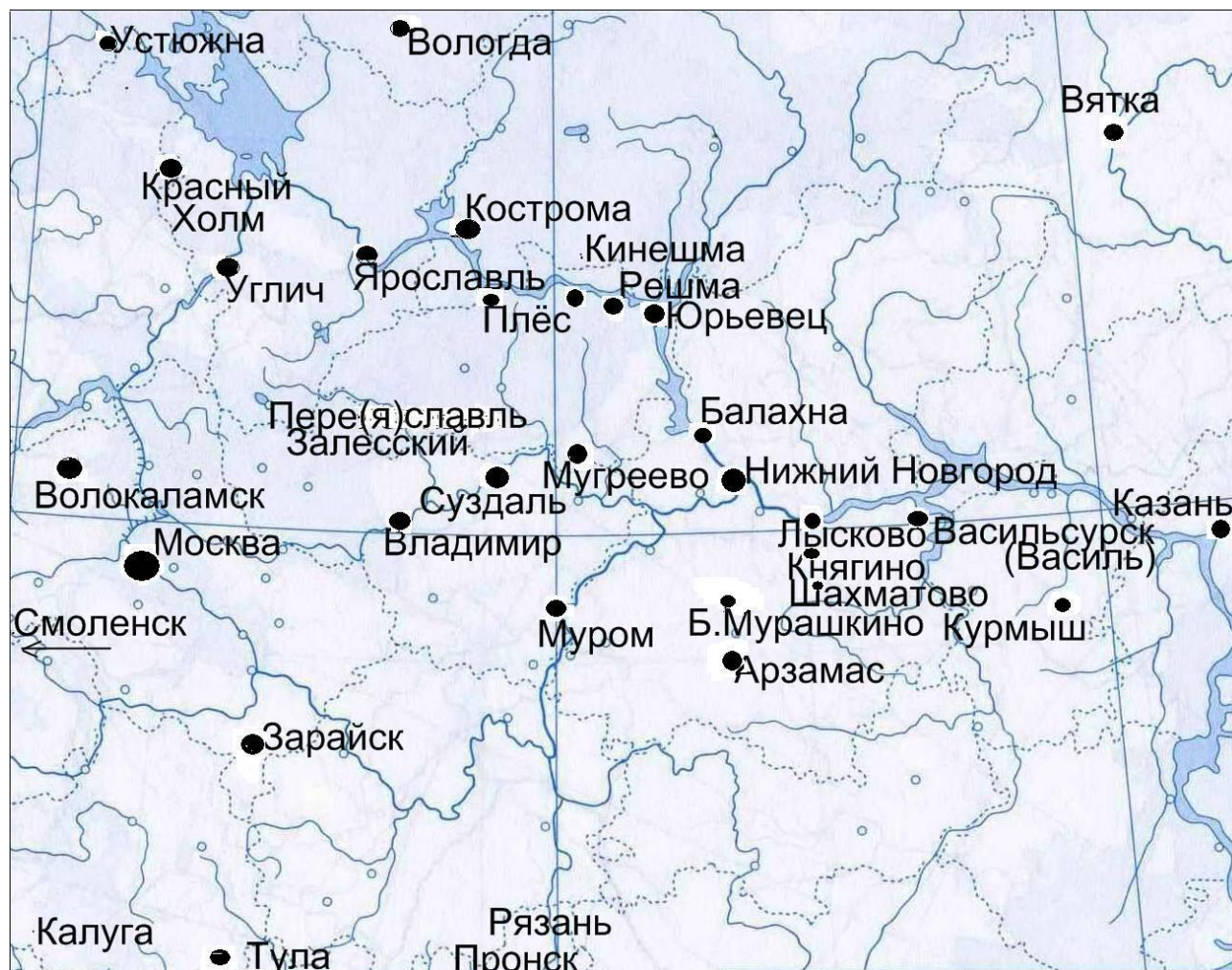
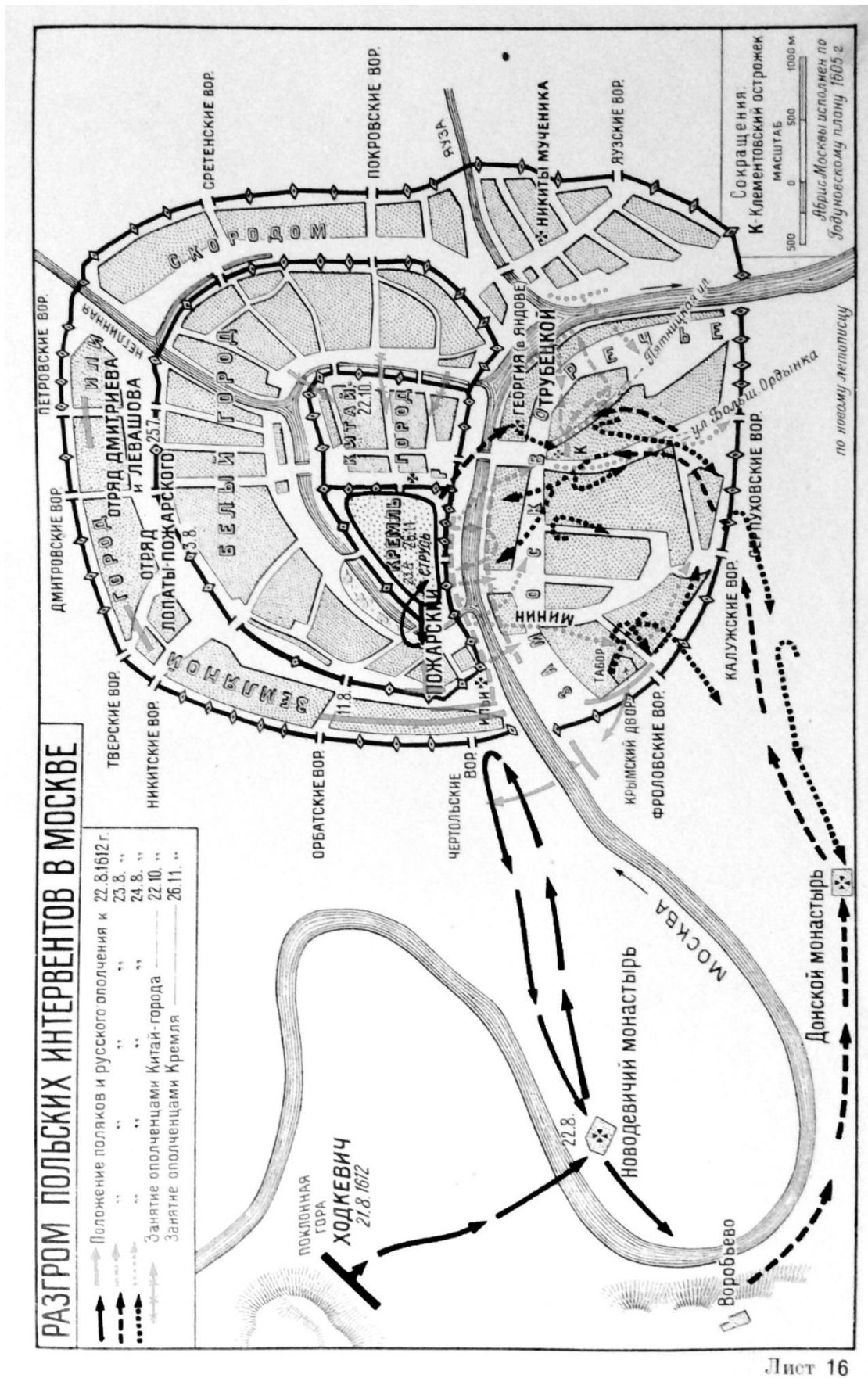

Рис.1 Фрагмент карты Европейской части России и части Нижегородского Поволжья с топонимами, употребленными В.И. Костылевым в романе «Кузьма Минин».

Топонимы: Белый город, Скородом, Китай-город, Замоскворечье, Кремль, р. Яуза, р. Неглинная, Москва-река, употребленные в романе «Кузьма Минин».

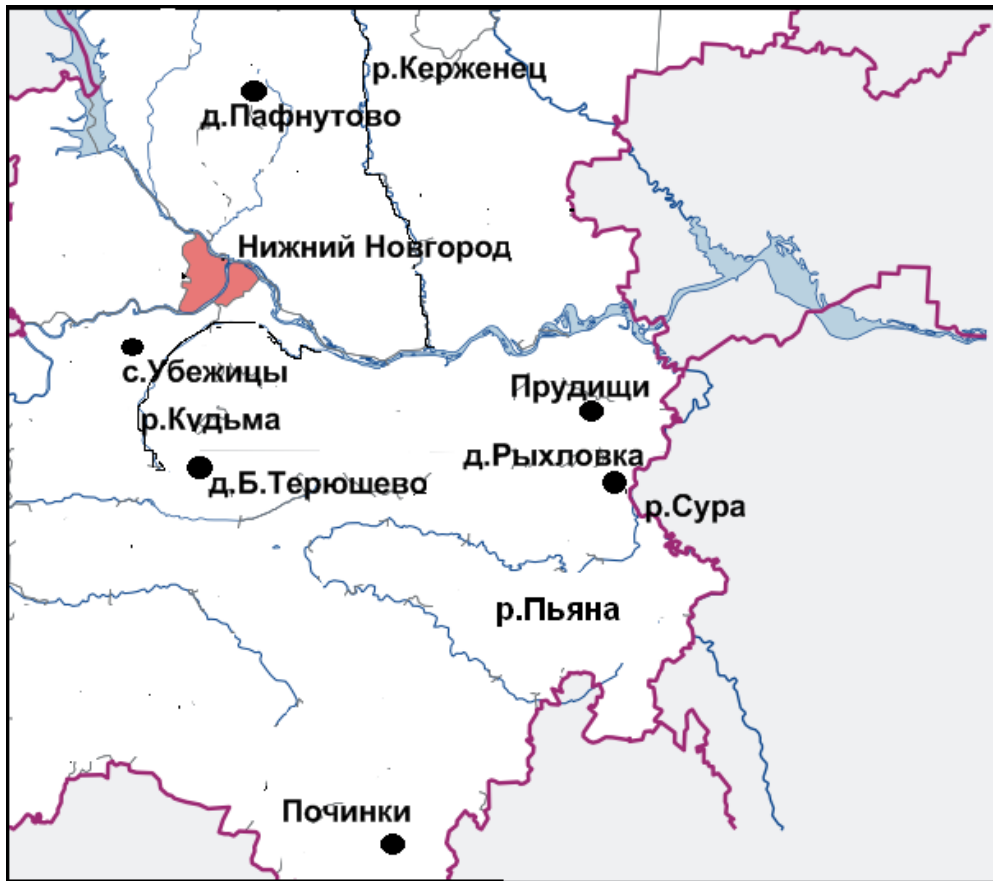

Рис.2 Фрагмент карты современной Нижегородской области с топонимами, употребленными В.И. Костылевым в романе «Жрецы».

Рис.3 Фрагмент современной карты Нижегородской области с топонимами, употребленными В.И. Костылевым в романе «Питирим».

**ТАБЛИЦА СОПОСТАВЛЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ,
ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В РОМАНАХ В.И. КОСТЫЛЕВА «КУЗЬМА
МИНИН», «ПИТИРИМ», «ЖРЕЦЫ» И «ПИСЦОВОЙ И ПЕРЕПИСНОЙ
КНИГ XVII ВЕКА ПО НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ»**

Персонажи романов В.И. Костылева	Выписки из Писцовой и переписной книг XVII века по Нижнему Новгороду (в скобках указаны страницы)
«Кузьма Минин»	
<i>Антипка, пушкаръ</i>	«дворишко пушкаря Онтипки Оадѣва» (с.127)
<i>Алексеев Митрофанка, шубник</i>	«дворъ посадцкого человѣка Митроѳанка Олексѣва шубника» (с.57)
<i>БезобразовИвашка</i>	«д. Андрея Безобразова» (с.364)
<i>БолтинЖдан</i>	«дворъ Нижегородца Ждана Болтина» (с.56)
<i>Будила Осип, хорунжий</i>	«Будило, Литвинъ» (с.69) «посадцкого человекаБудила Лукьянова сына Парасытова» (с.157)
<i>Головин Семен</i>	«дворъ околничего Семена Васильевича Головина» (с.60)
<i>Грамотин Иван, думный дьяк</i>	«Грамотинъ Иванъ, думный дьякъ» (с.197)
<i>Григорьев Наумка</i>	«изба посадцкихъ людей Наумка да Марка Григорьевыхъ» (с.130)
<i>Гурьев Осташко</i>	«дворишко, а в немъ живетъ нищей Осташка Гурьевъ» (с.58)
<i>Давыдка, судовой кормщик</i>	«дворникъ Давыдко Ерофѣевъ, судовойкормщикъ» (с.146)
<i>Данилов Степанко</i>	«д. бобыль Степанко Давыдовъ» (с.344)
<i>Жедринский Дмитрий Савин</i>	«дворъ Микиты Савина сына Жердинского» (с. 68)
<i>Захар, кожевник</i>	«дворъ пусть Захара кожевника» (с.135)
<i>Злобин</i>	«Злобин Иванъ, сынъ боярский» (с.56)
<i>Ивашка хлебник</i>	«дворъ посадцкого человека Ивашка Понарына хлѣбника» (с.125)
<i>Ивлиев Петрушка</i>	«дворъ посадцкого человѣка Петрушки Ивлева пирожника» (с.123)
<i>Карпов Первушка</i>	«лавка посадцкого человека Первушки Карпова на два замка, мерою две сажени и шесть вершковъ аршинныхъ» (с.251)
<i>Коновалов Ганька,</i>	«дворникъ Ганка Патрекѣевъ, плотникъ» (с.57)

<i>плотник</i>	
<i>Марков Федор</i>	«на Почаинѣ анбаришко да мѣсто лавочное Федора Маркова Козла» (с.224)
<i>Иванов Ондрюшка</i>	«пол-лавки посадцкого челоуѣка Ондрюшки Иванова сына холщевника» (с.251)
<i>Минин Нефед</i>	«дворѣ стряпчего Нефедя Кузмина сына Минина с огородомъ» (с.44)
<i>Микитка, юродивый</i>	«избенко нищего Митки Сущего» (с.133)
<i>Матюшка, хлебник</i>	«дворѣ посадцково челоуѣка Матюшки Еотихѣва хлѣбника» (с.123)
<i>Оксенов Петр</i>	«Василья Петрова сына Оксенова, посадцкой челоуѣкъ» (с.161, 266)
<i>Охлопков</i>	«избенко ярыжного Ивашка Охлопка» (с.130)
<i>Ресницын Федор, житничный ключник</i>	«дворѣ с огородомъ и с садомъ житничного ключника Федора Рясницына» (с.94)
<i>Семенов Василий, подъячий</i>	«мѣсто дворовое подъячево Василья Семенова» (с.47)
<i>Сокол Сенька</i>	«посадцкой челоуѣкъ Якушко Макарьевъ сынъ Соколъ» (с.358)
<i>Спиря, пушкаръ</i>	«Пищаль <...> у нее пушкаръ Спирка Яковлевъ» (с.11)
<i>Тимофеев Гришка, площадной подъячий</i>	«дворишко площадного подъячего Обакума Тимофѣева» (с.106)
<i>Толоконцев Ивашка</i>	«Толоконцовскихъ крестьянъ» (с.319)
<i>Шереметев Федор Иванович</i>	«боярину Федору Ивановичю Шереметеву для осадного времени, людемъ ево» (с.81)
<i>Юдин Василий</i>	«дворѣ діака Василья Юдина» (с.61)
<i>Яичное Ухо</i>	«дворѣ посадцкого челоуѣка Максимка Оѡнасьева Яичной ухи» (с.90)
«Питирим»	
<i>Андреев Иван, поп</i>	«Андреевы (Ондреевы) Иван – крестьянинъ» (с.55), «Иван – монастырский служебникъ» (с.449)
<i>Андреев Демид</i>	«избенко безмѣстного попа Демиды Григорьева» (с.57)
<i>Болдырь Проня, Пронька</i>	«дворишко стрелца Янки Болдыря» (с.109)
<i>Евстифеев</i>	«посадцкой челоуѣкъ Андрюшка Евстиѡѣву» (с.428)
<i>Еж Иван</i>	«избенко стрелца Семейки Ежа» (с.143)
<i>Карпов Первушка</i>	«лавка посадцкого челоуѣка Первушки Карпова на два замка» (с.251)
<i>Ларионов Яков</i>	«д. посадцкой челоуѣкъ Якушко Ларионову» (с.422)
<i>Петров Иван</i>	«избенко стрелца Ивашка Петрова колачника» (с.345)

<i>Петров Исая, поповец, рыбак</i>	«д. государева насадного промыслу ¹ промышленника Исайка Петрова» (с.427)
<i>Прокофьев Паиска</i>	«посадцкой человѣкъ Прохорко Прокофьевъ» (с.384)
<i>Титов Григорий</i>	«вдова еросиньяца посадцкого человѣка Гришкина жена Титова» (с.45)
<i>Ширяев Ванька</i>	«за посадцкимъ человѣкомъ за Иваномъ Ширяевымъ» (с.307)
«Жрецы»	
<i>Захаров Семён</i>	«посадцкой человѣкъ Сенка Захаровъ» (с.436)
<i>Заря Михаил</i>	«дворъ посадцкого человѣка Пронки Васильева Зори» (с.123)
<i>Константинов Андрей</i>	«изба нищего Васки Костянтинова» (с.59)
<i>Микитин Олешка</i>	«а сидитъ в ней Казанецъ Олешка Микитинъ» (с.276)
<i>Микита, поп</i>	«дворъ с огородомъ и с садомъ Егорьевского попа Микиты» (с.78)
<i>Никитин Яков</i>	«посадцкого человека Якушкина жена Никитина» (с.402)
<i>Ржевский Николай</i>	«поль двора детей боярскихъ Меншово да Ивана Ржевскихъ» (с.67)
Фамилии, встречающиеся в романах В.И. Костылева и в «Писцовой и переписной книгах XVII века по Нижнему Новгороду»	
Авдеев, Аксенов (Оксенов), Алексеев, Алябьев (Олябьев), Андреев (Ондреев), Аникеев, Артемьев (Ортемьев), Бартенев, Безобразов, Болдырь, Болтин, Вельяминов, Васильев, Глядко, Головин, Григорьев, Гурьев, Данилов, Доскин, Ёж, Жедринский, Захаров, Звенигородский, Зоря, Ивашкин, Ивлиев, Истомин, Карпов, Коновалов, Макаров, Марков, Микитин, Минин, Мосеев, Муромцов (Муромцев), Ларионов, Лаптев, Лукин, Лукьянов, Ляпунов, Некрасов, Никитин, Овчинников, Олисов, Охлопков (Охлопок), Павлов, Парамонов, Пахомов, Петров, Плещеев, Прокофьев, Пожарский, Попов, Репин, Ржевский, Сазонов, Салтыков, Селуянов, Семенов, Симонов, Сокол, Соловцов (Соловцов), Строганов, Спирин, Спиридонов, Трифо(а)нов, Тимофеев, Титов, Федоров, Шереметев, Шеин, Ширяев, Юдин, Юрьев	
Личные мужские имена, встречающиеся в романах В.И. Костылева и в «Писцовой и переписной книгах XVII века по Нижнему Новгороду»	
Андрей (Ондрей, Андрюшка), Антип (Антипа, Антипко), Антошка (Антон), Афонька (Афанасий), Артемий (Артемий), Аким (Яким), Артемий, Богдан (Богдашко), Вавила, Варлаам, Василий (Васка), Венедикт, Воин, Гераська (Герасим), Данил(а), Демид (Демидко) Дмитрий (Дмитрей), Дружинка, Елизарка (Елизарья, Елизарко), Ефрем, Ждан, Зиновий (Зиновко), Игнашка, Карп, Кирилл (Кирилко, Кирилка), Кондрат(ий), Куприянка (Куприяшка, Куприянко), Любимка, Лазарь (Лазорко), Масейка (Мосейко), Матюшка, Нефед, Софрон, Оброска (Обреска), Олешка, Онисим (Онисимка), Онуфрий,	

¹ «насадный промысел», связанный с закупкой и провозом больших партий рыбы и соли»
<http://www.kirmuseum.ru/issue/article>.

Осип (Осипка), Пронька, Посник, Потап(ка), Ратман (Ратманка), Родион (Родионъ), Роман, Семён (Сенка), Сергей (Сергей, Сергушка), Степанко (Степан), Спиридон (Спиря, Спирка), Федор, Филип, Филатка, Харитон.
Личные женские имена, встречающиеся в романах В.И. Костылева и в «Писцовой и переписной книгах XVII века по Нижнему Новгороду»
Авдотья (Овдотья, Овдотьица), Анна, Василиса, Марина (Мариница), Марфа, Наталья, (Натальица), Настасья (Настасьица), Неонила, (Ненила), Ирина (Иринка, Орина, Ориница), Оксинья, Пелагея (Палашка), Степанида (Стефанида), Федосия (Федосья, Федосьица), Фекла (Феколка, Феклица)

Приложение 4

СЛОВНИК

(в скобках указано количество употреблений в романах,
к имени собственному дается обозначение социального статуса лица)

АНТРОПОНИМЫ РОМАНА В.И. КОСТЫЛЕВА «КУЗЬМА МИНИН»

1. Аким (1), звонарь	13. Безобразов Ивашка (1),
2. Аксенов (1), дьяк	Безобразов (2), дворянин
3. Акулина Денисовна (5),
Акулина (6), мамка	14. Биркин (82), Иван Биркин (2),
Иван Иванович Биркин (2), Иван
Иваныч Биркин (1), Ванька
Биркин (1), Иван Иваныч (2),
дворянин, воевода
4. Алексеев Митрофанка (1),
посадский шубник	15. Болотников (11), Ивашка (1)
5. Алябьев (58), Андрей
Семеныч (1), воевода	16. Болтин Ждан Петрович (1), Ждан
Болтин (5), Болтин (4), дворянин
6. Алябьева Матрена Федоровна (4)	17. Борковский (1), пан
7. Андронов (10), Федор Андронов
(4), Федька Андронов (2), купец	18. Будила Осип (1), хорунжий
8. Аникеев (1), подъячий	19. Бутурлин (1), воевода
9. Антипка (1), пушкарь	20. Буянов (109), Михаил Андреич
(1), стрелецкий сотник
10. Апельман (1), немецкий инженер	
11. Ахмет-лесник (1)	
12. Бегичев (1), воевода	

21. Буянова Наташа (1), Наталья Буянова (2), Наталья (98), Наташа (21), Наташенька (4), Натальюшка (1), дочь Буянова
22. Вареев (1), дьяк
23. Василий Темный (1), царь
24. Вельяминов (1), дворянин;
25. Витовтов Тимофей (1), дьяк
26. Владислав (14), Владислав Сигизмундович (1)
27. Власьев (1), дьяк
28. Воейков Серапион (1), воевода
29. Волков Кручина (2), Волков (2), атаман
30. Волконский (3), дворянин
31. Волинский (1), дворянин
32. Воротынский (1), Сергей Гаврилыч (1), дворянин
33. Вяземский (5), дворянин
34. Гагарин Роман (2), князь
35. Гедеон (9), старец
36. Геннадий (2), игумен
37. Гераська (1), коновал
38. Гермоген (33), патриарх
39. Гиль Яков (1), иноземец
40. Гиреев (1), татарский мурза
41. Гнутов Илья (1), старик
42. Годунов Борис (1), Борис (1), Годунов (1), царь
43. Голенищев Степан (3), воевода
44. Голицын (17), Андрей Голицын (3), Андрей Васильевич Голицын (5), князь
45. Голицын Василий Васильевич (2), Голицын (31), Василий Васильевич (1), Василий Голицын (22), Васильич (1), Василь Васильич (1), князь
46. Головин Семен (1), дьяк
47. Гонсевский (43), воевода
48. Грамотин Иван (1), «печатник Грамотин» (1), дьяк
49. Грегори (4), Грегори Иосиф (2), австрийский посол
50. Григорьев Наумка (2), ландиховский парень
51. Грозный (1), Иван Васильевич (1), Иван Великий (1), Иван Грозный (1), Иоанн (1)царь
52. Грязной (1), боярин
53. Гурьев Осташко (1), нищий
54. Давыдка (1), судовой кормщик
55. Данилка (1), судовой кормщик
56. Данилов Степанко (1), бобыль
57. Демьянов Фома (5), Фома Демьяныч (1), Фома (9), купец
58. Дионисий (3), архимандрит
59. Дмитриев Михайла Самсонович (1), воевода

60. Долгорукий (10), Долгорукий Василь Петрович (1), Василь (1), боярин	79. Зубарев Иван (1), князь
61. Долгорукий Владимир Тимофеевич (1), Долгоруков (1), Владимир Тимофеевич (1), боярин	80. Иван Иванов, сын Юрьев (1)
62. Доморацкий (25), пан	81. Иван Пятый (1), сын Марины Мнишек
63. Доскин (1), дворянин	82. Иванов Ондрюшка (1), Ондрюшка (1), посадский человек
64. Евфимий (1), архимандрит	83. Ивашка-хлебник (1), посадский человек
65. Елагин (3), курмышский воевода	84. Ивлиев Петрушка (1), посадский человек
66. Еремей Еремеев (1), Еремеев (1), дьяк	85. Игнатий (47), инок
67. Елизарка (1), хлебник	86. Измайлов (1), воевода
68. Жабин (1), сотник	87. Иоанн (1), датский принц, жених Ксении Годуновой
69. Жвалов Сенька (4), Сенька (5)	88. Иона (1), поп
70. Жедринский Дмитрий Савин (1), дворянин, воевода	89. Ипат (2), дед
71. Жолкевский (4), гетман	90. Карамышев (3), Карамышев Сергей (2), атаман
72. Зарецкой (2), князь	91. Карло-Филипп (1), Карлович (1), Филипп (1), король
73. Заруцкий (44), Иван Мартыныч Заруцкий (2), Ивашка Заруцкий (5), Иван Заруцкий (2), атаман	92. Карпов Первушка (1), Карпов (1), посадский человек
74. Засекин Иван (1), князь	93. Кирилл (7), митрополит
75. Захар-кожевник (1)	94. Коломна Афанасий (1), атаман
76. Звенигородский (34), Семен Звенигородский (1), Семен (3), князь	95. Колтовский (1), пан
77. Зиновий (34), украинский беглец	96. Кондырев (1), воевода
78. Злобин (1), дворянин	97. Коновалов Ганька (1), плотник
	98. Корецкий Казимирка (1), старшина литовцев

99. Коробейников (1), боярин	117. Маржерет Яков (3), француз
100. Ксения (1), дочь Бориса
Годунова	118. Марков Федор (2), Марков (6),
посадский человек
101. Куракина (1), инокия	119. Марфа (2), инокия
102. Лаврентьев Ивашка (2),
Лаврентьев Ивашко (3), стрелец	120. Масальский (5), Василий
Масальский (1), князь
103. Лебедь Митька (3), Митька (3),
кузнец	121. Маскевич (5), Самуил
Маскевич (1), польский поручик
104. Левашов Михайла Дмитриевич
(1), вотчинник	122. Матфий (1), австрийский
император
105. Лжедимитрий (1), Лжедимитрий
I (1), Дмитрий Первый (1)	123. Матюшка (1), хлебник
106. Лжедимитрий II (1), Дмитрий
Второй (1)	124. Межеков Филат (1), атаман
107. Лжедимитрий третий (1),
Сидорка (1)	125. Мещерский (1), князь
108. Лисовский (3), пан	126. Микитка (1), юродивый
109. Лопата-Пожарский (11),
Дмитрий Петрович Пожарский-
Лопата (2), Лопата (1), князь	127. Минин (444), Кузьма (278),
Кузьма Минин (28), Кузьма
Захарыч (47), Кузьма Захарович
Минин (1), Захарыч (7), Кузьма
Захарын (2), Кузьма Минич (8),
Минич (16), Куземка (7), Косма
(3), Кузя (1), Кузька (1),
Куземушка (1)
110. Луговской Томило (2),
Луговской (1), боярин	128. Митя (6), лысковский крестьянин
111. Лукин Андрей (1), мужик	129. Мнишек Марина (1), Маринка
Мнишек (1)
112. Лысгорь-Соловцев (1), воевода	130. Мозырский (1), полковник
113. Любимка Гусельник (1)	131. Морозов (13), Василий Петрович
Морозов (1), Василий Петрович
(2), боярин, воевода
114. Любимка-сапожник (1)	
115. Ляпунов (68), Ляпунов Прокопий
(4), Прокопий Петрович (4),
Прокопий (9), воевода	
116. Максимилиан (5)	

132. Мосеев Родион (5), Родион (35), Мосеев (58), Родя (1), нижегородский гонец	(1), крестьянин, смоленский гонец
133. Мстислав (1), князь	152. Осип (50), крестьянин
134. Мстиславский (54), Федор Иваныч (2), Иваныч (1), боярин	153. Отрепьев Гришка (1)
135. Муромцов Афонька (2), Афонька (1), стрелец	154. Отяев Петр (1), Отяев (1), атаман
136. Мясной Лукьян (3), татарский начальник	155. Охлопков (6), Охлопков Семка (2), Семка (1), посадский человек
137. Наумов (1), воевода	156. Ошалда (7), стрелец
138. Нащокин Федор (1), боярин	157. Ощерин Афанасий (1), старец
139. Нефед (35), Нефедушко (2), сын К. Минина	158. Палицын Авраамий (5), Авраамий (4), келарь
140. Новожилов (1), смолянин	159. Параскева (1), игуменья
141. Нормицкий (3), дворянин	160. Пахомов Роман (14), Пахомов (102), Роман (20), Родя (1), нижегородский гонец
142. Облезлов Самуил (20), дьяк	161. Пекарский (11), пан
143. Оболенский Федор (3), князь	162. Петров Ивашко (1), калачник
144. Образцов Григорий (1), Образцов (3), воевода	163. Плещеев (4), Матвей Плещеев (2), князь, воевода
145. Обрезка (6), казак	164. Подлесный Андрей (1), тяглец, дьяк
146. Одоевский (1), Владимир Тимофеевич (1), князь	165. Пожарский (373), Дмитрий Пожарский (2), Дмитрий Михайлович (9), Дмитрий Михайлович Пожарский (1), Дмитрий Михайлович Пожарский-Стародубский (1), Митрий Михайлыч Пожарский (1), Митрий Михайлыч (7), Митрий Пожарский (1), Митрий
147. Оксенов Петр (1), нижегородец	
148. Оксинья (4), «потворенная баба»	
149. Олешка (49), крестьянин	
150. Онисим (2), тяглец	
151. Ортемьев (2), Гаврилка Ортемьев (6), Гаврилка (222), Гаврилушка	

- (1), Митенька (2), воевода,
боярин
166. Пожарский Роман Петрович (3),
двоюродный брат
Д.М. Пожарского
167. Полено Кирилл (1), калашник
168. Порфирий (1), воевода-инок
169. Постник Онуфрий (1), мужик
170. Потоцкий Ян (8), пан
171. Прозоровский (1), князь
172. Пронский (2), Василий Петрович
(1), князь
173. Просовецкий (8), пан
174. Пуртас (12), чувашский
старшина
175. Репнин (20), Александр
Андреевич Репнина (1),
Александр Андреич Репнин (1),
князь, воевода
176. Ресницын Федор (1), Ресницын
(2), житничный ключник
177. Романов Иван Никитич (3),
боярин
178. Романов Михаил (2), Мишка (1),
Миха (1), Мишка Романов (1),
Миша Романов (1), боярин
179. Романов Филарет Никитич (2),
Филаретка Романов (1), Филарет
Романов (2), Филарет (1),
Романов (11), боярин
180. Романчуков Савва (1), дьяк
181. Рудаков Антон (1), воин
182. Савва (35), протопоп, его
сыновья Игнатий (2) и Василий
(2)
183. Сазонов Кирилл, сын, дворянин
184. Салтыков (50), Михаил Салтыков
(2), Михайла Салтыков (12),
Михаил Глебыч (1), Михаил
Глебович (3), Михайла Глебович
(3), Михайла Глебыч (1),
Салтыков Мишка (1), Михайла
(1), боярин, воевода
185. Салтыков Иван (1), Иван (1),
боярин
186. Салтыкова Ирина (1), Салтыкова
(3), Ирина (76), Иринушка (4),
дочь Сылтыкова
187. Сапега Лев (4), Сапега (18),
канцлер
188. Сапега Ян (1)
189. Свиньин (1), воевода
190. Себергрен (1)
191. Семенов (5), Василий Семенов
(1), Вася (1), Василий (1),
площадной подьячий
192. Семин Николай Трифоныч (1),
Никола Семин (1), Трифоныч (2),
Семин (8), ямской староста

193. Сергей (6), архиепископ,
преподобный	208. Толоконцев Ивашка (1)
194. Сигизмунд (16), Сигизмунд
Третий (1), Жигимонд (22),
король	209. Толстой Иван (1)
195. Сокол Сенька (1), Сенька (2),
ратник	210. Тоскаев (2), атаман
196. Соловецкий Степанка (1),
торговый человек	211. Трубецкой (92), Дмитрий
Трубецкой (1), Дмитрий
Тимофеевич Трубецкой (1),
князь
197. Сомов Данила (2), Данила (2),
пушкарь	212. Трубецкой Юрий (1), князь
198. Степан (9), Стенька (1), казак	213. Тюфякин (1), князь
199. Степанка-пастух (1)	214. Угрюмов (1), смолянин
200. Стравинский Эразм (1), трокский
конюший	215. Фебнев Филька (1), крестьянин
201. Струсь (4), Николай Струсь (1),
боевой староста, воевода	216. Федор (1), царь
202. Сунбулов Исайка (1), Сунбулов
(1), Исаак Сунбулов (1), воевода	217. Феодосий (14), архимандрит и
игумен
203. Сусанин (1), Иван (1), Иван
Сусанин (1), Сусанин (1),
крестьянин	218. Фрейгер Андриан (1), иноземец
204. Сухотин (1), дьяк	219. Халдей (92), Константин (35),
Константин Симонов (1), стрелец
205. Татищев Степан (1), посол
нижегородцев	220. Харитонушко (1)
206. Татьяна (8), Татьяна
Семеновна (13), Семеновна (1),
жена К. Минина	221. Хворостинин Юрий (1), «пан
Хворостинин» (1)
207. Тимофеев Гришка (1), площадью
подьячий	222. Хованский (2), князь
	223. Хоткевич (46), гетман
	224. Черкасский (17), Борис
Черкасский (1), атаман
	225. Черкасский Дмитрий
Мамстрюкович (1), боярин
	226. Чичерин (1), князь
	227. Чуркин (3), Иван Петрович
Чуркин (1), дворянин
	228. Шаховской Григорий (1), князь

229. Шеин (29), Михаил Борисыч (3)	235. Эстон Артур (1), иноземец
230. Шереметев (29), Федор Иванович	236. Юдин Василий (6), Юдин (16),
Шереметев (2), Федька
Шереметев (1), Федор	237. Юрьев Куприянка (1), мясник
Шереметев (2), боярин, воевода	238. Яичное Ухо (3), кузнец
231. Шереметев Иван Петрович (4),	239. Янгальчев (1), купец
Ивашка Шереметев (1), Иван	240. Янгальчева Марфа Борисовна
Шереметев (1), боярин	(1), Марфа (16), Марфа
232. Шереметев Петр (1)	Борисовна (45), Борисовна (1),
вдова
233. Шуйский Василий (5), Шуйский	241. Янов Василий (1), дьяк
(1), Василий (2), царь	
234. Шульгин Никанор (2), Шульгин	
(10), дьяк	
242. Болтины, Городецкие, Доможировы, Злобины, Киреевы, Кокоревы,
Скрипеевы, Шугуровы, Яшины.	

ТОПОНИМЫ РОМАНА В. И. КОСТЫЛЕВА «КУЗЬМА МИНИН»

1. Австрия (1)	13. Волоколамск (1)
2. Арзамас (1)	14. Вычегда (1)
3. Архангельск (5)	15. Вятка (1)
4. Астрахань (2)	16. Днепр (2)
5. Балахна (12)	17. Дон (4)
6. Башкирия (2)	18. Заволжье (5)
7. Белоозерск (1)	19. Замоскворечье (7)
8. Варшава (1)	20. Зарайск (3)
9. Васильев (1)	21. Казань (30)
10. Владимир (6)	22. Калуга (1)
11. Волга (75), река	23. Киев (1)
12. Вологда (5)	24. Кинешма (7)

25. Клин (1)	48. Неглинная (2), река
26. Княгинино (1), село	49. Наметция (1)
27. Копосово (1), деревня	50. Нижегородский край (1)
28. Кострома (31)	51. Нижегородский кремль (3)
29. Кострома (2), река	кремль (16)
30. Которосль (1), река	52. Нижний посад (1)
31. Краков (1)	53. Нижний (54), Нижний Нове-град
32. Красные Холмы (1)	(10), Нове-град (1), Нижний
33. Курмыш (5)	Новоград (2), Нижний Новгород
34. Ландех (1), село	(1), Нижний град (1)
35. Литва (7)	54. Новгород (5)
36. Литовское княжество (1)	55. Ока (13), река
37. Лысково (1), село	56. Переяславль-Залесский (3)
38. Малоярославец (1)	57. Пермь (2)
39. Москва (247), матушка-Москва	58. Плес (7)
(1), Москва Белокаменная (1)	59. Поволжье (1)
Деревянный город (1), Скорodom	60. Погост (3), село
(1), Белый город (11), Китай-	61. Польша (7), Речь Посполитая (2)
город (32)	62. Понизовье (1)
40. Москва-река (22)	63. Почайна (1)
41. Кремль (115),	64. Пошехонье (4)
Московский Кремль (7)	65. Приморье (1)
42. Московское государство (26)	66. Пронск (2)
государства Московского (1)	67. Псков (5)
Московия (10)	68. Решма (1), село
43. Мугреево (2), село	69. Ростов (5)
44. Мурашкино (1), село	70. Русь (17), Россия (6), Русская
45. Муром (5)	земля (2), государство
46. Нагорное (1), село	Российское (3), мать-Россия (1),
47. Неглинка (2), река	

матушка-Русь (1), царство	81. Турция (1)
Русское (1)	82. Углич (4)
71. Рязань (15)	83. Украина (8)
72. Сафат-река (1)	84. Унжа (2), река
73. Север (1)	85. Чебоксары (2)
74. Сечь (1)	86. Шахманово (1)
75. Сибирь (1)	87. Швеция (1)
76. Смоленск (18)	88. Юрьевец (9)
77. Суздаль (14)	89. Юрьев-Польский (1)
78. Тихвин (1)	90. Яковцево (1), село
79. Тихие Сосны (5), деревня	91. Ярославль (47)
80. Тула (2)	92. Яуза (3), река

АНТРОПОНИМЫ РОМАНА В. И. КОСТЫЛЕВА «ПИТИРИМ»

1. Абдул (1), татарин	12. Аристотель (1)
2. Аввакум (3), протопоп, раскольник	13. Байбулатов (1), Байбулат (2), татарин из Казани
3. Авраамий (52), старец	14. Бартенев Иван Петров (1), служивый
4. Александр (72), диакон	15. Богдан (3), Богдашка (1), Зубов (9), Григорий Никифоров (1), бродяга с серьгой в ухе
5. Алексей Михайлович (2), Алексей (15), царевич	16. Боголюбов (5), сержант
6. Андреев Иван (1), поп	17. Болдырь (1), Пронька Болдырь (5), Пронька (29), куафер, мордвин
7. Андреева Фекла (1), сестра Софрона	18. Булавин (3), атаман
8. Анкусь (1), римский царь	19. Варсонофий (159), иеромонах, старец
9. Анна (2), жонка	
10. Анфиса (1), старица, дурочка	
11. Апраксин (2), казанский губернатор	

20. Васильев Алексей (1), протоиерей 21. Вельзевул (1) 22. Веселовский Федор (1), боярин 23. Волынский (93), Иван Михайлович Волынский (1), Иван Михайлович (7), помощник губернатора 24. Всеволоцкий (11), Петр Трофимович сын Всеволоцкий (1), Петр Трофимов (1), помещик 25. Гаврилов (12), начальник тюремной стражи 26. Гагарин (1), Василий Гагарин (1), сибирский губернатор 27. Георгий (7), юноша, ученик греко-латинской школы 28. Герасим (35), старец, диакон 29. Грозный (1), Иван Васильевич Грозный (1), Грозный Иван Васильевич (1), царь 30. Гурий (16), иеродиакон 31. Деби (1), голландский резидент 32. Денисов (23), Андрей сын Денисов (1), Андрей Денисов (5), Андрей Дионисьевич (1), писатель-поморец 33. Долгорукий Яков Федорович (1), Долгорукий (2), князь	34. Евстифеев (12), рабочий рудоискатель 35. Евфимий (1), солдат 36. Ёж (1), Иван Ёж (2), привратник 37. Ежов Клим (1), мирянин 38. Екатерина (8), царица 39. Елизавета (116), Лизавета (1), дочь купца Овчинникова, Надежда (5), монахиня 40. Ершов Василий (1), судья Монастырского приказа 41. Зиновьев Семен (1), Семен (1), (1), поп Воскресенский 42. Зотов Никита (1), учитель Петра I 43. Игнашка (1), крестьянин 44. Иона (3), раскольник 45. Иосиф (2), схимник 46. Истомин Антошка (19), Истомин (21), Антон сын Истомин (1), разбойник 47. Исупов (6), Леонтий Гаврилович Исупов (1), столбовой дворянин 48. Калмовский (17), Антон Калмовский (1), купец 49. Карп (30), поп 50. Кирилл (1), поп 51. Климов (11), рабочий рудоискатель 52. Ключников (1), тюремный пристав

53. Кобчик Ванька (1), Ванька (1), разбойник
54. Колосов Тимофей (1), учитель греко-латинской школы
55. Кузьма Петрович (1), пристав
56. Лаптев Яков (1), крестьянин
57. Ларионов (3), Яков Ларионов (2), раскольник
58. Левашов (2), помещик
59. Лисица Семен (1), Семен (1), пристав
60. Лихуды (1), греческие православные монахи
61. Лукьянова Наталья (1), жонка
62. Мазоват (1), мордвин, атаман
63. Макаров (19), Алексей Васильевич Макаров (1), Семёныч (1), секретарь императора
64. Македонский Александр (1)
65. Максимович Федор (1), иподиакон
66. Масейка (14), стражник
67. Матвей (4), солдат
68. Меньшиков (2), царедворец
69. Милюгин (1), купец
70. Минин Кузьма (1), Минин (2)
71. Митя (1), сержант
72. Монс (1), немец, царедворец
73. Мошкин (4), ассессор
74. Назарка (13), караульщик
75. Настасья (1), сестра Софрона
76. Ненила (21), игуменья
77. Нестеров (74), Нестеров Стефан Абрамыч (1), Стефан Абрамыч (4), Стефан Нестеров (1), обер-ландрихтер
78. Нестеров Алешка (1), сын Нестерова
79. Никандр (6), игумен
80. Никанор (1), игумен
81. Никита Монах (1)
82. Нума (1), римский царь
83. Овчинников (45), купец
84. Олисов (81), Афанасий Фирсов сын Олисов (2), Афанасий Фирсович (5), Фирсович (2), Афанасий Фирсович Олисов (1), купец
85. Олисова Варвара Степановна (1), Варвара (2), жена Олисова
86. Остерман (1), сподвижник Петра I
87. Охлопков (1), Демид (198), Демид Охлопков (2), Андреев (1), Андреев Демид (3), скитник, диаконовец
88. Паисий (19), инок
89. Панкратий (18), поп
90. Панфилова Ирина (1), жонка

91. Параскева Яковлевна (8), жена
Нестерова
92. Петр Алексеевич (17), Петр
(139), царь, государь
93. Петр Филиппович (1), Петр (2),
Петюшка (1), сын Рыхловского
94. Петров Иван (1), священник
95. Петров Исая (1), Исая (33),
поповец, рыбак
96. Питирим (597), Питиримушка
(3), Питиримка (13), Петр
Дементыч (1), Петька (1), Степан
(1), архиепископ
97. Пономарев сын Софрон (1),
Софрон (356), Пономарев сын
Софрон Андреевич (1), Софрон,
сын Андреев, Пономарев (1),
Софрон, Андреев, Пономарев
сын (2), Пономарев сын
(2), Самсон-великан Софрон,
Иван Воин, ученик греко-
латинской школы, атаман
98. Потап (1), монах
99. Потемкин (6), Иван Потемкин
(1), интендант
100. Прокл (1), крестьянин
101. Прокопóвич Феофан (4),
архиепископ
102. Прокофьев Пашка (1),
кунавинский кузнец-заводчик
103. Протасьев Дмитрий (1), дьяк
104. Пушников (82), Яков
Пушников (1), бургомистр
105. Пчелка Василий (31), Пчелка
(22), Степан Микулин (1),
Микулин (1), Степан (1), Степка
Микулин (1), юродивый
106. Разин Степан (1)
107. Ржевский Юрий Алексеевич (2),
Юрий Ржевский (1), Юрий
Алексеевич (5), Ржевский (120),
вице-губернатор
108. Ромадановский Федор Юрьевич
(2), царедворец
109. Ростовский Дмитрий (3),
митрополит
110. Рыхловский Филипп (2), Филипп
Павлович Рыхлый (1), Филька
(453), Филька Рыхлый (11),
Филька-кузнец (9), Рыхлый (3),
Филипп (34), Филипп Павлыч
(5), Филипп Рыхлый (4), Филипп
Павлов сын Рыхлый
(Рыхловский) (2), Филя (8),
кузнец
111. Савватий (1), учитель-монах
112. Санинский (3), Иван Санинский
(1), подьячий
113. Серафима Андриановна (1),
вдова

114. Сильвестр (1), митрополит	124. Толстой Петька (1), сподвижник Петра I
115. Спиридонов (1), Иван
Спиридонов(4), Иван (2), дьяк	125. Федоров (4), сторож
116. Спиря (8), пушкарь	126. Федорова Авдотья (1), Авдотья (1), дочь сторожа
117. Старостин Антип (1), мирянин	127. Феодосия (1), черничка
118. Степанида (313), Степанида Яковлевна (2), Стефанида Яковлевна (2), Стефанида Иаковлева (1), Аглая (1), Венера (1), Андромаха (1), Психея (1), нижегородская Вирсавия (1), Яковлевна (1), прачка Духовного приказа	128. Филарет (14), архимандрит
119. Строганов (23), Григорий Дмитриевич (1), купец	129. Филатка (12), ватажник
120. Сыч (69), цыган	130. Фролов (5), камерир
121. Сундяев Тюней (8), мордвин	131. Халецкий (1), Холецкий (1), пан, атаман
122. Таня (1), дочь Демида	132. Чесалов (45), солдат
123. Титов (12), Григорий Титов (3), маляр судостроительной верфи, раскольник	133. Шафиров (1), царедворец
	134. Шилов (4), купец
	135. Ширяев Ванька (1), пристав
	136. Штейн (2), немец-кузнец
	137. Яворский Степка (1)
	138. Денисовы, Шустовы, Строгановы

ТОПОНИМЫ РОМАНА В. И. КОСТЫЛЕВА «ПИТИРИМ»

1. Арзамас (2)	5. Богомолowo (1)
2. Арзамасские выселки (1)	6. Брянск (1)
3. Астрахань (1)	7. Васильсурск (6)
4. Безводное (1)	8. Великий Враг (1)

9. Ветлуга (8), река
10. Волга (108), река
11. Выгорецкий скит (1)
12. Вязовая (1)
13. Гжатская пристань (1)
14. Горбатов (1)
15. Гордеевка (2)
16. Городец (1)
17. Гороховец (1)
18. Грузия (1)
19. Дрюковская волость (1)
20. Заболотное (1)
21. Заречное (1)
22. Зеленый Дол (под Казанью) (1)
23. Индустан (1), Индианская провинция (1)
24. Исады (1)
25. Казии-Кумыцкая земля Сурхая (1)
26. Карелия (1)
27. Каспий (2)
28. Кеза (1), река
29. Керженц (61), река
30. Киев (1)
31. Китеж (1)
32. Ковалиха (3), река
33. Копосово (1)
34. Кстово (14)
35. Курмыш (2)
36. Ладога (2)
37. Лезгинская земля Дауд-Бега (1)
38. Линда (2), река
39. Лысково (11)
40. Макарьев (5), Макарьево (1), Макарий (26)
41. Москва (17)
42. Мурашкино (4)
43. Муром (1)
44. Нижний (148), Нижний Нов-Град (14), Нижний Новгород (4)
45. Ока (7), река
46. Орел (1)
47. Оттоманская Порта (1)
48. Павлов (1)
49. Пафнутаево (33)
50. Персия (5)
51. Печеры (11)
52. Питер (31), Питербурх (29), Санкт-Питербурх (1), С.-Питербурх (1), Питербурх (1)
53. Поганый (1), пруд
54. Позаволжье (1)
55. Почайна (5), река
56. Работки (2)
57. Россия (13)
58. Сарка (1), пруд

59. Светлояр (1), озеро	67. Турция (2)
60. Сельские Мазы (1)	68. Уста (8), река
61. Сергач (1)	69. Черета (1), река
62. Слупинец (1)	70. Черный (1), пруд
63. Смоленск (1)	71. Чертово городище (1)
64. Стародубье (1)	72. Шемахия Ширванской
провинции (1), Шемаха (1)
65. Сура (5), река	73. Юркино (1)
66. Татинец (1)	

АНТРОПОНИМЫ РОМАНА В.И. КОСТЫЛЕВА «ЖРЕЦЫ»

1. Авдеев (1), купец	12. Бестужев (1), Алексей Петрович
(1), царедворец
2. Акинфов (1), подпоручик	
3. Амвросий (8), архиепископ
новгородский	13. Бехтеев Федор (2), переводчик
4. Анна Иоанновна (2), дочь Петра	14. Бирон (3), царедворец
5. Анфиноген (14), архиерей
раскольничий	15. Бутурлин (12), генерал-адъютант
6. Артемий (7), старец	16. Варлаам (1), архиерей
7. Артемьев Иван (2), регистратор	17. Варнава (56), старец
8. Бадаев (2), отец Тутустана
Бадаева	18. Василиса (21), Василисушка (1),
бабка
9. Бадаев Турустан (1), Турустан
(76), мордвин	19. Вася (5), инок
10. Бакар Грузинский (2),
Грузинский Бакар Вахтангеевич
(1), Бакар (6), помещик	20. Венедикта (1), монахиня
11. Баратаев (11), Мельхиседек (1),
управляющий царевича Бакара	21. Владимир Мономах (1)
	22. Воронцов (2), Михайла
Ларионович Воронцов (1),
Михайла Ларионович (1),
царедворец
	23. Воронцова Анна (1), советница
Елизаветы I

24. Глядко́в Павел (2), Павел (2),
строитель	Артамонов (2), Михаил, сын
Артамонов (1), атаман ватаги
25. Гнуто́в Серге́й (1), Гнуто́в (1),
писец	39. Захаров Семен (1), пристав
26. Гринбе́рг (80), Залман Гринбе́рг
(5), Залман (54), Захар Гринбе́рг
(1), меховщик	40. Зоровавель (1), юноша
27. Грюнште́йн (18), Юри́й
Грюнште́йн (1), лейб-компанец	41. Зыбин (1), обер-кригс-комиссар
28. Дари́й ца́рь (1), ца́рь	42. Ива́шкин Пе́тр (1), прапорщик
29. Дога́да (3), Фе́дор Дога́да (20),
мордвин	43. Иоа́нн Анто́нович (2), младе́нец
30. До́нско́й Пе́тр (1), по́дьячий	44. Кажает Нардя́н (1), крестья́нин
31. Друцко́й (80), Дани́ила
Андре́евич Друцко́й (2), Дани́ил
Андре́ич(1) , губе́рнатор	45. Каин (21), Ванька Каин (44), вор
32. Ду́бинский (5), Ду́бинский Иоа́нн
(4), Иоа́нн Пе́рвый (Ду́бинский)
(1), Иоа́нн (1), епи́скоп,
духовный наставник Елизаветы I	46. Кита́ев Сеска́ (1), крестья́нин
33. Евпра́ксия (1), жена писца	47. Колы́чев Степа́н (1), адъюта́нт
34. Елиза́вета Вели́кобрита́нская (1)	48. Кондра́тий (4), отец
35. Елиза́вета (25), Елиза́вета
Петро́вна (5), Елиса́вет (3),
ца́рица	49. Константи́нов Андре́й (3),
рабо́тник
36. Елиза́вета Ива́новна (1),
совета́ница	50. Косо́лапов Илари́он (1),
крестья́нин
37. Ефре́м (2), мона́х	51. Крапо́ткин (14), князь
38. За́ря Михаи́л (58), Ива́н Вои́н (1),
За́ря (60), Софра́н (6), Михаи́л	52. Криво́в Несме́янка (8),
Несме́янка Васи́льев Криво́в (1),
Несме́янка (103), Несме́янка,
Васи́льев сын, Криво́в (1),
новокреще́нец мордвин
	53. Ку́тузов (2), капита́н
	54. Ле́венвольд (1), оберго́фмаршал
	55. Лесто́к (5), лека́рь
	56. Лилие́нфельд (1), штабс-
ротми́стр
	57. Лопухи́на (8), при́дворная да́ма
	58. Луки́н Вави́ла (1), старо́вер
	59. Луки́н Васи́лий (1), старо́вер

60. Лютер (11), пастор	81. Патрикий (1), поп
61. Лялин Пимен (1), гоф-фурьер	82. Писарев (4), вятский воевода
62. Макеев (15), Иван Макеев (22),
поп	83. Питирим (4), архиепископ
63. Марья Тимофеевна (22), Марья
(1), тетка Степаниды	84. Пиюков (15), Сустат Пиюков
(16), Сустат (11), мордовский
жрец
64. Меншиков Сашка (1),
царедворец	85. Попов (1), станичный писарь
65. Микита (1), дьячок	86. Путята Иван (1), поручик
66. Микитин Олешка (1), крестьянин	87. Разумовский (14), Алексей
Григорьевич Разумовский (1),
царедворец
67. Миних (5), генерал	88. Рафаил (7), скитник, чернец
68. Мориц (1), принц	89. Рахиль (85), дочь Гринберга
69. Мотя (83), Мотюшка (1),
мордовская девушка	90. Ржевский Николай (1), дворянин
70. Муромский Василий (1),
Василий (1), рязанский святой
угодник	91. Рогожа Иван (13), крестьянин
71. Мясников Дружинка (2),
Дружинка (1), крестьянин	92. Рувим (84), Рувимка (1), сын
Гринберга
72. Надеев Есмук (1), крестьянин	93. Румянцев (1), генерал
73. Нарушев Мазоват (1),
Мазоват (1), мордвин	94. Рыхловский (1), Петр, сын
Филиппов (1), Петр Рыхловский
(2), Петр (2), Петр Филиппович
(20), Петр Филиппов сын (1), сын
Фильки Рыхлого и Степаниды
74. Нарышкина (1), придворная	95. Рыхловский (2), Филька Рыхлый
(1), Филька (5), Филипп
Рыхловский (10), Филипп
Павлович Рыхловский (2),
Филипп Павлович (71), Филипп
(27), Филипп Павлыч (6), кузнец,
75. Некрасов (1), атаман	
76. Никитин Яков (2), дьякон	
77. Никодим (2), поп	
78. Ортин Ишта(1), крестьянин	
79. Остерман (5), сподвижник Петра
I	
80. Павлов Сустат (1), крестьянин	

- полупромышленник,
полудворянин
96. Сазонов (1), атаман
97. Сергей (16), старец, казначей
98. Сеченов (47), Дмитрий Сеченов (14), Димитрий (1), епископ
99. Силантий (4), ямщик
100. Симонова Пелагея (1), жена
101. Скуратов Малюта (1), слуга Ивана Грозного
102. Сновидов Иван (1), сержант
103. Собакин (1), помещик
104. Соловей Егор (1), музыкант
105. Степан, Парамонов сын (1), Степан (4), дядька Рыхловского
106. Степанида (18), Степанидушка (2), жена Фильки Рыхлого
107. Строганов (2), Александр Григорьевич Строганов (1), купец
108. Сыч (185), цыган
109. Танзаров Петруня (4), Петруня (1), крестьянин
110. Трифонов (1), Семен Трифонов (32), крестьянин
111. Турчанинов Александр (1), камер-лакей
112. Ульрих Брауншвейгский (1), принц
113. Ушаков (2), Андрей Иванович Ушаков (1), начальник канцелярии
114. Феодорит (44), игумен
115. Феокиста Семеновна (20), Феокиста (19), домоправительница Рыхловского
116. Филипп (2), митрополит
117. Флоринский Кирилл (1), Кирилл (4), ректор
118. Фридрих (4), король Пруссии
119. Фукс (2), кулинар
120. Хайридин (18), уральский башкир
121. Хиония Андреевна (1), Хиония (17), попадья
122. Цыганков Гаврила (1), заплечных дел мастер
123. Чанаев Лобка (1), мордвин
124. Чинаев Тамодей (1), Тамодей (16), прявт
125. Чулков (2), метр-де-гардероб
126. Шетарди (6), француз
127. Ширванов (1), армянин
128. Шмаков (1), Лазарь Шмаков (1), капитан
129. Штейн (96), купец, немец
130. Штроус (13), придворный музыкант

131. Шубин (4), Алексей Иванович
Шубин (1), царедворец
132. Шувалов (13), Александр
Иванович Шувалов (3), Иваныч
(1), Александр Шувалов (3),
царедворец
133. Шувалов Петр (1), офицер | 134. Шувалова (2), Мавра Егоровна
Шувалова (1), Мавра (1),
советница
135. Юнгер (9), премьер-майор
136. Ярцев (5), начальник казанской
новокрещенской конторы |
|---|--|

ТОПОНИМЫ РОМАНА В.И. КОСТЫЛЕВА «ЖРЕЦЫ»

1. Алатырь (1)
2. Антоново (1)
3. Арзамасское воеводство (1)
4. Астрахань (7)
5. Башкирия (2)
6. Березняки (3)
7. Большая Мордовия (1)
8. Большие Терюши (1)
9. Большое Сескино (1)
10. Бурцево(1)
11. Валдай (1)
12. Василь (1)
13. Васильсурск (3)
14. Ветка (1), река
15. Волга (90), река
16. Чертово Городище (13)
17. Дальнее Константиново (2)
18. Девичьи горы (2)
19. Дон (21)
20. Запорожская Сечь (1) | 21. Иловля (1), река
22. Инютино(1), село
23. Иргиз (2), река
24. Казань (13)
25. Камышин (1)
26. Качалинская станица (1)
27. Керженец (13), река
28. Керлей (2), село
29. Керлей тож (1), село
30. Клин (1)
31. Козьмодемьянск (1)
32. Константиново (1)
33. Кочуново (1)
34. Кудьма (6), река
35. Кунавин (4)
36. Лукоянов (1)
37. Лысково (3)
38. Макарьев (5), Макарий (6)
39. Молдовахия (1)
40. Малое Сескино (2) |
|---|--|

41. Монастырки (1), деревня	62. Санкт-Петербург (12),
42. Москва (63)	Питер (15)
43. Москва-река (1)	63. Сарлеи (6), село
44. Мурашкино (1)	64. Сергач (1)
45. Муром (1)	65. Сибирь (8)
46. Нижний (55), Нижний	66. Стародубье (5)
Новгород (7), Соль-город (1)	67. Сура (17), река
47. Никольское (1)	68. Суроватиха (4), река
48. Новгород (1)	69. Сурское воеводство (1)
49. Оранки (1)	70. Татинец (1), село
50. Пензенский уезд (1)	71. Тверь (1)
51. Печерские выселки (1)	72. Терюшево (28), село
52. Польша (1)	73. Терюшевская волость (20)
53. Понизовье (2)	74. Терюши (1), деревня
54. Почайна (3), река	75. Торжок (1)
55. Приуралье (1)	76. Украина (15)
56. Пьяна (1), река	77. Урал (6), река
57. Работки (1), село	78. Успенское (3)
58. Россия (31), Россиюшка (1)	79. Царское Село (4)
59. Рыхловка (18)	80. Чертово Городище (11)
60. Рязань (1)	81. Ядрино (1), село
61. Русь (5), Россия (1),
Российская держава (1)	